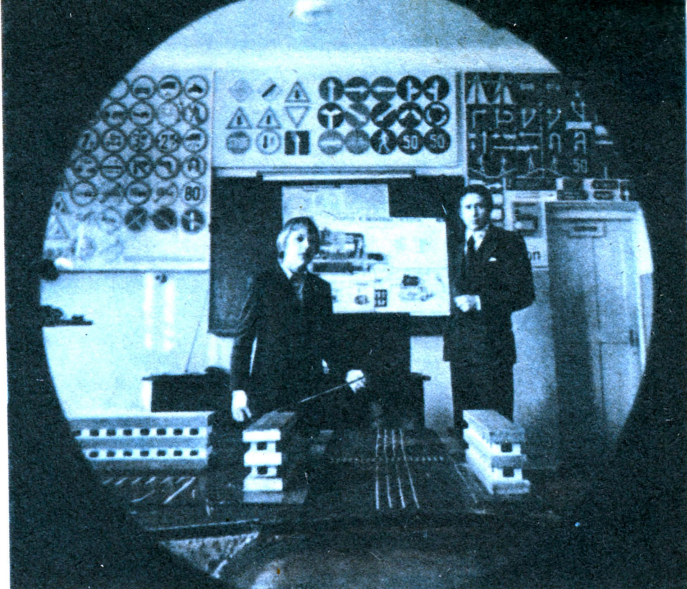

уральский

следопыт

№ 8 *** 1981

ПЕРВОЕ ПРИКОСНОВЕНИЕ

Ткань, как живая, улеглась на руках девочек так, как может лечь на понимающих руках. Этот алый отрез шел на раскрой, и видно было по глазам, как школьницы, фантазируя, мысленно представляли будущие модели и фасоны.

Они, Надя Иванцова, Света Волкова, Женя Анчутина и преподаватель Галина Сергеевна Ненова, работали с тканью.

Работали! У Лермонтова, кажется, есть прекрасная мысль о том, как много значит для наших успехов первое прикосновение к делу.

Первое прикосновение... Все пятьсот старшеклассников города Алапаевска Свердловской области раз в неделю приходят в учебно-производственный комбинат, где их ждут классы авто- и токарного дела, основ педагогики (готовятся пионервожатые), раскроя тканей, кулинарный, машинописи, технического черчения.

Окончание на 3-й стр. обложки.

в номере:

А. Корабельников	АТАКУЮЩИЙ КЛАСС	2
Г. Браиловский	ОТЗОВИТЕСЬ!	8
Л. Гаряев	ПОД ЗНАКОМ ВАНАДИЯ	12
В. Снегирев	НАШ ПОЛЮС	14
Л. Богоявленский	СТАРЫЕ ЛЮДИ ГОВОРЯТ... Начало	33
М. Черненко	ШЕЛЕСТИТ ТОПОЛЕВАЯ РОЩА. Повесть. Начало	42
А. Домнин	НЕБЫВАЛЬЩИНА	63
	СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ	64
Л. Голубев	ПО СЛЕДАМ ДНЕВНИКА	66
В. Марковский	КУРГАНСКИЕ ДНИ ВСЕВОЛОДА ИВАНОВА	67
В. Курков	ЕСТЬ ТАКАЯ СТАНЦИЯ...	68
В. Чернов	ГЛЕБ ПИНЬЖАКОВ И ДЕРЕВНЯ ПИДЖАКОВА	69
С. Поляков	У ОКНА	70
В. Рощаховский	КАМЕНЬ АГАТ	71
В. Турков	«ПРИВЕСТИ ЛЕСА В ИЗВЕСТНОСТЬ...»	72
А. Скориченко	НТР И ПИЩА	75
В. Ионов	НЕ СУДИТЕ СОЛНЦЕ	77
	МИР НА ЛАДОНИ	79

Редакционная коллегия:
 Станислав МЕШАВКИН
 (главный редактор),
 Муса ГАЛИ,
 Алексей ДОМНИН,
 Спартак КИПРИН,
 Владислав КРАПИВИН,
 Юрий КУРОЧКИН,
 Давид ЛИВШИЦ
 (заместитель главного
 редактора),
 Геннадий МАШКИН,
 Николай НИКОНОВ,
 Анатолий ПОЛЯКОВ,
 Лев РУМЯНЦЕВ,
 Константин СКВОРЦОВ

Художественный редактор
 Маргарита ГОРШКОВА
 Технический редактор
 Людмила БУДРИНА
 Корректор
 Майя БУРАНГУЛОВА

Адрес редакции:
 620219,
 Свердловск, ГСП-353,
 ул. 8 Марта, 8
 Телефоны 51-09-71, 51-22-40

Рукописи не возвращаются
 Сдано в набор 28.04.81.
 НС 11122.
 Подписано к печати 18.06.81.
 Бумага 84×108^{1/16}.
 Бумажных листов 2,62
 Печатных листов 8,8
 Учетно-издательских листов 10,5
 Тираж 254000
 Заказ 505.
 Цена 35 коп.
 Типография издательства
 «Уральский рабочий»,
 Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки — рис.
 Е. СТЕРЛИГОВОЙ

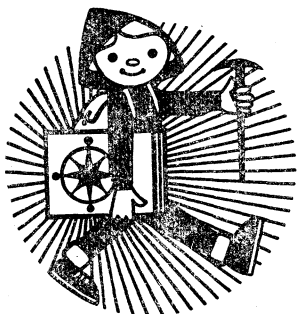
© «Уральский следопыт», 1981 г.

ЛИТЕРАТУРНО-
 ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
 НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
 ДЛЯ ДЕТЕЙ
 И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН
 СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
 РСФСР
 СВЕРДЛОВСКОЙ
 ПИСАТЕЛЬСКОЙ
 ОРГАНИЗАЦИИ
 И СВЕРДЛОВСКОГО
 ОБКОМА ВЛКСМ

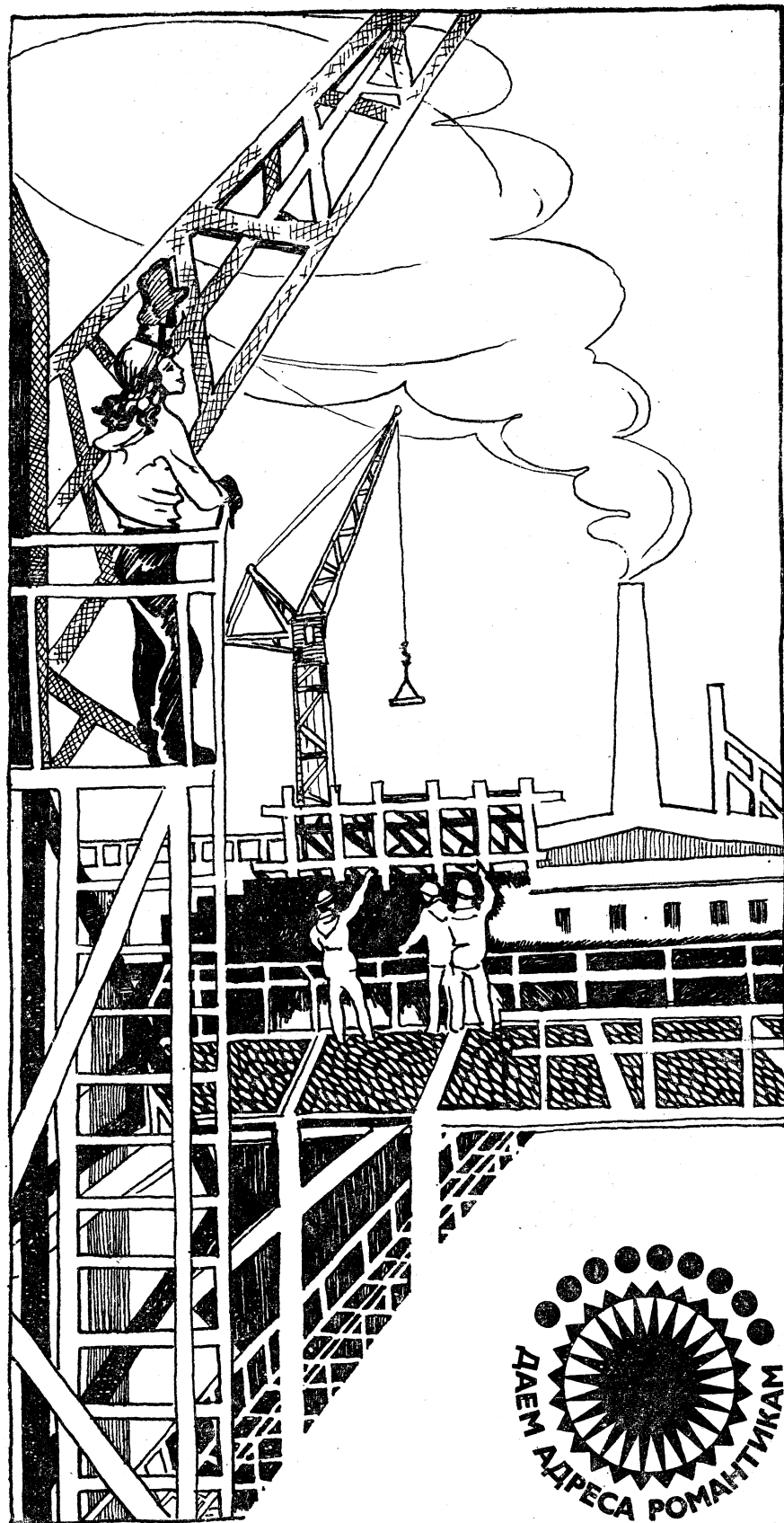
ИЗДАЕТСЯ
 С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
 СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
 КНИЖНОЕ
 ИЗДАТЕЛЬСТВО

№8 * 1981

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

**На Урале продолжить
реконструкцию
и технологическое
первооружение
предприятий химической
и нефтехимической
промышленности.
Ввести в действие
мощности на Пермской ГРЭС.**

Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года.

АТАКУЮЩИЙ КЛАСС

Александр
КОРАБЕЛЬНИКОВ

Рисунок
Т. Анпиловой

Строители — это рабочий класс. Владимир Маяковский дал ему образное определение: «атакующий класс». Атакуют новые профессиональные высоты и пермские строители...

Час шевринцев

До монтажа оставались считанные минуты, и они в последний раз склонились над чертежами: Ян Гроссе, Отто Стилих — инженеры из ГДР, поставившей на уральскую стройку уникальные химические реакторы, каждый весом по двести пятьдесят тонн, и пермский бригадир слесарей-такелажников из треста «Уралхиммонтаж» Иван Шеврин, которому сейчас предстояло поднять эти драгоценные громадины на фундаменты. Все трое рослые, плечистые как на подбор, только немцы, пожалуй, чуточку повальяжней в своей эффектной фирменной униформе и с благородной сединой в модных кудрях до плеч, а русский поمهжестей, посуудей, да и спецовка у него обыкновенная — минмонтажевская, зато новехонькая, специально для такого случая выданная со склада.

А случай и впрямь был исключительным. Предстояло проверить на практике уникальный проект подъема тяжеловесного оборудования, когда вес поднимаемых аппаратов более чем вдвое превосходил возможности подъемного механизма. Портальная мачта — приспособление, с помощью которого надо установить реакторы на фундаменты, — могла осилить лишь двести тонн, а масса обоих реакторов равнялась полутысяче.

И даже сейчас, в последние минуты перед подъемом, чувство неуверенности не покидало инженеров из ГДР. С самим проектом они были согласны, их смущало другое. Накануне русский бригадир, вежливо, но непреклонно отвергнув их возражения, разрешил газовым резчиком проушины шарнирных устройств, предназначенных для подъема реакторов на фундаменты, и вновь заварил их электросваркой. В сущности безобидная, эта операция в несколько раз сокращала время и трудоемкость подготовительных работ, да и сделана она была по согласованию с институтом, разработавшим проект подъема, однако иностранные специалисты опасались, выдержат ли в местах сварки разрезанные шарниры.

Нет, если честно говорить, не таким хотели бы они

видеть подъем «на ноги» своего детища. А оно и в самом деле красиво смотрелось в лучах весеннего солнца. Чистым матовым серебром светились стройные тела двух стальных сигар, лежащих у подножий серых фундаментов. А огненно-алый испод небесно-голубых «юбок» — раструбов на их концах — делал реакторы почти неотличимыми от космических ракет перед установкой на стартовую площадку.

И по таким-то красавцам прошелся накануне русский бригадир огненным резаком. Пускай теперь и отвечает единолично за сохранность драгоценного оборудования!..

Но вот команда: подъем!

Дружно взвыли электрические лебедки, натянулись лоснящиеся от смазки стальные жилы спецтроса, и оба двухсотпятидесятитонных реактора медленно, почти незаметно для глаза, отделились от бетонных плит монтажной площадки.

Более полутора месяцев готовилась к этому часу бригада Шеврина. Десятки, порой самых неожиданных, трудностей пришлось ей преодолеть, чтобы по весенней распутице в целостности доставить на место многотонные машины реакторов, не терпящие грубого обращения. И вот заключительный, решающий час. Верны ли многократно проверенные расчеты, малейшая ошибка в которых может стать роковой? Справится ли с гигантской нагрузкой сложнейшая система блоков, тросов, лебедок?..

Полтора часа продолжался подъем. И все эти полтора часа, даже в самые напряженные минуты, лицо бригадира слесарей-такелажников под пытливыми взглядами руководителей стройки, иностранных специалистов, доброго десятка газетчиков и операторов кинохроники оставалось невозмутимым. И только когда основания обеих стальных сигар прочно встали на свои фундаменты и Гроссе со Стилихом, подбежав к ним, буквально огладили пальцами каждую шероховатость металла, до микрона вымерили щупами зазор между бетоном и сталью (и развели руками), только тогда сломалось железное спокойствие бригадира.

— Все! — выдохнул он и, оборотившись к зрителям, по-мальчишески озорно крикнув в электромегафон: — Спектакль окончен!..

А после мы сидели с Иваном Гавриловичем за столом в светлой квартире, ухоженной заботливыми руками его супруги Лидии Павловны, сухонькой смуглой женщины, чье встревоженное лицо я еще утром заметил в толпе зрителей на монтажной площадке, смаковали душис-

тый чай с вишневым вареньем и, кажется, ничего не осталось в благодушном, по-домашнему «уютном» Шеврине — радушном хозяине и приветливом собеседнике от того немногословного сурового бригадира, которого я привык видеть на стройке.

— Ну, что сегодняшний подъем?! — усмехался Иван Гаврилович, сдувая с чашки ароматный парок. — Все было расписано, как по нотам. Десять раз рассчитано, выверено, техника современная, такелаж «с иголочки». Опасаться тут было нечего, и представители инофирмы больше для порядка, по-моему, сомневались. Во всяком случае, сам я настолько был уверен в благополучном исходе, что, вопреки морскому поверью — женщина на корабле добра не приносит (я ведь сам-то из моряков), даже супруге своей позволил присутствовать на подъеме, хотя раньше, сколько ни просилась, всегда наотрез отказывал. Лучше я тебе про другой подъем расскажу. Вот тот понастоящему трудным был...

Поручили нам в пятьдесят девятом году установить в высоковольтной лаборатории камского кабельного завода восьмидесятитонный трансформатор, — прихлебывая чаек, рассказывал Иван Гаврилович. — Вес, кажется, не ахти какой, мы к тому времени уже двухсоттонные колонны научились «на ноги» ставить. А эту «железяку» всего-то и надо было поднять на четырехметровую высоту и поставить на изоляторы. Только вот беда — изоляторы эти фарфоровые, полые, и толщина стенок у них всего на полтора сантиметра. И ставить на них восьмидесятитонный трансформатор — то же самое, что устанавливать двухпудовую гирию на куринсе яйцо. Допусти перекос на сотую миллиметра, и хрупнут изоляторы, как скорлупка...

Оборудование в лаборатории было импортное. Для его установки фирма-поставщик должна была дать специальный подъемник. Да не дала. А дело не ждало. Вот и пришлось нам устанавливать трансформатор подручными средствами. Смастерили стальные «козлы», подвесили на них трансформатор, завезли его над опорами-изоляторами и механической лебедкой начали понемножечку опускать. И вот когда до конца остались последние сантиметры, тут-то и началось... Теперь опускать надо было миллиметр за миллиметром, так, чтобы нижняя плоскость трансформатора все время была строго параллельна торцам опор. А возможности наших самодельных «козел» с лебедкой этого не позволяли. И вот тогда меня осенило. Взял я стальной ломик и наперевес с ним — к лебедке. Представители инофирмы рты от изумления пораскрывали: не иначе русский Иван с ума сошел!.. Свои тоже: мол, что это Ванька и впрямь, что ли, по русской поговорке решил действовать — с помощью лома. А я сунул ломик в самую маленькую шестеренку редуктора и давай ее руками по зубчику проворачивать. Передвину шестерню на зубец — трансформатор на волосок и опустится.

Так вручную, микрон за микроном, и посадил ту восьмидесятитонную «железяку» на изоляторы. Слышал, может, раньше у искусников-кузнецов фокус такой в ходу был, чтобы паровым молотом крышку карманных часов закрыть?.. Так после один из заводских инженеров подъем трансформатора с этим фокусом сравнивал. Только я сомневаюсь, чтобы какой-нибудь кузнец на тот фо-

Иван Гаврилович Шеврин

кус решился, будь тем часам цена, скажем, в полмиллиона долларов...

Потом я разглядывал альбом газетных вырезок и фотографий, запечатлевших наиболее памятные подъемы сверхтяжелого оборудования. На первом снимке, помеченном 1956 годом, бригада Шеврина после подъема двухсоттонной вакуумной колонны на одной из первых установок Пермского нефтеперерабатывающего комбината. Ивану Гавриловичу тогда было тридцать лет. На последних — установка блока колонн на заводе бутиловых спиртов и дваэтилгексанола — одной из новостроек пермской нефтехимии. А между этими фотографиями два десятка лет, и в буквальном и переносном смысле, тяжелойшей работы, сотни смонтированных аппаратов, вес которых, если сложить, больше десяти тысяч тонн! Какое только оборудование не приходилось монтировать бригаде Шеврина. Даже механизмы для смены декораций и подъема двадцатитонного пожарного, так называемого «стального» занавеса в нынешнем здании Пермского театра оперы и балета — и те устанавливали под руководством Ивана Гавриловича. И за все эти годы ни одной аварии, ни одного несчастного случая. Потому что производился каждый, даже самый смелый, подъем не на авось, а с помощью точных инженерных расчетов, подкрепленных рабочей смекалкой, если того требовали обстоятельства. Да и сам-то момент подъема — это лишь яркий миг, венчающий недели, а то и месяцы черновой кропотливой работы...

Недавно мне снова довелось стать свидетелем великолепного мастерства Ивана Гавриловича и его подручных. На строительстве Пермского комплекса аммиака и карбамида бригаде предстояло установить четырехсоттонную громаду технологического аппарата — регенератора — высотой семьдесят три метра. Оборудование такого веса и «роста» шевринцам поднимать пока что не приходилось. Да и способ подъема был для них новым. До этого монтаж тяжелыхесных технологических колонн с помощью специального механизма — гидropодъемника — в Советском Союзе осуществлялся всего лишь пять раз. И все

прежние подъемы производились опытными образцами этого устройства. А Ивану Гавриловичу предстояло испытать первый серийный, только что доставленный с завода-изготовителя.

И вот освобожденная от строительных лесов, карабкающаяся по которым, монтажники оснащали регенератор внешними трубопроводами, а теплоизоляционники укутывали слоями стекловаты и алюминиевой жести, зеркально-блестящая стальная колонна тяжко покоится на опорных тележках, а два стонных подъемных крана, поддерживающих ее вершину, кажутся спичечными коробками.

Я смотрю на эту громаду, стыкованную из двухсоттонных цилиндров, и вспоминаю, сколько трудов и средств понадобилось, чтобы доставить их даже по отдельности на строительную площадку. Детали буквально не лезли ни в какие ворота. Правила железнодорожных перевозок не позволили доставить их на Урал с Дальнего Востока прямым путем, и части регенератора совершили почти кругосветное путешествие: сперва на морских судах по Тихому и Ледовитому океанам, через Балтику в Ленинград. Затем, уже на речных баржах, по Волго-Балтийскому каналу, Волге и Каме были доставлены к специально построенному причалу в тридцати километрах от Перми.

Помню, как в октябрьскую непогоду, под сеющим ледяным дождем, по колено в камских волнах, захлестывающих причал, монтажники, на время став докерами, под руководством лучшего из учеников Шеврина молодого мастера Сережи Снигирева (сам Иван Гаврилович в те дни монтировал тяжеловесное оборудование на Чайковском заводе синтетического каучука) лебедками через сложную паутину полиспастов стягивали двухсоттонные части аппарата на бетонный настил причала. Как гнулись от нагрузки стальные балки, в щепу крошились просмоленные шпалы, как мячиками подпрыгивали на воде большегрузные баржи, освобождаясь от своей ноши.

Вспоминаю, как жестокой зимой, в сорокаградусные морозы, мастера тяжеловесных перевозок, вызванные из Горького, сцепом из четырех мощных тягачей «Ураганов» по тридцатикилометровому зимнику тянули детали регенератора на стройплощадку. Надсадно рычали четырехсотсильные, похожие на гигантских ящеров, тягачи. Свет мощных фар вяз в чаду выхлопов. Со взрывной силой лопались шины гидравлических специальных тележек, словно гнилая солома, скручивались и ломались на изгибах трассы металлические буксирные штанги, каждая толщиной с бревно.

И вот теперь эти громады, собранные в цельную стальную колонну, бригаде Шеврина предстоит поднять на попа.

Красными флажками очерчена опасная зона. Проведен последний инструктаж с участниками подъема. Напряглись стрелы стонных кранов, подстраховывая новехонкий, не проверенный еще в работе гидроподъемник. Мастер Виктор Борткевич, обучавшийся управлению новым устройством в городе Кириши под Ленинградом, по команде Шеврина нажимает на пульте управления гидроподъемника кнопку «рабочий ход», и четырехсоттонная стальная громада медленно отрывается от опорных тележек.

Десять часов продолжался подъем регенератора.

Таня Колесникова

Учитывая, что на подобную операцию в тех же Киришах ушло несколько дней, уже это было несомненным достижением монтажников Шеврина. А через пару недель, монтируя с помощью гидроподъемника следующий тяжеловесный аппарат, бригада установила рекорд, втрое сократив расчетное время подъема.

...В доме Ивана Гавриловича висят копии с картин русских художников, в основном передвижников. Хозяин когда-то пробовал заниматься живописью, но без специальных знаний и чьего-либо руководства дальше копий, пусть и неплохо сделанных, увлечение не пошло. Зато в своей рабочей профессии, кстати, одной из самых редких, Иван Гаврилович стал настоящим художником, с выдумкой, инициативой, талантом, русской природной сметкой.

Свидетельством тому сотни многотонных стальных аппаратов на химических заводах Западного Урала, десятки благодарностей, поощрений, наград за внедрение целого ряда рационализаторских предложений по монтажу тяжеловесного оборудования, в том числе золотая медаль ВДНХ.

И если уже до конца сравнивать труд Шеврина с искусством художника, я бы сказал, что это искусство монументалиста. Ибо что может быть монументальнее результатов его работы?..

«Люблю высоту...»

До этого Таню Колесникову я видел только на снимке молодого фоторепортера Андруши Ширинкина. Сфотографировал он ее на стреле башенного крана, в ста метрах над уровнем стройплощадки комплекса аммиака и карбамида. Из-за брезентовой робы и свитера казалась девушка рослой, плечистой, под стать любому строителю-высотнику сильного пола.

Это впечатление оставалось у меня и все время, пока я наблюдал за работой Татьяны снизу. Конечно, саму крановщицу в ее кабине, этаким стеклянном ласточкином

гнезде, прилепившемся на головокружительной высоте к ажурной башне гигантского крана, я разглядеть не мог. Однако за той легкостью, с какой кран опускал на длинных тросах свой многотонный груз (на стометровой отметке грануляционной башни демонтировались строительные механизмы), и точностью, с которой укладывал его на крохотный пятачок площадки, чувствовалась уверенная рука.

Но вот стрела крана застыла в воздухе, из-под нее скользил вниз желтый пенальчик лифта, распахнулись стальные дверцы, и обнаружилась за ними невысокая девчушка, с виду почти подросток, с круглым детским лицом.

А еще через пару минут мы сидели с Таней в ее кабине крановщика. Снаружи хлестал дождь со снегом, бушевал ветер, стрелка прибора, показывающая его скорость, то и дело скакала за цифру двадцать, а здесь было сухо, тепло и даже уютно. Покоем, домашностью веяло от фотокарточек знаменитых киноартистов, глядящих со стен кабины (знали бы, куда занесла их зрительская любовь!), и от недоеденного пирожка на листке бумаги. Временами даже казалось, будто сидишь не на высоте с лишним метров, а в комнатке девичьего общежития с его нехитрым убранством. И только пропасть, разверзшаяся под ногами за стеклянной стенкой кабины, возвращала к действительности.

Она же, действительность, напоминала о себе и радиоголосом из динамика селекторной связи.

— Стрелку чуть влево... Поддай каретку вперед... Майнуй помалу!— командовали с земли стропальщики, принимавшие груз. И стальная громада крана перемещала его сразу в трех направлениях.

Но управлять краном вот так — на слух, вслепую, когда стропальщики на далекой земле едва различимы за снежно-водяной мутью, ведь это под силу только очень опытному крановщику. А тут девчонка, у которой, наверное, и весь-то рабочий стаж без году неделей..

— Ну что вы, я на кранах уже третий год работаю,— смеясь, возражает Таня.— До этого — на обычных башенных, а как узнала, что нынче на аммиаке высотный монтируют, каких не то что в городе, во всей стране не было, так сразу к началству: дайте мне на нем поработать! Прошу, а сама чуть не плачу. Ведь сперва на него хотели одних мужчин посадить. Трудно, мол, на такой высоте женщинам. А я как раз высоту люблю. Век бы, кажется, на землю не слезала. И разжалобила, видно, начальство. Провели со мной инструктаж. У Юры Хохрякова, он крановщиком двенадцать лет, стажировалась..

Выходит, «разжалобила». Но я уже знаю, что никакими слезами не размягчить бы ей закаленные начальственные сердца, если бы еще в прошлом году не завоевала Таня звание лучшего по профессии среди машинистов башенных кранов своего строительного-монтажного треста. Именно поэтому и доверили ей управлять уникальным краном с заводским номером «1».

А ведь когда-то у нее и в мечтах не было стать строителем, машинистом крана.

— Я парикмахером стать хотела,— вспоминает девчушка,— да отец не позволил. Мол, что это за работа! Разбалуешься на ней. Иди лучше на крановщицу учиться. И

профессия женская, и дело настоящее. А как папу ослушаешься, если он нас один семерых вырастил?.. Мама-то умерла. Вот после восьмилетки и поступила в профтехучилище, где на крановщиков учат. А сейчас свою работу так полюбила, что каждый раз иду на нее, как на праздник. И младшую сестренку в то же училище сагитировала. Только ее не приняли. Медкомиссию не прошла. К работе на высоте признали негодной. Сейчас на водителя троллейбуса учится.

Порыв ветра вдруг так бьет в стенку кабины, что я невольно поеживаюсь.

— А самой-то тебе не бывает жутковато в такую погоду на высоте?

— Да мне-то в кабине чего бояться?— искренне удивляется Таня.— Это монтажникам жутко, наверное, приходится, когда они в такой же ветер башню крана наращивали. А если осенью хорошей погоды ждать, значит, совсем не работать. Когда уж вовсе штормит, поставишь стрелу по ветру, и вниз на лифте.

— А если вдруг лифт откажет?

— Тогда пешком.

— Сто с лишним метров по этим прутикам?— киваю я на жиденькую лесенку, отвесно уходящую в пропасть.

— Это она только с виду такая жидкая, а на самом деле надежная,— смеется девчушка.— Я иной раз в хорошую погоду, как на обед идти, нарочно лифтом не пользуюсь. Для разминки. Работа все же сидячая.

В эту минуту в динамике вновь раздается голос, но уже не командный, а скорее робкий, просительный.

— Танечка, мы обедать пошли... Я займу на тебя?..

— Займи... если хочешь...— не без женского лукавства отвечает девчушка, щелкает переключателями на пульте, и мы переходим в кабину лифта.

Лязгают дверцы, Таня топит пальцем кнопку «Вниз» на щитке управления, и... кабина ни с места. Недаром же говорят: помани черта, тут он и явится. Перспектива же ползти по отвесной лесенке сто с лишним метров, вроде муравья по соломинке, мне как-то не по душе.

Смотрим друг на друга уже растерянно.

— Ну вот... видно, и мне «пешком» придется попробовать,— говорю я.

— Нет, я одна ползу,— решает Таня.— Наверное, внизу на щите что-то случилось. Исправлю, вы эту кнопку нажмете и спуститесь.

Какое-то время я еще вижу, как она белкой скользит по лесенке, потом остаюсь в полном одиночестве, зажатый в мертвом железном ящике.

Начинают коченеть ступни ног, обутых в резиновые сапоги. Лифт, в отличие от кабины крановщика, не отапливается. Тоскливо гадаю: а если лифт так и не удастся исправить, на веревках, что ли, меня отсюда будут спускать? То-то будет картинка... Ну, нет... Как в омут головой, выскакиваю из лифта. Ветрюга тут же сдирает сдвинутый набекрень берет, но не уносит его, а, на мое счастье, припечатывает к переплетению стальных балок. Крадучись, как бабочку, ловлю свой легкомысленный головной убор, нахлобучиваю, сколько можно, на уши и, сжав губы, чтобы не захлебнуться ветром, начинаю спускаться. Внизу застыла фигурка Тани. Кажется, даже отсюда можно различить тревогу на ее лице.

Александр Иванович Трубин

...Однако о том, как я выглядел в тот момент со стороны, лучше не вспоминать. Как-никак, а все же спустился. Правда, руки после этого два дня болели. Вот такая она, девичья высота. И любит ее Таня!

Без страха и упрека

Бывают же совпадения! Фамилия — Трубин, и профессия — трубоклад. То есть мастер, который трубы кладет. И не какие-нибудь, а высотой этак от двадцати пяти до ста метров...

С Александром Ивановичем Трубиным, бригадиром мастеров-трубокладов, мы сидим в маленькой рабочей бытовке «Союзтеплостроя» и под стук домино, которым развлекается бригада в коротенький послеобеденный перекур, говорим о его довольно редкой профессии.

— Сколько я труб сложил? Уж и не помню точно. Шестнадцатый год на высоте... На нефтеперерабатывающем заводе три восьмидесятиметровки клал, в Мотовилихе — сотку, в Нытве — такую же, да сколько мелочи всякой — по двадцать пять — тридцать метров. Все и не сосчитаешь... А вот первую трубу помню.

Выучился я в ФЗУ на огнеупорщика, и взял меня старый трубоклад Кочетов Аркадий Сергеевич в подсобные.

А трубу клали низенькую — тридцатиметровую на лесозаводе. Довели до вершины, я на небо гляну — облака плывут, а чудится — труба валится. Аж подташнивает. А Аркадий Сергеевич посмеивается: что, парень, боязно? Да и ставит на край трубы стакан с водой. Никто к стакану не прикасается, а вода в нем поплескивает. «Гляди-ка, труба-то и впрямь качается, — смеется мастер, — вдруг и взаправду рухнет?! Только ты, парень, одно запомни: если она качается, значит, стоять ей да стоять. А вот как перестала качаться, так и знай — свалится!»

Ну, да это только вступлением было. Сколько он мне еще потом преподавал уроков, прежде чем я хотя бы азы этой трубокладной науки вызубрил. И нехитрое вроде дело. Знай клади да клади кирпич. А попробуй выведи ты ее, трубу, метров, скажем, на восемьдесят, да так, чтобы отклонение вертикальной оси от основания до вершины не больше восьмидесяти миллиметров вышло. Восьмидесят метров и восьмидесят миллиметров! Тут не одни руки — и голова нужна...

Перекур кончается. Бригада перестает стучать в домино, выходит на улицу. Все отправляются к строительной площадке завода бутиловых спиртов производственного объединения «Пермнефтеоргсинтез».

Труба поднялась пока невысоко. До ее вершины еще дотягивается шея подъемного крана.

— Эта будет восьмидесятиметровая, — кивает на трубу Александр Иванович. — Пока стрелы крана хватают, кирпич и раствор поднимаем им. А как уйдет выше, установят внутри трубы специальный подъемник вроде шахтного... А сами как? Сами — только по скобам. Хоть на сто метров. Для нас лифт еще не придумали. Ну и само собой каждый трубоклад раз в год сдает экзамен «на высоту». Вроде как летчик или космонавт даже. Проходит комиссию с центрифугой и другими медицинскими хитростями. Не прошел комиссию или испугался раз высоты — прощайся с профессией.

А трубоклады на вершине трубы работают с таким профессиональным изяществом, как бы играючи, что иногда чудится, будто в руках у них не увесистые кирпичи, а легонькие костяшки домино. И кладут они их также непринужденно, даже небрежно, но каждый раз точно на место, впритык друг к другу.

— Пока класть легко, — объясняет Александр Иванович. — Кладем из целого кирпича. Труба в основании почти девять метров, и закругление получается как бы само собой — за счет большого диаметра и раствора.

...Труба растет. И фигуры трубокладов на ней напоминают сказочных рыцарей на крепостной башне. Да они и есть рыцари. Рыцари труда. Без страха и упрека. Почему «без страха» — понятно. «Без упрека» же потому, что делают свое дело безупречно.

Спрашиваю напоследок:

— А когда вы трубу кладете, метки на ней никакой не ставите: кто, мол, и когда клал?

— Дату выкладываем. Раньше еще фирму — «СТС» — ставили. «Союзтеплострой», значит. А ребята смеются: «Сашка трубу строил».

ОТЗОВИТЕСЬ!

Григорий
БРАЙЛОВСКИЙ

1. Один моряк — моряк, два — уже взвод...

Десять лет назад в ленинградской газете «Смена» появилась первая подборка писем, присланных разными людьми, но с одной просьбой: «Помогите установить судьбу...»

Письма, как осколки, с которыми трудно жить, письма о невидимых следах войны, о розыске родных и пропавших без вести... Письма — как раны, не заживающие, а лишь приглушенные временем. Боль пополам с надеждой...

С помощью читателей газеты, красных следопытов, ветеранов войны, работников архивов, милиции была установлена судьба более 370 бойцов и командиров, числившихся в списках пропавших без вести, найдены и возвращены близким 67 живых... Многие сотни однополчан нашли своих боевых товарищей.

Письма почты «Отзовись!» — маленькие истории войны. Они позволили впервые назвать имена безвестных героев Великой Отечественной, узнать о их ратном вкладе в основание Победы и рассказать об этом людям.

Вот три истории о завершенных розысках.

«30 июня 1942 года группа разведчиков 3-го батальона 2-й бригады морской пехоты в составе Волокославского, Ермошкина, Заики и Артемова не вернулись с боевого задания. Командир группы Борис Волокославский — мой сын. О нем я получил извещение: «пропал без вести». Сколько лет прошло, а я все не теряю надежды узнать о судьбе Бориса. Возможно, живы его товарищи. Уверен, что они откликнутся на мое обращение. А. И. Волокославский». (Из письма).

Тридцать пять лет с конца войны... Говорят: «время — великий исцелитель». Великий, но не всемогущий.

Долгие годы искал Александр Иванович Волокославский следы сына, запрашивал архивы, обращался в военкоматы.

На письмо Александра Ивановича стали приходить отклики. Жена разведчика Ивана Семеновича Артемова сообщила, что получила извещение о гибели мужа. О другом моряке, Данииле Павловиче Заике, стало известно, что он якобы погиб в плену. Военный комиссар города Ломоносова А. Н. Ильин сообщил несколько адресов однополчан 3-го батальона 2-й бригады морской пехоты. Один из них на посланную ему газету с опубликованным письмом А. И. Волокославского отозвался из Сыктывкара. Был это Владимир Константинович Трусов.

«Дорогой Александр Иванович! Ваш сын Борис Волокославский был командиром отделения в моем взводе разведки. Пришел к нам Борис осенью 1941 года, и с первых боевых дней проявил себя храбрым, находчивым в любой обстановке... Не случайно он очень скоро стал командовать отделением разведчиков.

В то время мы почти ежедневно выполняли боевые задания. Много

было стычек — больших и малых, на нейтральной полосе и в тылу врага. Это было тяжелое время, и разведчики не щадили сил. Легкораненные не уходили в лазареты. Борис не только ходил в разведку: часами выслеживал фашистов со снайперской винтовкой... 3 июня 1942 года ему был вручен знак «Снайпер РККА» за наибольшее количество уничтоженных врагов, он истребил 36 гитлеровцев.

Сейчас очень трудно вспомнить все отдельные боевые эпизоды, участником которых он был, но некоторые операции хорошо помню. Так, 14 января наш взвод в районе лесопилки устроил засаду, на которую напорлся враг, нам удалось захватить «языка» — взяли его Борис с разведчиком Ольшанским; позже захватили еще одного пленного, который сообщил о потерях фашистов у лесопилки — набили мы их там около семидесяти... Для взвода-то!

И еще очень хорошо помню 30 июня 1942 года, когда группа разведчиков — Ермошкин, Артемов, Заика, — возглавляемая Борисом, готовилась пойти в тыл врага. Группа перешла линию фронта у деревни Новая Буря. Ночь была светлая. Уже через 20—25 минут после ухода группы вблизи переднего края завязался автоматный и гранатный бой, схватка продолжалась часа два. Со стороны деревни Гостилицы к месту боя вышли три машины с фашистскими солдатами. А потом все стихло. В течение шести суток мы ждали возвращения группы, но не дождалась. Судя по обстановке, разведчики приняли неравный бой. Через полтора месяца к нам вышел со стороны немцев местный житель; он, а потом и захваченный пленный подтвердили наши догадки. Фашисты устроили засаду. Наши приняли бой. Вели бой в окружении, уничтожили до двух десятков врагов, дрались до конца. Но и сами погибли. Местные жители втайне от гитлеровцев захоронили их на окраине деревни Новая Буря Ломоносовского района Ленинградской области.

Меня вскоре ранили в бою, в строй я не вернулся. На месте гибели боевых друзей побывать не пришлось. У нас, разведчиков, в памяти Борис остался настоящим воином, на которого можно было положиться в любой момент. Он героически дрался с врагом — до последнего вдоха, до последнего патрона.

Александр Иванович! Ваш сын для своего Отечества сделал все, что мог, и заслуживает вечной памяти героя Отечественной войны! Низко кланюсь Вам за такого сына.

В. К. ТРУСОВ, бывший командир взвода разведки 3-го батальона 2-й бригады морской пехоты.

А спустя месяц в редакцию газеты «Смена» пришел инвалид.

— Я приехал из Ворошиловграда в связи с публикацией письма Волоко-славского. Меня зовут Даниил Павлович Заика, я один из группы Бориса Волокославского...

В беспамьятстве, тяжело раненный разведчик Заика оказался в плену, выжил чудом. После войны вернулся на родину. Прочтя в газетной публикации его фамилию, родные Даниила Павловича в Ленинграде выслали ему вырезку с письмом Волокославского, сопроводив предположительным: «А, может, это вы упоминаетесь, дядя Данило?»

В деревню Новая Буря они выехали вместе — Александр Иванович Волокославский, отец Бориса, и Даниил Павлович Заика, его боевой друг.

«Один моряк — моряк, два — уже взвод, три — рота...» Это боевая характеристика бойцов в тельняшках, которых свои называли ласково «братишками», а враги — «черной смертью». Морские пехотинцы воевали на разных участках фронта, и везде выделялись не только формой одежды — выделялись традиционным бесстрашием, флотским товариществом.

Когда на войне звучала команда «подготовиться к атаке!», бойцы знали: нужно дозарядить оружие и привести в боевое положение гранаты; те из них, что пришли в окопы с кораблей, этим не ограничивались — они вместо касок надевали бескозырки.

Борис Волокославский был бойцом в бескозырке. Он многого не успел в жизни, ему было только двадцать лет. Не успел и награды получить. А вот уничтожить тридцать шесть захватчиков успел! Он не дождал до Победы, но все сделал, чтобы до Берлина дошли другие, и его имя по праву — в ряду бессмертных имен победителей. Еще одно имя, отнятое у неизвестности.

2. Бессрочный паспорт ленинградский

17 октября 1941 года, возвращаясь с боевого задания из района Ладожского озера, бомбардировщик 1-го гвардейского минно-торпедного авиационного полка Краснознаменного Балтийского флота был атакован тремя фашистскими истребителями. После короткого воздушного боя, во время которого один «мессершмидт» получил повреждение, бомбардиров-

щик загорелся и упал в районе деревни Канисты Всеволожского района Ленинградской области.

Очевидец случившегося, в то время комиссар стрелкового батальона Н. Т. Ильин, уже после войны предпринял поиск, занявший несколько лет, чтобы установить фамилии погибших летчиков. Ему удалось разыскать родственников трех членов экипажа летчика Уварова, чтобы сообщить им, как погибли их близкие. Только у штурмана капитана Матвея Гилевича родственники не находились... И тогда в «Смене», в разделе «Отзовитесь!» был опубликован рассказ о розыске, который ведет Н. Т. Ильин.

Эта публикация собрала целую семью...

Первым откликнулся читатель И. П. Губин: «У капитана Гилевича жива жена Зинаида Григорьевна, есть братья и сестры...» Потом пришло письмо из Красногорска, от Георгия Петровича Гилевича: «Мне стало известно о статье, рассказывающей об обстоятельствах гибели моего родного брата Матвея...» Из Рязани откликнулся брат Даниил. Из Саратова, Львова, Могилева пришли письма от сестер: «Нам, его родственникам, до сего времени не были известны подробности событий, при которых погиб брат...» Жена капитана Гилевича тоже отозвалась.

Н. Т. Ильин пригласил ее, а также братьев и сестер Матвея Петровича встретиться с ребятами Колтушской средней школы, находящейся неподалеку от места гибели летчиков. И встреча состоялась. Я был на ней. Сидел вместе с притихшими, не податски серьезными ребятами, слушал.

Гилевичи рассказывали о своем старшем брате, и живой капитан Гилевич вставал перед мысленным взором — человек с удивительно чистым, честным и мужественным сердцем...

...На старой фотографии, сделанной в середине 20-х годов, семья Гилевичей: Лидя, Матвей, Фекла, Даниил, Ольга, Анастасия, Георгий, Шура. В то время отец с ними не жил, и главой большой семьи оказался старший по возрасту Матвей.

— Брату едва исполнилось десять лет, а на нем уже лежала вся мужская работа по домашнему хозяйству, — вспоминала Лидия Петровна Гилевич.— Наша мама была неграмотной, и ей очень хотелось, чтобы мы все учились и получили образование. Не довелось ей увидеть при жизни, как ее дети выходили в люди. Когда она умерла, все заботы о семье легли на плечи Матвея. Двадцать лет было ему, когда умерла мама. Семеро ребятшек в семье!.. Но Матвей умело вел хозяйство, мы

помогали, чем могли, и благодаря ему не голодали. То, что все учились, — тоже его заслуга. Для всех нас, младших, Матвей был не только старшим братом — он заменил отца и мать. Помню, когда брат устроился на работу лесником, купил мне чулки и ботинки — по тем временам исключительно дорогой подарок...

Лидия Гилевич начинала свой самостоятельный путь работницей шелкопрядильной фабрики, потом стала драматической актрисой. А на всю Отечественную была у нее еще одна профессия — медсестра... Так странно смешалось в жизни: шумные аплодисменты в театре и едва слышная сказанная в госпитальной тишине слова: «Спасибо, сестра...»

— Матвей рос сильным парнем, — продолжала рассказ о брате Анастасия Гилевич. — Лучше других мальчишек бегал на коньках, дома, во дворе, соорудил турник. На вид суровый был, а в душе — очень мягкий и добрый. Хорошо помню, как население Могилева купило на свои средства аэроплан. Много людей сбежалось посмотреть на чудо-машину, но на приглашение пилота сесть в кабину и пролететь над Могилевом дал согласие только наш Матвей. Не могу забыть, каким восторженным и счастливым пришел он в тот вечер домой. Под большим секретом рассказывал мне о своем полете и о мечте стать летчиком. Суждено было сбыться этой мечте...

Сам Анастасия Гилевич стала врачом. Училась днем, вечерами работала — молода была, вынослива, еще и общественные нагрузки прихватывала. Институт окончила с отличием, но в Минске не осталась — поехала на село. В войну сто километров прошла пешком, под вражеским огнем — закрывая собой годовалого сына, без еды, до боли стиснув зубы. Сотни раненых обязаны были выздоровлением и возвращением в строй майору медицинской службы запаса Анастасии Гилевич.

Когда погибли старшие, Матвей и Фекла, главой семьи стала Анастасия. И хотя война разбросала Гилевичей по всей стране, ей удалось установить письменную связь с братьями, вызвать Лидию...

Даниил Петрович Гилевич:

— В Могилеве в свое время находилась ставка царского генерала Духонина, которую вскоре после революции ликвидировали балтийские матросы. Матвею тогда было тринадцать лет. Тех матросов он запомнил на всю жизнь. В двадцатые годы Могилев шефствовал над линкором «Парижская коммуна», в город приезжали моряки-черноморцы, рассказы-

вали о флотской службе. Матвей, отслуживший к тому времени уже два года в армии, загорелся вдруг мечтой о флоте. Подал заявление о вступлении добровольцем, служил рядовым матросом, выучился на радиста торпедного катера, потом поступил в Ейскую военно-авиационную школу, стал морским летчиком на Балтике.

Матвей первым из нас принял боевое крещение. Уже во время войны с белофиннами он сделал девять боевых вылетов. Отечественную начал с первых дней. Бомбил вражеские военно-морские базы, танки и машины с пехотой, выводил из строя артиллерию, обстреливавшую Ленинград. В составе 1-го мино-торпедного авиаполка участвовал в бомбежке Берлина, ударах, нанесенных в августе-сентябре 1941 года. Был награжден орденом Красного Знамени.

Младший брат Матвея Даниил тоже стал военным моряком. Капитан I ранга в отставке, Даниил Петрович Гилевич награжден семью боевыми орденами и десятью медалями. Участвовал в обороне Одессы, Севастополя, Кавказа, в боях на Балтике и Ладоге, на Чудском озере, в освобождении Эстонии и штурме Кенигсберга.

— Матвей погиб. Но я мстил за него, за кровь его товарищей. Матвей бил врага с воздуха, я — с моря...

На плацдарме, захваченном его моряками, высадились части 86-й стрелковой дивизии Ленинградского фронта, той самой, в которой служил самый младший Гилевич — Георгий, сержант-артиллерист. Георгий бил врага с суши — бил, как полагают, о чем свидетельствуют боевые награды.

Ныне Георгий Гилевич — горный инженер. Экзамены в институт он сдавал в городе Черемхове в конце 1944 года, уже будучи инвалидом войны. Прибыв в Ленинград, на встречу с пионерами, Георгий Петрович прежде всего поехал в район Невской Дубровки — долго лазал по снегу, искал свой окоп... Нашел — обрадовался...

— Когда стали известны обстоятельства гибели экипажа Уварова, — продолжает рассказ о брате Георгий Петрович, — я стал получать письма от боевых друзей Матвея. Прочитаю некоторые. «Это был человеческий человек, коммунист, преданный Родине, смелый и храбрый воин», — написал о Матвее Герой Советского Союза полковник в отставке А. А. Ермолаев. «Матвей Петрович был у меня начальником штаба эскадрильи, вместе с ним мы начинали войну с фашистами. Ваш брат летал на самолетах «ДБ-3» днем, в одиночку, без прикрытия. Такой полет в то время сам по себе уже был подвигом...» — из пись-

ма дважды Героя Советского Союза генерал-майора в отставке Н. В. Челнокова. А вот что писал в боевой характеристике командир 1-го мино-торпедного авиационного полка Герой Советского Союза полковник Преображенский: «...С начала войны капитан М. П. Гилевич смело и отважно выполняет свой долг. Стиль его работы — образец для других. Жизнерадостный, общительный и в то же время волевой командир... Как никто умел он найти подход к людям, даже шутки его были глубоко поучительны...»

Александра Гилевич:

— В семье Матвей был ко всем добр. Доброта была свойством его характера. Таким Матвей остался и потом, когда женился и стал отцом. В сентябре 1940 года он забрал меня к себе в Ленинград, где я начала работать в аэродромной службе, инженером. Мы часто встречались по работе. Помню, как счастливым был он и его товарищи, когда вернулись после полета на Берлин, как оживленно обсуждали это боевое задание...

Строительство аэродрома — вообще нелегкое дело. Шура Гилевич строила его в условиях блокады города. Испытывая все муки голода, в лютой мороз, под артобстрелом, девушка выполняла задания с предельной отдачей сил. С аэродрома, в сооружении которого участвовала Шура, взлетел Матвей Гилевич, поднявшись в воздух десятки других летчиков, чтобы громить ненавистного врага, захватившего Белоруссию и стоявшего у стен Ленинграда.

Шура Гилевич была младшей в семье. В своей армейской столовой она не съедала полученные скромные пайки хлеба, а собирала и сунула их для детей Матвея. Шура делала все возможное, чтобы спасти их, но...

Зинаиду Григорьевну, жену капитана Гилевича, выступить не просили... Она уже бывала здесь, в Колтушах, и о ее трагедии знают в школе. Вместо рассказа о муже Зинаида Григорьевна принесла и прочла ребятам его письмо, посланное семье за неделю до последнего боевого вылета.

«Зина, Боря, Юрик и Вовочка! Привет вам, дорогие. Жив-здоров и вам всего наилучшего желаю в жизни и здоровья. Зина, береги пацанов. ...Фашисты получают и еще больше получат... Прицел Витяка Токарев и Юрик Харламович из глубокого тыла фашистов, рассказывали, как издеваются изверги над беззащитным населением. Кровью сердце обливается за эти жертвы — в каждом зверски уби-

том ребенке мне чудятся мордашки Юрика, Вовки и Бориса... В любую погоду, с любой высоты, лишь бы приказ был, глушу этих бандитов. Возвращаюсь домой только с пустым самолетом. Когда бьешь этих гадов в упор и видишь, как в панике они бегут, хочется пикировать на них и душишь прямо колесами и грудью самолета... Поганые трусы, они даже избегают открытого боя и бьют только из-за угла одиночные, беспомощные и подбитые машины. Зна, я дорого мишу...»

На руках матери остались три сына: Боря — семи лет, Вова — шести и Юра — четырех. Черные, долгие тянулись дни блокады. Ноябрь, декабрь, январь... Мальчики уже не ходили — лежали в холодной промерзшей кухне. Боря умер 13 февраля, Володя — 15-го, Юра — 17-го. Они застывали один за другим, на руках у матери...

Можно ли измерить человеческое горе? Нет, такое не измеришь... Когда при открытии обелиска в честь погибшего экипажа была объявлена минута молчания, она была данью памяти не только героям-летчикам, но и этим трем маленьким ленинградцам с белорусской фамилией Гилевичи, не дожившим до Победы...

Есть ленинградцы по паспорту. Есть — по крови, пролитой на ленинградской земле.

Родина Гилевичей — Могилев. Война породила их с Ленинградом, живых и павших. Нет у Гилевичей ленинградской прописки, зато есть медали «За оборону Ленинграда» — бессрочный паспорт ленинградский. И родные могилы в приневской земле.

3. «...Приезжайте, найдена мама»

Такую телеграмму получил Алексей Анатольевич Зайцев, слесарь Чернобыльского монтажного участка в Киевскую область. Самые дорогие, самые желанные для него слова за все сорок лет жизни.

В 1941 году он, трехлетний мальчик, был эвакуирован из Ленинграда в Кировскую область. «...Больше о себе ничего не знаю», — написал он в «Смену».

Как искать родных, если от прошлого есть только имя? Да воспоминания — обрывочные, полувывцветшие, полубомбочные, словно видения...

Короткое письмо Алексея Зайцева мы направили в паспортный отдел, где инспектор Валентина Андреевна Черных открыла для него новую

папку: «Дело по розыску родных А. А. Зайцева».

Розыск родных не является служебным долгом инспектора Черных. Но всю блокаду она жила в Ленинграде; умер от голода отец, потом сестра, погиб на фронте брат — она ничего не забыла. Десяткам обделенных материнской лаской людей удалось помочь. Письмо Зайцева было для нее всего лишь очередным — далеко не первым.

В двадцать два районных загса Ленинграда пошли направленные В. А. Черных запросы: «Прошу проверить наличие записи о рождении Алексея Анатольевича Зайцева за 1938 год». Получила двадцать один отрицательный ответ. Последний ответ дал надежду: «...мать — Кошелева Валентина Александровна».

Стала искать Кошелеву. Сперва в адресном бюро. Ответ: «В настоящий момент в пределах Ленинграда и области не проживает». Тогда пошла по адресам, где Кошелева могла проживать до войны: старые дома оказались снесенными, домовые книги — утраченными. Есть от чего опустить руки.

Валентина Андреевна рук не опускала. Она просматривала десятки архивных документов — нужно было найти подтверждение времени и факта эвакуации мальчика. Не день и не два листала она старые архивные книги. В глазах рябило от цифр, имен и фамилий. Но вот удача: «29 июня 1941 года Алексей Анатольевич Зайцев в возрасте трех лет был эвакуирован вместе с яслями № 195 в город Халтурин Кировской области».

— Нужно давать публикацию в газете, — сказала Валентина Андреевна, — нужно искать людей, кто знал Кошелеву.

На публикацию в «Смене» первой отозвалась Анна Ивановна Яблокова:

— Как же, знала Кошелеву. Жила с ней в общежитии после войны, только Валентина вышла замуж и сменила фамилию. Не Кошелеву вам искать надо, а Двуреченскую, так вот...

Отозвался Сергей Николаевич Мясников, брат Двуреченской:

— Сестра сейчас в отъезде, но я послал ей вырезку из газеты и получил письмо. Вот оно...

«Дорогой Сережа! — писала Валентина Александровна. — Получила твое письмо и газету, прочла, и сердце расстроилось. Пищу и не вижу строк, слезы заливают бумагу, чернила распыляются. Узнай поскорее местожительство моего воскресшего Алешеньки, от счастья ничего не соображаю, только плачу... Выезжаю домой...»

Люди знают: чем дольше разлу-

ка, тем острее радость встречи. Не просто встреча ожидала Валентину Александровну Двуреченскую спустя столько лет — второе рождение сына. В 1942 году одна знакомая женщина, дочь которой тоже была эвакуирована с детскими яслями в Халтурин, в Кировскую область, сказала ей:

— Еду к дочери. Мне сообщили, что она тяжело больна. Заодно узнаю и о вашем сыне.

А вернулась в Ленинград со страшными вестями:

— Умерла моя доченька. И Алеша ваш тоже умер. Так мне сказали...

Валентина Александровна послала в Халтурин одно письмо за другим: «...Так ли это? Сообщите всю правду...» Ответов не было. И как только ясли вернулись из эвакуации, побежала узнать о судьбе сына.

Кто знает, как зародилась ошибка, обернувшаяся материнским горем, — только, к счастью, не умер тогда Алеша Зайцев. Он ничего не знал и не мог знать о своей мнимой смерти — ни в яслях, ни в детдоме, ни потом, уже взрослым. Выжил, вырос, окончил ремесленное училище, стал рабочим высокой квалификации, работал на многих стройках страны, отслужил в армии.

Но с годами росло неумное желание узнать хоть что-нибудь о своих родных. Еще в 1945-м и 1946-м приезжали в Халтурин из Ленинграда люди, забирали детей, увозили домой. Он видел чужое счастье и ждал своего. Не дождался — за ним никто не приехал.

Уже взрослым Алексей Анатольевич писал в газеты, на радио, обращался с запросами в архивы. Получал разные ответы. Утешительного или обнадеживающего — ни одного. Письмо в «Смену» было последним. С того времени, как Зайцев написал, прошло восемь месяцев...

Тридцать семь лет не произносил он слово «мама». Произнес в комнате паспортного отдела Ленинграда...

Валентина Андреевна Черных пригласила его в комнату и взволнованно сказала ожидавшей там пожилой женщине:

— А вот ваш Алеша...

Отзовитесь! — с этим обращением потоком идут в газету письма. Местные и иногородние, из далекого и близкого. О не вышедших из боя мужьях, о потерявшихся в войну детях, о спасенных товарищах, о неизвестных героях.

Поединок с неизвестностью продолжается...

г. Ленинград

ПОД ЗНАКОМ ВАНАДИЯ

В ЧЕРНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ ГЛАВНЫМ НАПРАВЛЕНИЕМ ДОЛЖНО СТАТЬ КОРЕННОЕ УЛУЧШЕНИЕ КАЧЕСТВА И УВЕЛИЧЕНИЕ ВЫПУСКА ЭФФЕКТИВНЫХ ВИДОВ МЕТАЛЛОПРОДУКЦИИ.

Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года.

**Леонид
ГАРЯЕВ**

Бежит, торопится в детский сад мальчуган и видит: валяется на дороге жестяная консервная банка. Трудно удержаться и не поддеть ее хорошенько ногой, чтобы отлетела подальше да зазвенела погромче.

Спеша в школу, ты не остановился, только улыбнулся мимолетно, может быть, вспомнил, как лет десять назад сам был таким же.

Теперь тебе в компании с товарищами нередко приходится собирать металлолом, оттаскивать в кучи старые трубы, отслужившие свое кровати или какие-нибудь непонятного назначения болванки. Делаешь это ты вполне сознательно, потому что знаешь: из груды старого железа можно выплавить сталь, а из нее изготовить новые автомашины, велосипеды, необходимые заводам станки. Но пока ты видишь в собранном железе только металл, различаешь его разве что по весу: тяжелее — значит, лучше, больше, легче план перевыполнить, другие классы в соревновании позади оставить.

Между тем все не так просто. И тяжелее, как ты скоро узнаешь, еще не значит лучше. И сталь далеко не всегда одинакова, потому что это сложный сплав, в который, наряду с железом и углеродом, главными его частями, входят и другие элементы, правда, в малых дозах. В зависимости от количества их и соотношения между ними определяется состав и, следовательно, марка стали, которая несведущему человеку кажется весьма замысловатой. Как тебе понравится такое, к примеру, сочетание — 20ХГА? А это одна из самых простых марок, цифра здесь указывает на процент углерода, а буквы означают: хром, марганец, алюминий. И таких марок сотни тысяч.

Брось щепотку соли в кастрюлю с водой. Вкус воды изменится настолько незначительно, что едва почувствуешь. Только если отправить ее в лабораторию, там определят: это уже не вода, а слабый раствор поваренной соли.

Когда подручный сталевара сбрасывает в громадный ковш с расплавленным металлом несколько лопат сплавов, доля этой «приправы» в общей массе металла не больше, чем соли в твоей кастрюле с водой, и чаще всего составляет десятые или даже сотые доли процента.

Но вот сталь из ковша разлита по изложницам, из слепающей глаза и обжигающей жаром жидкости превратилась в холодные слитки темно-серого цвета. Потом их еще несколько раз разогреют добела, пропустят через прокатные станы, придадут им определенную форму, и пробы металла отправят в лабораторию.

Там на специальных установках и под микроскопами определяют: состав стали с добавками другого металла, как говорят, легированной, отличается от обычной, которую называют углеродистой. К примеру, она может быть прочнее, чем обычные стали, пластичнее, то есть лучше изгибаться, и меньше подвергаться ржавчине... И все это благодаря присутствию почти незаметных в общей массе примесей. Поистине, как говаривали в старину, мал золотник, да дорог.

Но трудность в том, что слишком много требуется металлов этих для добавок к стали, для легирования ее. За рубежом применяют для этого никель и молибден, металлы довольно редкие и дорогие. Но то, что годится, скажем, для Бельгии, которая по территории меньше одной Свердловской области, никак не

подходит для нашей страны. Одних тракторов мы выпускаем миллионы штук в год, а вагоны, экскаваторы и другие машины тоже ведь надо делать прочнее. А рельсов сколько требуется при наших-то просторах! И для многих других надобностей высокопрочный металл нужен. Ясно, что надо было искать какой-то другой выход.

И выход был найден.

Тысячи лет укрывала уральская тайга богатейшее в мире Качканарское месторождение железной руды. Знали люди: богатств в нем миллиарды тонн, а достигнуть к ним не могли. И процент железа мал, невыгодно было добывать его, и связано оно с другими элементами в такой крепкий узел, что распутать его долгое время сил не хватало.

Но после Великой Отечественной войны круто пошла в гору, стала набирать новые силы советская черная металлургия, одним из главных центров которой остается Урал. Заводы и поля страны требовали все больше сталей, не только обычных, но и улучшенных, легированных. А запасы прославленных уральских железных руд были на исходе. Возить же сырье для производства стали и чугуна за тысячи километров накладно.

Тогда-то и пришел черед Качканар-горы. К тому времени научились обогащать бедные руды, повышать содержание железа в них и смогли, наконец, приложить руки к сокровищам Качканара. Иначе не скажешь: в рудах этих содержится, кроме железа, еще чуть ли не полдесятка химических элементов, часть которых уже удается выделять из рудного «букета». И один из них особенно необходим для производства черных металлов — чугуна и стали. Настолько, что благодаря ему выгодными становятся и добыча бедной железом руды, и сложный процесс ее обогащения. Настолько, что был прямой смысл более двадцати лет назад поднять комсомол страны на строительство в таежной глуши горно-обогатительного комбината, силами молодежи возвести вокруг него прекрасный город юности Качканар.

Что же это за удивительный элемент, ради которого приводятся в движение тысячи людей, меняются даже государственные планы?

Это — ванадий.

Он отличается такой химической активностью, что обнаружить его можно только в соединениях с другими элементами — в минералах, почве, водорослях, в крови морских животных и даже человека. И всюду он оказывается жизненно необходимым. Причем не только в природе. Даже малые добавки его в сталь и чугун улучшают их качества, в частности уменьшают износ.

Но главная особенность ванадия заключается не в прямом воздействии на сталь или чугун. Когда в эти металлы вносятся вместе с ним, к примеру, кремний, хром и, особенно, марганец, ванадий оказывает на удивление «компанийским» металлом, помогает наиболее полно проявляться лучшим качеством «соседей», будто подбадривает: «смелее, не робейте!» И именно в таких случаях, когда действуют все эти металлы, так сказать, заодно, коллективом, результаты оказываются наилучшими. Детали тракторов, экскаваторов и других машин, изготовленные из комплекснолегированных сталей, то есть содержащих добавки нескольких металлов, становятся на 20—30 процентов, а рельсы даже в полтора-два раза прочнее по сравнению с теми, что получены из обычных. А раз прочнее, то и служат дольше, хотя и можно делать их менее громоздкими, снижать вес и за счет этого тоже экономить металл. Так что тяжелее — на самом деле далеко не всегда лучше. И вдумайся еще в одну цифру: тонна ванадия, примененного для легирования, дает возможность сберечь 250 тонн стали. Представь себе, сколько, благодаря ванадию, сможем выпустить замечательных машин, тех, которых нетерпеливо ждут наши заводы, стройки, поля. Заметь еще, что по запасам «витамина стали», как справедливо называют ванадий, наша страна занимает одно из ведущих мест в мире.

В Свердловске на проспекте имени Ленина виднеется полускрытый молодыми березками особняк. По меньшей мере три поколения ученых, работающих здесь, в Уральском научно-исследовательском институте черных металлов, целиком посвятили свою жизнь изучению проблем ванадия.

Начинали они давно, больше сорока лет назад. Уже тогда для легирования сталей широко применялись марганец, хром, кремний и многие другие элементы. Но трудно было предугадать, как поведет себя в компании с любым из них ванадий. При какой температуре стали вводить его? В каких дозах? Ведь отклонение даже на несколько сотых процента порой давало совершенно неожиданный и нежелательный результат. Чтобы ответить на все возникавшие в ходе работы вопросы, произвести многочисленные сложнейшие расчеты, жизни бы не хватило, вспоминают сейчас ученые. Хорошо еще, что подоспели на помощь электронно-вычислительные машины, которые мгновенно могут решать задачи не в три-пять, а во многие тысячи действий.

Но не передоверишь научный поиск даже самым «умным» машинам. Они могут дать цифры, которые служат исходными точками для

размышлений и обобщений, которые всегда достаются на долю людей.

Нет, они не кричали «эврика!», не мчались очертя голову в цех, чтобы немедленно проверить показавшуюся выигршной мысль — в копеечку влетела бы каждая из таких проверок. Всесторонне обдумывали любое положение, критически подходили к нему и только потом шли советоваться с друзьями-единомышленниками. Таких было много — и в институте, и на заводах. Конечно, не обходилось без споров, порой жарких, ожесточенных, в которых выверялись, оттачивались все частности.

Именно так, коллективным разумом сумели они обосновать полную возможность легирования стали не сплавом железа с ванадием, как делалось раньше, а значительно более дешевым способом, с помощью ванадиевого шлака, который недавно еще считался почти бросовым продуктом.

Завершение каждой работы почти всегда является началом, отправной точкой другой, следующей. Уже известно, что подготовлено для промышленности более двухсот марок ванадиевых сталей. Однако добиться внедрения их не так просто. На этом пути возможны и неудачи. Но настоящий ученый, творец по натуре, даже потерпев поражение, не успокоится, не сдастся, будет всеми средствами добиваться победы. Кстати, победа часто обозначается латинской буквой V, так же, как химический знак ванадия.

А как выглядит ванадий в своем натуральном виде? Это серебристый, необыкновенно красивый металл, неспроста названный в честь скандинавской богини красоты Ванадис. Настолько привлекательный, что в рассказе одного американского писателя-фантаста служит материалом для памятника.

Такое неосуществимо, во всяком случае сейчас. Скорее, может быть, будет когда-нибудь установлен памятник ванадию, верному помощнику, соратнику человека, помогающему разумно использовать и сберегать богатства земных недр для нас и для будущих поколений.

НАШ ПОЛЮС!

**Владимир
СНЕГИРЕВ**

ОТ АВТОРА

Весной 1979 года среди телеграмм, полученных на Северном полюсе по случаю успешного завершения полярной экспедиции «Комсомольской правды», одна была из Свердловска. Текст ее звучал как пароль: «Бороться и искать, найти и не сдаваться!» Подписал телеграмму секретарь Свердловского обкома КПСС В. А. Житенев. Для нас это послание было особенно дорогим. Владимир Андреевич, работая в Москве секретарем ЦК ВЛКСМ, первым поверил в наш полюс — было это еще в начале 70-х годов — и многое сделал для того, чтобы идею, казавшуюся почти всем фантастической, воплотить в реальный лыжный поход к вершине планеты.

«Наш полюс» — я не случайно назвал так свои записки, подготовленные для «Уральского следопыта». По существу, речь идет не о полюсе как таковом, не о желанной географической точке, а о стремлении к цели, о верности мечте, достижение которой потребовало совершить настоящий подвиг. Наш полюс — это высота дружбы, настойчивости, стойкости. Это отряды прежде всего нравственного порядка.

Будучи ответственным секретарем штаба экспедиции, я провозжал отважную семерку в путь на острове Генриетты, участвовал в операциях по организации базовых точек, а 31 мая 1979 года поздравил своих товарищей на полюсе.

В своем повествовании я намеренно сделал акцент на трудностях, которые встретились в Северном Ледовитом океане. По разным причинам во время самого путешествия в печати об этих трудностях либо не говорилось вообще, либо упоминалось вскользь. Могло показаться, что речь идет о просто лыжном походе по льдам. А на самом деле...

1. Коварство Генриетты

Переночевав на острове Жохова в деревянном балке, где живут ученые из ленинградского Института Арктики и Антарктики, мы собрались лететь дальше. Рано утром долго любовались необыкновенной картиной: справа над снежным холмом висела огромная яркая луна — такую увидишь только в Арктике, а слева восходило таких же размеров солнце — красно-оранжевое, чуть приплюснутое сверху, живое и... холодное. Воздух был

чистым и колким. Небо поблескивало инеем.

Перед вылетом мы на несколько минут присели посоветоваться со старшим штурманом Колымо-Индигирского авиапредприятия Виктором Кривошеей, который руководил воздушной экспедицией по доставке группы к месту старта. Надо было наметить план ледовой разведки района, лежащего к северу от острова Генриетты, в глубину на 50 километров.

Предполагалось, что вертолет посадит на остров маршрутную группу и сопровождающих, затем со штурманами совершит разведыва-

Фото лауреата Ленинской премии Василия Пескова

тельный облет прилегающего района, экспедиция стартует, кинооператоры и фотокорреспонденты фиксируют этот момент и затем вертолет увозит всех сопровождающих на материк. Мне и работнику ЦК ВЛКСМ Олегу Обухову вменялось в обязанность документально оформить факт старта экспедиции к Северному полюсу.

Однако минул час, и нам пришлось существенно изменить свой план.

— Генриетта!— высунулся из кабины летчиков Кривошея.

Каким я был наивным, считая, что Генриетта «впяная» в прочные ледяные поля, что лыжникам не составит никакого труда ступить с земли на дрейфующий лед. С юга у скал дымилась большая полынья, а с севера и северо-запада мимо острова, будто во время весеннего

ледохода, широкой рекой плыла шуга вперемежку со льдинами и даже целыми айсбергами.

Вертолет сделал несколько кругов над строениями полярной станции и затем приземлился метрах в пятидесяти от нее. Вниз по крутому берегу от домов убежал медведь.

— Я специально покружил над полярной станцией, чтобы его спугнуть,— сказал командир экипажа.— Этот медведь тут уже несколько лет живет.

Мы выгрузили из чрева вертолета свои вещи, а потом все вместе подошли к краю обрыва— взглянуть на океан. Теперь мы не только видели, но и слышали жизнь льдов: внизу, от «реки», доносились скрипы, вздохи, потрескивания, выстрелы и еще какие-то таинственные звуки, которые невозможно обозначить знакомыми понятиями. Лдины

сталкивались, переворачивались, громоздились в чудовищном беспорядке.

— Лучшей природы для картины под названием «Конец света» найти нельзя,— сказал Рахманов.

Никто не отозвался— парни были захвачены увиденным, стояли, забыв про мороз.

Всем стало ясно, что старт сегодня, скорее всего, придется отложить.

Через полчаса из ледовой разведки возвратился вертолет. Ничего утешительного. Было решено, что старт откладывается до следующего утра. Вертолет, забрав с собой кинооператоров, улетел на остров Жохова.

Все занялись устройством жилья и осмотром сохранившихся построек полярной станции. Только Шпаро по-прежнему стоял на снежном за-

бое спиной к входу в дом. Он сосредоточенно наблюдал за ледоходом, пытаясь понять, способен ли человек одолеть это препятствие и не будет ли цена риска слишком высокой? Как всегда в ответственные минуты, он хмурился и невпопад отвечал на обращенные к нему вопросы.

— Знаешь,— Дима повернулся ко мне,— именно таким я и представлял себе остров Генриетты. Скалы... Ледник... Безумие напирających на землю льдов...

— У тебя богатая фантазия,— усмехнулся я.— Ты, надеюсь, понимаешь, что, по существу, мы оказались в плену. Уйти с острова по льду невозможно.

Дима не стал возражать.

— Пойдем, спустимся к берегу,— предложил он.— Рассмотрим врага поближе.

Я снял с гвоздя, вбитого над входом в дом, боевой десятизарядный карабин, вскинул на плечо. Дима зарядил свою карманную мортирку — маленькую, наподобие авторучки, сигнальную ракетницу, которая входит в аварийный запас летчиков и космонавтов. Эти меры предосторожности были не лишними. Медведь, который жил на заброшенной полярной станции и которого спугнул вертолет, бродил где-то неподалеку. Судя по отпечаткам лап — их кругом было великое множество, — зверь относился к самым могучим представителям своего рода. Встреча с ним не обещала ничего хорошего. Медведь наверняка был чрезвычайно раздражен нашим бесцеремонным вторжением во владения, которые он с полным правом считал своими. Все прежние контакты с хозяевами Арктики научили нас относиться к белым медведям с уважением и осторожностью, а еще лучше — держаться от них подальше.

Собственно, спуститься к берегу можно было только здесь, в районе полярной станции — это мы поняли еще тогда, когда кружили над островом на вертолете. С трех сторон Генриетта обрывалась в море

отвесными скалами. Но спуститься к берегу — это еще вовсе не значило выйти на океанский лед. Внизу нас ждало совершенно неожиданное препятствие в виде шестиметровой высоты ледяного барьера, который начинался почти сразу за береговым срезом и состоящим крепостным валом опоясывал землю. Его склон, обращенный к острову, представлял собой нагромождение гигантских ледяных валунов, образованное торшением, по этому склону мы вскарабкались наверх.

Дальше пути не было.

— Но ничто не помешает нам отправиться отсюда к полюсу. Ничто! — сказал Дима.— Если хочешь знать, я даже доволен тем, что в самом начале пути мы встретили такие преграды. Да, доволен! — с жаром подтвердил Шпаро, встретив мой недоверчивый взгляд.— Потому что их преодоление сразу настроит ребят на верную волну, заставит нас с первых шагов максимально мобилизовать волю и силы.

— Но как ты собираешься стартовать отсюда?

— Я не верю в то, что нет выхода.

— Значит, будем ждать?

— Будем искать выход.

Стенка «набережной» обрывалась не в открытое море, а в какое-то жуткое месиво из воды и снежной каши, плывущих и громоздыхающихся друг на друга льдин.

— Ах, Генриетта, какой ты оказалась коварной,— тихо сказал мой товарищ.

Мы снова поднялись по склону на остров и прошли некоторое расстояние к востоку. Начальник экспедиции отчего-то разволновался, он живо оглядывался кругом, его черные глаза блестели.

— Я столько раз видел себя в воображении на этом острове! — воскликнул он.— И вот я здесь! Все знакомо. Мы стоим сейчас на мысе Мелвилля. А вот, видишь, за куполом ледника — гора Чиппа. Слева — мыс Беннета. За ним — мыс Садно. Ты помнишь, откуда взялись эти названия?

— Еще бы!

...Открытие острова Генриетты связано с драматической судьбой американской полярной экспедиции под началом лейтенанта Джорджа Де Лонга, которая за сто лет до нас тоже пыталась покорить Северный полюс. Де Лонг и тридцать два его спутника, безусловно, были отчаянными храбрецами. Чего стоил их план: на паровой яхте «Жанетта» пройти через Берингов пролив, продвигаться как можно дальше во льды, а затем пробиваться к полюсу на собачьих упряжках. Все это, напомним, происходило тогда, когда сведения об Арктике, о направлении дрейфа льдов, о погодных условиях были чрезвычайно скудны. Даже крупные острова и архипелаги в то время еще не нанесли на карту.

Люди, по сути дела, уходили в неведомое, обрекали себя на верную гибель. Полюс звал их...

Де Лонг, однако, вначале был абсолютно уверен в успехе. Издатель газеты «Нью-Йорк геральд» Джеймс Гордон Беннет, на средства которого снаряжалась экспедиция, 8 июля 1879 года перед отплытием «Жанетты» передал ему медный ящик с выгравированными на его стенках именами участников плавания. Этот ящик предполагалось торжественно водрузить на полюс.

Пройдя мимо берегов Чукотского полуострова, яхта уверенно развернулась на север.

5 сентября неподалеку от острова Врангеля в Чукотском море судно затерли мощные паковые, то есть многолетние льды. Вместе с ними «Жанетта» 21 месяц (!) дрейфовала на северо-запад. Это были дни, наполненные страхом. Корпус яхты трещал от напора льдов. «Мы живем, как на пороховом погребе в ожидании взрыва», — записал Де Лонг в своем дневнике. Надежды на то, что, увлекаемые дрейфом, они смогут достичь приполюсного района, не оправдались. Вот запись, сделанная начальником экспедиции через год после заточения в ледовый плен: «За это время экспедиция

продрейфовала на сто пятьдесят миль, а полюс по-прежнему остался так же далеко, как в дни выхода... Думается, можно сказать «прощай» Северному полюсу».

16 мая 1881 года путешественниками был замечен с корабля неизвестный остров. Это событие измученный однообразной борьбой со льдами капитан зафиксировал в дневнике, как «ошеломляющее». В честь судна крохотный клочок суши был назван островом Жанетты. Через несколько дней мореплаватели обнаружили второй остров — его нарекли Генриеттой, по имени матери Г. Беннета.

12 июня льды раздавили корабль. Путешествие к полюсу закончилось там, где наша семерка собиралась начинать его. Сумевший спасти теплую одежду, продовольствие и собак, Де Лонг решил возвращаться на Большую землю. Этот 1000-километровый маршрут, проделанный им и его спутниками на санях и шлюпках, является одним из самых выразительных арктических подвигов.

На открытые американцами острова более полувека не ступала нога человека. Лишь в 1937 году советский ледокольный пароход «Садко» пришвартовался у Генриетты, где было решено основать полярную станцию — самую близкую к полюсу относительной недоступности. На высоком берегу построили жилой дом, радиорубку, баню, склад. Семь человек успешно провели здесь зимовку.

Затем из-за отдаленности острова — корабли не в каждую навигацию могли пробиться к нему сквозь льды, а площадку для самолетов построить было негде — станцию на Генриетте решили законсервировать. Единственными хозяевами здесь вновь стали белые медведи.

Со времен Де Лонга считанное число людей побывало на этих величественных скалах.

...Волнение Димы передалось мне. Кажется, мы оба думали об одном и том же: о завораживающей красоте и смертоносном коварстве

Севера, о смельчаках, побывавших здесь до нас, и о том, какие мы в сущности счастливы, раз стоим сейчас на острове Генриетты.

Потом мы вернулись в дом. Ребята уже навели здесь порядок. Затопили печи. Толя Мельников по радио связался с нашей базой на острове Котельном и предупредил Лабутину о том, что старт маршрутной группы откладывается на сутки.

Ужин получился коротким. Все слова, которые говорят при проходах, уже неоднократно были сказаны раньше. Олег достал из рюкзака припасенную еще в Москве бутылку коньяка. Разделил его на десять кружек.

— Давай тост,— толкнул меня.

Я встал, оглядел стол, поднял кружку.

— Еще ни разу мне не доводилось говорить тост по такому вот поводу. И, думаю, более никогда не доведется. Завтра старт. Долгими были сборы. Но вот все позади. Завтра вы останетесь одни. Вы и льды. Много просится слов, многого хочется вам пожелать. Но буду краток: за наш полюс!

Сдвинулись, звякнув, кружки.

В пять утра мы с Олегом занялись приготовлением завтрака. В шесть все были на ногах. После овсяной каши с мясом и черного кофе парни окончательно проснулись, заметно повеселели.

— Через час стартуем,— напомнил Дима.— Сдается мне, что не все будут готовы к этому сроку.

Хмелевский и Леденев, к которым, собственно, были обращены его слова, сочли за лучшее отмолчаться. Володя что-то завозился со своей рембазой, всеми инструментами которой, вплоть до иголок, очень дорожил, а Юра медлил, так как боялся что-нибудь забыть.

— Парни,— поднял он голову от рюкзака,— как вы относитесь к чесноку? Надо брать его на маршрут или не надо?

— Надо! Хорошо относимся. Чего тут говорить,— загудели ребята.

Только Рахманов промолчал — он не переносил запах чеснока.

— А почему ты спрашиваешь? — насторожился Дима.— Ведь чеснок входит в наш рацион.

— Входит,— с готовностью согласился Юра.— Но я его забыл на Котельном.

Все засмеялись, исключая Диму, который нахмурился, хотя ему, наверное, тоже хотелось улыбнуться.

— Надеюсь, это единственное, что ты забыл?

— Хочется в это верить,— согласился Юра.

Больше Дмитрий никого не поторавливал. Как обычно, когда надо было решительно воздействовать на других, он применил испытанный метод личного примера. Быстро уложил свой рюкзак. Оделся. В пяти метрах от дома встал на лыжи и, не оборачиваясь, покатил вниз. Следом потянулись другие.

— За ночь ледовая обстановка ухудшилась, если так можно сказать про то, что совсем худо. Движущаяся «река» из битого льда стала в два раза шире, а к западу от острова образовались огромные полыньи. Впрочем, все менялось здесь настолько быстро, что через час на месте полыньи могли оказаться хребты и ущелья из торосов. Сознание отказывалось признать окружающее реальным.

Скатившись вниз, сбросили рюкзаки и налегке взобрались на ледяной вал. Всем было ясно, что надо действовать, надо принимать решения, но как действовать, какое решение не будет авантюрным — этого сейчас не мог сказать никто. Словно замороженные, стояли они на краю обрыва, а внизу, как гигантский зверь, шевелился, пучился, ворчал океан.

Проплывавшая мимо, метрах в пятидесяти от нас, огромная паковая льдина с оплавленными солнцем пузырями старых торосов — настоящий айсберг — вдруг остановилась, вероятно, зацепившись за дно. Сразу образовался затор. Лыдины напирала на айсберг, сплывались, комья снега, еще недавно являвшие собой плывущую «кашу», мгновенно смерзлись, образовали прочный «мост»,

по которому вполне можно было идти. Я подумал о том, что вот сейчас надо ловить момент: перебежать на айсберг и стремительным броском — дальше, пока льдины неподвижны. Видимо, так же подумали остальные: наметилось какое-то оживление, лица стали осмысленней, кто-то уже отстегивал лыжи, кто-то заторопился за рюкзаком.

Нарастающий шум заставил всех вновь обратить взоры к океану. Айсберг, еще минуту назад казавшийся нам единственным прочным и надежным островком во всей округе, стал медленно переворачиваться. Наверное, не один я внутренне содрогнулся, представив, что бы случилось, окажись в этот момент на льдине люди...

— На разведку! — словно спохватившись, скомандовал Дмитрий. — Василий и Толя, ищите спуск к морю. Вас страшит Вадим. Остальные на запад, к полынье — посмотрим, нельзя ли организовать переправу на лодках. Живее, время уходит.

На какое-то время мы остались одни — Олег Обухов, фотокорреспондент Саша Абаза и я. Помню, что самым ярким ощущением от тех минут было стремление как-то спрятаться от холода и ветра. На лицо я натянул шерстяной подшлемник, наподобие гангстерской маски, оставив незащищенными одни глаза. Нашел укромную ложбинку между торосами и завалился в ней, как медведь в берлоге, — здесь хоть ветер не донимал. Если верить термометру, температура была минус 30°. Но в Арктике правильнее руководствоваться другой шкалой, которая учитывает скорость ветра. Это система ветрохолодового индекса или, проще сказать, шкала «жесткости» погоды. Так вот, судя по ней, охлаждающая сила ветра, действующая как эквивалент температуры, сегодня означала мороз в минус 60°C.

В небе раздался характерный гул со свистом: прилетел «МИ-8». Вертолет два раза прошелся вдоль острова, потом сел на том же месте, что и вчера. Сверху, от избушки, к

нам спустились кинооператоры и Виктор Кривошея. Штурман спрашивать ни о чем не стал, сразу все понял. Он курил «Беломор», мрачно смотрел на льдины и, наверное, думал, что все это может плохо кончиться.

— А сверху ничего путного не разглядели? — на всякий случай спросил я.

— Все то же самое, — махнул рукой Кривошея. — Слушай, Николаич, а может-таки на вертолете мы их через эту «кашу» перебросим? И знать никто не узнает...

Я укоризненно развел руками:

— Мы же договорились, Виктор Иванович, дорогоу...

— Молчу, молчу. Ребят жалко.

Компромисс — перебросить ребят на вертолете через полынью — таил в себе серьезную угрозу. Во-первых, сразу рушилась цельность идеи перехода — от советского берега на полюс. От берега! Во-вторых, нарушалась чистота научного эксперимента, одним из главных условий которого была абсолютная автономность группы. Мы также думали о репутации перехода. «Вертолетный вариант» был, коооме всего прочего, плох тем, что в будущем он почти неминуемо породил бы слухи, дескать, экспедицию постоянно сопровождал вертолет, который перебрасывал лыжников через полыньи и торосы. Слухи — опасная вещь. Если для них есть хотя бы небольшие основания, то бороться с преувеличениями и домыслами — дело безнадежное. Я почти убежден: согласись Дима пролететь злополучные двести метров, и потом в устах недоброжелателей это пустяковое расстояние превратилось бы в двести километров.

Кривошея знал о нашей позиции и был согласен с нею. Думаю, что его предложение вырвалось невольное, под впечатлением увиденного.

С такой проблемой, кстати, сталкивались не только мы. Английский путешественник У. Херберт, санная экспедиция которого в 1968—1969 гг. совершила первый трансарктический переход, испытал по-

хожие затруднения. Он и три его спутника должны были закончить маршрут на палубе военного корабля «Индьюренс», застрявшего во льдах у Шпицбергена и считавшегося как бы частью английской территории. До судна оставалось всего сорок миль, когда ледовая обстановка резко ухудшилась, люди и собаки сутками барахтались среди нагромождения торосов, практически не продвигаясь вперед. Капитан корабля по радио настаивал на эвакуации группы палубным вертолетом. Херберт категорически отказывался, считая, что в таком случае финал экспедиции будет неправомерно испорчен. Капитан настаивал на своем. «Корабль не может ждать среди льдов, которые способны его раздавить» — это, согласитесь, был сильный аргумент. Херберт сдался. В его ледовом лагере опустился вертолет. Наверное, неприятный осадок Херберт всю жизнь будет носить в своей душе.

...Из разведки возвратились обе группы. Мельников с огорчением констатировал: двигаться по «каше» нельзя. Сведения Леденева тоже не были утешительными. Во-первых, к полынье с одной стороны подступали крутые скалы Генриетты, а с другой — отвесный и очень высокий барьер. Таким образом, спуск к воде представлял головоломную задачу даже для опытных альпинистов. Во-вторых, вода прямо на глазах у ребят замерзала, густела, превращалась в «сало», нечто среднее между водой и льдом; плыть по такому густому, как засахарившийся мед, морю было и мучительно, и опасно.

Пшел уже второй час с тех пор, как группа спустилась к морю. Ситуация казалась безвыходной. Я подумал о том, что старт, возможно, придется отложить снова. Зачем в первый же день искушать судьбу?

К подножью вала, на котором мы все теперь стояли, со скрипом и шорохами причалила похожая на плот льдина. Она остановилась, и почти сразу остановилось, замерло

все движение на «реке». Вероятно, ниже по течению снова образовался затор.

— Парни, стартуем здесь, — негромко произнес Дима.

У всех будто груз свалился с плеч...

Леденев достал из нагрудного кармана прочный капроновый шнур. Василий обвязался им для страховки и стал осторожно спускаться вниз. Через минуту он уже отважно прохаживался по «плоту», а следом споро спускался Рахманов. Мы с Олегом стали втаскивать на вал рюкзаки — их было семь, то есть мы подняли на шестиметровую высоту всего 350 килограммов, но мне показалось, что еще никогда я не выполнял более тяжелой работы. Тащить вверх по скользкому и почти отвесному склону рюкзак весом в полцентнера — даже для двоих это было мучением. Вот когда я, кажется, окончательно осознал всю тяжесть того труда, который добровольно взвалили на свои плечи мои друзья.

Однако особенно раздумывать об этом не было времени. На «плот» уже благополучно спустились шестеро, наверху оставался один Хмелевский. Мы помогли ему переправить на дрейфующий лед рюкзаки, лыжи, лыжные палки, карабин, а напоследок спустили вниз самого Юру. Вся эта операция заняла считанные минуты.

Теперь, пожалуй, можно было считать, что старт экспедиции состоялся.

Только когда все семеро оказались внизу, я вспомнил, что мы не успели попрощаться. Стало очень досадно. Даже руки напоследок друг другу не пожали. Парни на «плоту» тоже спохватились — взаимно мы прокричали что-то ободряюще-прощальное, выпустили в небо несколько ракет. Вот и все... Они пошли.

Фотокорреспондент Саша Абаза снимал тремя аппаратами сразу. Позже он признается мне, что еще никогда за двадцать лет работы в его объектив не попадало ничего

похожего. Он был потрясен событиями, которые разворачивались на его глазах, и хотел оставить на пленке эти волнующие мгновения.

Оставив на «плоту» лыжи, ребята гуськом двинулись по зыбкой колеблющейся массе к прочной паковой льдине, которая остановилась метрах в ста на северо-западе. Шли осторожно, тщательно выверяя каждый шаг. Мы на своем откосе за это время успели окончательно продрогнуть, но разве можно было уйти сейчас в дом?..

Когда до пака оставались считанные метры, они встретили воду — неширокий полузабитый плывущим крошечном канал делал дальнейший путь невозможным. Пришлось налаживать переправу: сняли рюкзаки, из кусков льда соорудили что-то вроде моста, с помощью капронового шнура перетаскивали по этому мосту рюкзаки, потом перешли сами. Ветер доносил до нас обрывки возбужденных голосов. Дошли? Да, все на льдине. Мы облегченно вздохнули.

Злая стужа высекала слезы из глаз. Мы смотрели, как темные фигурки упрямо удаляются от земли. Они вступили в настоящую схватку с Арктикой и с боем отвоевывали метр за метром на пути к полюсу. Метр за метром. Бой начался в десять часов местного времени. Теперь было четырнадцать. От полюса их отделяло 1 500 000 метров.

Только потом, много позже, мы узнали о приключениях, выпавших в этот день на долю первопроходцев.

Паковый остров, к которому они взяли курс, стал местом вынужденного привала: к северу от него льды попеременно со снежной «кашей» плыли широко и быстро. Наученные опытом, ребята подождали очередного затора. Даже короткая заминка на таком морозе делала эту «реку!» вполне сносной для продвижения, так как все мгновенно смерзлось, схватывалось. Удачно проскочили на следующую

льдину. Успех окрылил. Они понимали, что до темноты им надо во что бы то ни стало выбраться на хорошие поля. Торопились.

Теперь нацелились на выделяющийся, будто авианосец среди шаланд, обломок старой льдины метрах в пятидесяти к северо-западу. Шли с рюкзаками, лыжи держали в руках.

Первым был Василий. Прогать, как акробат, с льдины на льдину он считал делом для себя привычным. «Я в детстве каждую весну катался на льдинах по своей речке, — рассказывал нам Вася. — Речка наша, как и поселок, называется Лепсы. Она не шире Москвы-реки, только течет побыстрее.

Не учел наш товарищ того, что речка Лепсы и Северный Ледовитый океан — водоемы по своему уровню совсем неравнозначные.

Едва коснувшись подошвами бахил сморози, Вася понял, что проваливается. Никакой опоры под ногами не было. Корка сморози оказалась не прочнее вафли. До рюкзака он погрузился в воду мгновенно. Рюкзак, пока вещи в нем не наберут влагу, способен поддерживать человека на плаву подобно спасательному жилету. Но с другой стороны, с 50 килограммами на загривке не выбраться из воды. Чтобы освободиться от рюкзака, Вася выпустил из рук лыжи. И оцепенел. Нет, не от холодной воды — от того, что увидел: лыжи мгновенно пошли ко дну. «Как я буду дальше без лыж?» — подумал Василий, сбрасывая рюкзак. О том, что в следующее мгновение его самого может постигнуть судьба лыж, он почему-то не вспомнил. «Кажется, и рюкзак утонул, — с ужасом подумал Василий. — Ну теперь точно меня отправят обратно на остров».

Он по шею барахтался в воде, пытаясь доплыть до льдины — «авианосца». Вася на мелкие куски разбивал корку сморози, оставляя за спиной канал открытой воды. Уже минуты две продолжалось его купание, а далеко отставшие товарищи еще ни о чем не подозревали.

— Почему же ты не кричал, Вася?— с укором спросят они его вечером в палатке.

— Потому что не испугался,— ответит герой дня.— Испугаться не смог.

— Ты, конечно, смелый парень, слов нет,— сурово заметит Мельников,— но твое купание едва не погубило всю нашу экспедицию.

Особенно активно на пловца наседали Рахманов:

— У альпинистов есть такой закон: сорвался — кричи. Боишься или не боишься — все равно кричи.

— Я никогда не был альпинистом,— огрызнулся Вася.— И законов альпинистских я не знаю. Я всю жизнь путешествовал в одиночку, надеяться нужно было только на самого себя.

Впрочем, огрызнулся он вяло. Скорее, оправдывался. Василий явно чувствовал себя виноватым.

Доплыв до пака, он ухватился за край льдины. Подтянулся. Неудача: лед обломился, и Вася чуть ли не с головой ушел в воду. Еще одна попытка. Теперь он уже не пытается выбраться на пак сам — просто держится за ледовый выступ, чтобы не утонуть. Повернул голову направо: ага, бегут Дима и Володя Леденев. Налегке, рюкзаки сбросили. Окружным путем — чтобы не оказаться на этой предательской сморози. Вот они уже на «авианосце», вот разом упали ничком на краю льдины, сбросили варежки, протянули вниз руки: «Давай!» Схватили Василия за запястья, мигом выдернули вверх.

С Васиной одежды еще стекали потоки воды, когда произошло второе чрезвычайное происшествие: теперь едва не утонул Хмелевский. Сам Юра рассказывает об этом так:

«Я находился весь день в каком-то сомнамбулическом состоянии. Будто плыл по воле волн, а куда, зачем — не знаю. Когда я ощутил под ногами колеблющиеся, ненадежные куски льда, когда остров Генриетты остался за спиной, я подумал: «Ну, все, старина, назад пути нет. Влип ты в историю, а чем она кончится, никому неизвестно». В этом

состоянии я пребывал все время, плохо соображая, что происходит вокруг.

Я шел вслед за Димой, когда стал тонуть Василий. Как он купался и как его спасали, я не видел. Видел только, что Дима, сломя голову, бросился куда-то вперед и в сторону, но куда и зачем — я не понял. Недоумевая, по инерции сделал еще несколько шагов и вдруг почувствовал, что льдина подо мной пошла вниз. Я сразу провалился в воду по грудь. Руками вцепился в какой-то обломок и спокойно, как не о себе, а о ком-то постороннем, подумал: вот так и приходит смерть. Мои печальные размышления прервали Мельников и Рахманов — они подбежали, велели сбросить рюкзак и вытянули меня из воды.

Я стоял на льдине, совершенно не ощущая холода, хотя промок до нитки, рядом Вася выливал из ботинок воду, а ребята шарили палками в снежной «каше», надеясь, что Васины лыжи все-таки не утонули и их можно спасти. Потом Дима изумленно махнул рукой:

— Ну, парни, если дойдем до полюса...

По-моему, эти два происшествия произвели на него очень сильное впечатление.

...Наш вертолет взлетел и направился к маршрутной группе. Надежно привязанный фалом, кинооператор наполовину высунулся из открытой двери, он «пристреливался» своей камерой. Идея съемки была такой: вертолет зависает над лыжниками на высоте 20—25 метров, а затем начинает вертикально подниматься, а люди на льду, фиксируемые кинокамерой, будут становиться все меньше и меньше, пока совсем не растворятся на фоне безбрежного белого пространства.

...Вася, увидев снижающийся вертолет, совсем пал духом. Он решил, что для него путешествие окончено. Сейчас Дима велит ему попрощаться с товарищами и лететь на Большую землю. Одежда на Васе превратилась в жесткий ледя-

ной панцирь. В ботинках хлопала вода. Однако холода он не ощущал — как завороченный, смотрел то на зависший прямо над ним вертолет, то на Диму, делающего какие-то знаки летчикам.

Но вертолет вдруг загрохотал и завистел сильнее, воздушные потоки от лопастей, казалось, перевернут сейчас льдину. Он стал быстро набирать высоту и уже через несколько секунд превратился в маленькую, еле слышную стрекозу. Парни дружно махали руками (так было заранее договорено с кинооператором), а Вася стоял позади всех (инстинктивно спрятавшись за спины) и боялся поверить, что беду пронесло, что он продолжит путь к полюсу.

...Из вертолета мы увидели группу медленно передвигающихся людей. Толстые брезентовые аноракки, напоминавшие скафандры, делали их похожими на космонавтов, а пейзаж сверху казался еще более неземным. Мы зависли над ними. Дима внизу что-то кричал и отчаянно жестикулировал: я понял, что потеряна лыжа. То, что потеряны были две лыжи и что они утонули, я узнаю лишь через несколько дней из радиограммы. Кинооператор включил свою камеру и потребовал немедленного набора высоты. Вертолет круто пошел вверх. Фигурки на льду постепенно превращались в едва заметные среди черных трещин точки, а затем вообще растворились в ледяной пустыне. От увиденного, наверное, не только у меня сжалось сердце. Таким безбрежным был Ледовитый океан и такими незащищенными, слабыми букашками выглядели на его белой равнине люди.

2. «Мы будто вмерзаем в лед»

Итак, мы оставили семерку лыжников в самом начале их пути к Северному полюсу, у скал остро-

ва Генриетты. Что же произошло с ними вслед за событиями драматического старта?

...Март 1979 года. В восточном секторе Арктики стоят невиданные холода. Именно стужа стала на пути Дмитрия Шпаро и его товарищей. Вот типичный разговор в походной палатке:

— Я сегодня ночью проснулся от стука собственных зубов,— жалуется Мельников.

— А я от стука твоих зубов вообще уснуть не мог,— отвечает ему Шишкарев.

— Интересно, ребята,— с деланной наивностью подключается Давыдов,— а есть здесь такие, кто сегодня не мерз.

— Есть.

— Кто же это? Феноменальный случай!

— Белый медведь.

— Ну-у,— протягивает Вадим.— Он же не из нашей компании.

Рахманов, до этого упорно молчавший, теперь тоже включается в разговор:

— Я вспоминаю, как один бегун-марафонец давал интервью: «Вначале было плохо, а потом все хуже и хуже».

Парни смеются. Фраза марафонца нравится им настолько, что она становится ходячей поговоркой, произносят ее и к месту, и не к месту.

Строки из дневника Анатолия Мельникова:

«20 марта. Холодная ночь, холодный день. Руки примерзают к рации. Грею аккумуляторы у примуса, а затем в спальнике. Все разговоры — о борьбе с влажностью и холодом...»

«21 марта. Ночью донимал мороз. Нейлоновая оболочка спального мешка стала напоминать лист тонкой жести — так же гремит. Утром делимся своими впечатлениями: кто как пытался согреться, кто как мерз. Жестоко мерзнем все. Я ночью отморожил нос. Шпаро отморожил ухо. У всех прихвачены щеки...»

«22 марта. Спальники заледене-

ли, пуховики — тоже. Мы будто вмерзаем в лед...»

Проблема была в том, что стужа сопутствовала высокая влажность воздуха. 35 градусов — не ахти какой мороз, но когда ты спишь при такой температуре в мокрой одежде, в мокром спальном мешке, в мокрой палатке — то приходится несладко. От влаги пух в спальниках сбился комьями, смерзся, мешки не грели — напротив, это их надо было отогреть теплом собственного тела. Молнии на пуховых куртках замерзли. Ботинки превратились в ледяные колодки.

Ночью никто из них толком не высыпался. Лежали в полудреме, дрожа от холода. По-настоящему спали днем — один час после обеда.

Днем было теплее: солнце чуть нагревало капроновые стенки палатки. На привалах подолгу обсуждали, как просушить спальники. Вадим однажды всерьез предложил сушить мешки огнем примуса:

— Зажечь примус внутри спальника — тогда он быстро высохнет.

— Ха-ха,— засмеялся Мельников.— Он мгновенно вспыхнет.

— Надо аккуратно. На малом огне,— не сдавался Вадим. Ожидая поддержки, он посмотрел на Диму.

— Нет,— сказал Шпаро.— Это не годится.

— Солнце и ветер — только на них надежда,— выразил свое мнение Леденев.

— Надо попросить, чтобы с самолета сбросили большой кусок полиэтиленовой пленки,— предложил Василий.— Из нее сделаем палатку, которая будет держать тепло. Там надо разжечь два примуса и развесить для просушки вещи.

Василию приходилось едва ли не тяжелее всех. Его одежда после «купания» просыхала плохо. Брюки из плотной синей материи, которые все носили под аноракками, Вася на третий день выбросил, потеряв надежду, что они когда-нибудь высохнут. Толстый шерстяной свитер на нем тоже был мокрый. Свои сырые ботинки по утрам он натягивал

с гигантским трудом. На дневных привалах, когда все отдыхали, Шишкарев, чтобы отогреть ноги, бегал вокруг палатки. По ночам он лежал и думал: не забыть пошевелить пальцами левой ноги, теперь правой, теперь проверить руки. Вася дал себе зарок: до полюса в воду больше не проваливаться. Никогда! Ни при каких обстоятельствах! Урок, который он получил, был жестоким.

Обмороженные щеки сначала пробовали растирать варежками, смазывать специальным кремом, но быстро отказались от этого.

— Ничего страшного,— успокаивал Вадим,— заживет.

Лица быстро покрылись кровотокающими ранами — из них сочилась кровь. Внимания на это почти не обращали.

— Боль и неудобства неизбежны, но вообще не столь важны,— цитировал Дима американского полярного исследователя Роберта Пирри.

Казалось, Арктика всерьез ополчилась на них. Сильные морозы — это еще далеко не все. Сюрприз гораздо более неожиданный заключался в другом и назывался он — встречный дрейф ледяных массивов. Дмитрий в одной из своих радиogramм обозначил это явление как «невероятное», метко сравнив движение группы с ходьбой вверх по эскалатору, который движется вниз.

Поясню, в чем тут дело.

Почему, вы думаете, местом старта к полюсу была избран остров Генриетты, от которого до цели 1500 километров? Почему группа не отправилась в путь с Северной Земли, откуда до полюса 1000 километров, или с Земли Франца Иосифа, которую от «вершины мира» отделяет еще меньшее расстояние? Где логика? Дело в том, что мы целиком доверились мнению ученых из института Арктики и Антарктики, изучающих закономерности движения льдов в Северном Ледовитом океане. А по их расчетам выходило: генеральный дрейф в восточном секторе океана, то есть на меридиане Генриетты, имеет ярко

выраженное северное, иначе говоря, попутное нам направление. Предполагалось, что естественное движение ледяных массивов поможет отряду лыжников «экономить» 150—200 километров. При старте же с островов Земли Франца Иосифа или с Северной Земли группа должна была «грести против течения», так как многолетние наблюдения показывали в этом секторе Арктики устойчивый дрейф в юго-западном направлении. К тому же и торошние, и раздробленность льдов встречались здесь гораздо чаще.

Весомым аргументом в пользу восточного варианта была и хроника полярных экспедиций прошлого, согласно которой никто из путешественников, во множестве стартовавших к полюсу со стороны Земли Франца Иосифа, не добивался успеха.

Таких попыток в конце прошлого — начале нынешнего веков делалось немало.

В марте 1895 года к полюсу в сопровождении одного спутника и трех упряжек собак отправился отважный норвежец Фритъф Нансен. Он покинул дрейфующий во льдах «Фрам», когда корабль находился как раз на меридиане Северной Земли и широте 84 градуса 15 минут. Увы, даже Нансен не смог победить коварство взбесившихся льдов. Дойдя до широты 86 градусов 14 минут, он был вынужден повернуть обратно. Вот характерная запись из его дневника: «Нет, лед становится хуже, а не лучше, мы не находим прохода. Хребты вздымаются за хребтами, идти приходится по голым ледяным глыбам».

В 1900 году с Земли Франца Иосифа к полюсу отправилась санная партия итальянца Умберто Каньи. 102 собаки тащили 13 нартов, Канья удалось побить рекорд Нансена. Он достиг широты 86 градусов 34 минуты, но это достижение далось ему и его спутникам ценой огромных лишений и даже человеческих жертв. «Бывают минуты, когда я думаю, что все кончится катастрофой», — писал

он в дневнике на обратном пути. — Когда съестные припасы выйдут и мы не в состоянии будем бороться с течением, перед моими глазами встает ужасный призрак голода».

Наша маршрутная группа отправлялась к полюсу по заведомо более длинному пути, зато в полной уверенности, что ее союзником будет попутный дрейф полярных льдов...

И вот... Вверх по эскалатору, движущемуся вниз...

Впервые они обнаружили эту аномалию почти случайно. Рахманов, еще когда им был виден остров Генриетты, вечером взял на него азимут, а затем произвел такое же наблюдение на следующее утро. Сравнив свои показания, он был поражен: за ночь их примерно на милю отбросило назад, в юго-западном направлении. Сначала, за трудностями первых суток, особенно задумываться над этим времени не было, сочли за кратковременный ледовый каприз, за неслепый казус. Потом все чаще и чаще стали обращать внимание на то, что встречный дрейф крадет у них по 4—6 километров в день.

— Какое коварство! — узнав об этом, в сердцах воскликнул Дима. — То ли еще будет, — хрипло засмеялся Володя Рахманов.

Этот разговор состоялся вечером 28 марта в палатке при тусклом свете стearиновой свечи. Дмитрий торопливо дописывал радиogramму, предназначенную для «Комсомольской правды». Рахманов занимался ужином, как обычно, состоящим из овсяной каши с большим количеством масла и сублимированного мяса, а также нескольких галет, кусочков сала, шоколада и густого кофе. Мельников проверял соединения антенны, готовясь к радиосвязи.

Остальные уже залезли в свои спальные мешки и наслаждались теплом. Кто-то дремал.

— Готово! — сказал Рахманов, снимая с примуса кастрюлю с кашей. — Давайте свои миски.

В палатке возникло оживление, послышались беззастенчивые шуточки:

— Толя, ты смотри, чтобы у тебя ложка к языку не примерзала.

— Обратите внимание, ребята, как у Вадима при виде еды глаза загорелись. Даже светлее стало в палатке.

В шуточных этих репликах сохранилось немало чистой правды: бывало, и впрямь примерзали металлические ложки к губам, а глаза при виде пищи, думается, блестели у всех: как ни сытны были рационы, но энергии парни расходовали чудовищно много, и чувство голода сопровождало их до самого полюса.

Опять не повезло Толе Мельникову — самому большому любителю вкусно и сытно поесть. Только взялся он за свою ложку, как по радио его вызвал с острова Котельный главный базовый радист Леонид Лабутин. Радиосвязь ежедневно отрубает у них от сна час-полтора.

Микрофон берет Дима:

— Лена, ты готов записывать сообщение для газеты?

— Да. Магнитофон уже включен.

— Репортаж называется так:

«У 80-й параллели». Диктую текст. «26 марта, — монотонно твердит в микрофон Шпаро, — мы планировали сделать вместо восьми девять 50-минутных переходов. В предыдущие дни светило солнце, и мы шли по большому полюю многолетних льдов. И вдруг Арктика «ударилась» неожиданно и сильно: с востока надвинулись тучи, подул ветер, пространство залила «белая мгла». Но это еще не все. Паковый лед кончился, мы вступили на однолетние, сильно взломанные поля. В «белом молоке» кругом синели свежие торосы. Ледовитый океан до горизонта являл собой вид каменоломен. Гроты, ущелья, лабиринты. Впереди прокладывали путь Леденев и Шишкарев...»

Дима диктует свой репортаж...

Толя Мельников мучительно борется со сном. Ему надо следить за работой радиации. Он с некоторым раздражением думает о том, что в Диминых радиogramмах слишком много лирики, и они, пожалуй, могли бы быть покороче. Он размыш-

ляет о том, как бы сегодня ночью не мерзнуть. Он, бедняга, страдает еще от аккумуляторов, которые на ночлег засовывает с собой в спальный мешок, чтобы от холода они не потеряли своей емкости.

30 марта, на 15-й день пути, план экспедиции предусматривал сброс в ледовый лагерь контейнеров с продовольствием и бензином.

Хмелевский и Рахманов определили координаты, получилось: 79 градусов 09 минут северной широты, 156 градусов восточной долготы.

— Если бы не этот проклятый южный дрейф, быть бы нам уже на 80-й параллели,—справедливо заметил Рахманов.

Юра промолчал. Он, похоже, опять погрузился в свое излюбленное состояние, при котором мог наблюдать самого себя как бы со стороны. Это «раздвоение», когда один Хмелевский вместе с другими что-то делал, от чего-то страдал, как-то боролся, а другой Хмелевский наблюдал за всем этим издали и с неких философских высот, так вот это состояние Юра чрезвычайно ценил и не упускал случая в нем побывать.

Вот и сейчас он, не обращая внимания на 30-градусный мороз и злющий ветер, неторопливо развешивал на лыжах для просушки спальный мешок, а мысленно пытался понять, наступило желанное «раздвоение» или еще нет.

Василий помог Мельникову собрать из лыжных палок антенну и установить ее. Как обычно, это заняло у них считанные минуты, и вскоре Толя вышел на связь с базами экспедиции на острове Котельном и дрейфующей станции «СП-24». Он сообщил координаты лагеря, свои метеоусловия и спросил, когда им ждать самолет. Федор Склокин, начальник базовой группы на «СП-24», ответил, что «ИЛ-14» находится у них и готов вылететь.

— Ждали ваших последних координат,—сказал Федор.

Толя договорился с Лабутинным и Сяккиным, что их радиостанция будет постоянно находиться в ре-

жиме дежурного приема. Потом он извлек из рюкзака металлическую коробку средневолнового радиомаяка, который служил приводом для самолетов. Испытания, проведенные на материке, показали, что самолет «цепляется» за сигнал этого сконструированного Лабутинным радиопривода на расстоянии ста километров и затем радиокompас точно выводит воздушный корабль на группу. Но тут Мельникова ждал тяжелый удар. Приводная радиостанция вышла из строя, и сию минуту починить ее не было никакой возможности.

Толя взглянул на часы. Самолет десять минут назад вылетел с «СП-24» к ним, и радист уже, должно быть, приготовился принять со льдины сигналы радиомаяка.

Мельников бросился к коротковолновой радиостанции. Страшно волнуясь, он вызвал «СП-24».

— Гера,—стараясь скрыть волнение, нарочито спокойным голосом произнес Мельников,—сообщи на борт самолета, что маяк накрылся. Как понял?

— Понял: маяк приказал долго жить. Давай дальше.

— Пусть выйдут в район с названными координатами. Когда услышим звук моторов, включим УКВ-станцию.

Вооружившись сигнальными мортирками и дымовыми патронами, все семеро вылезли из палатки. И почти сразу же увидели самолет — он приближался к ним с северо-запада.

Василий включил висевшую у него на плече УКВ-станцию:

— «Борт», я «Льдина». Вы слышите меня?

— Слышим, слышим,—буднично отозвался летчик.—Только вот не видим. Подскажите, куда лететь.

— Попробуйте подвернуть чуть левее, и через минуту вы пройдете над нашей палаткой.

— Понял: довернуть левее.

Самолет накренился и теперь был совсем близко от ледового лагеря. Парни зажгли сигнальные дымь. «ИЛ» несколько раз качнул

крыльями — это пилот давал понять, что он их видит. Самолет с ревом пронесся над палаткой и тут же заложил крутой вираж, ложась на обратный курс.

Можно было считать, что операция прошла с блеском. Ребята споро распаковали контейнеры. Продукты для двухдневного привала, маршрутные рационы на следующие 15 дней, новые аккумуляторы, сигнальные средства, письма и газеты, канистры с горючим. Бензина прислали много — целых 60 литров, — чтобы на отдыхе не экономить его и как следует обсушиться.

Леденев с энтузиазмом взялся за примусы. Он заправил их, как следует прокачал, открыл вентиль и поднес к горелкам спичку. Оба примуса — это были безотказные австрийские «Фебусы» — вдруг одновременно забастовали: они стали нещадно коптить, а через минуту погасли. «Что за чертовщина, — нахмурился Леденев. — Наверное, форсунки засорились».

Еще одна попытка зажечь «Фебусы» опять закончилась неудачей. Отечественный «Шмель» у Василия попытел немного и тоже зачихал. Леденев стал мрачнее тучи. Кажется, он догадался, в чем дело.

— Василий, слушай меня. Только тихо, без паники. Эти примусы нам никогда не зажечь.

— Почему? — глаза у Шишкарева округлились.

— Подойди поближе. Вряд ли то, что я скажу, надо сразу знать всем остальным. В канистрах не бензин...

— Солярка! — ахнул Василий.

Рядом беззаботно радовались, раскладывая дары с неба, предвкушая тепло и отдых, пять их товарищей.

...Самое время прервать здесь последовательность повествования, чтобы представить читателю одного из участников этой острой ситуации — Василия Шишкарева. Объясню, почему именно его, а не кого-то другого. Шишкарев — самый моло-

дой член экспедиции. И по возрасту, и по стажу работы в ней. И если остальные ребята, благодаря прежним походам в высоких широтах, уже успели как-то прославиться, стать мастерами спорта, людьми в мире путешественников известными, то наш Василий пока оставался в тени. А между тем у меня есть все основания назвать его незаурядной личностью.

Фигура атлета. Под костюмом угадываются бугры мышц. Лицо сухощавое, острые скулы и узкие глаза делают его чуточку татарским. С малознакомыми людьми держится подчеркнуто скромно и даже замкнуто. С друзьями любит спорить и насмерть отстаивать свою точку зрения, которая, как правило, ничего общего не имеет с мнениями остальных, какими бы авторитетными эти мнения ни были. Рабочий управления дорожного хозяйства и благоустройства. Пишет стихи.

В его биографии и характере много необычного. Начнем с того, как он оказался в экспедиции «Комсомольской правды».

Когда в начале 70-х годов мы впервые «пробовали» лыжами дрейфующий лед (это было в проливе Лонга, отделяющем Чукотку от острова Врангеля), Василий жил в маленьком поселке Лепсы в Казахстане. Он не пропускал ни одного сообщения в газетах, где говорилось о наших походах и планах. В 1973 году написал в «Комсомольскую правду» письмо: «Узнал о том, что готовится экспедиция к полюсу, и прошу включить меня в ее состав. Работаю электромехаником. Совершил несколько сверхдальних путешествий по Казахстану на велосипеде, на лыжах, пешком».

Таких писем в то время мы получили много. Дима вежливо, как и всем остальным, ответил, дескать, состав экспедиции уже укомплектован, да и живете вы от Москвы далековато. Железом, мол, успех...

В отличие от других людей, «стучавшихся» в экспедицию, Василий, получив отказ, не угомонился.

Два следующих года от него регулярно приходили письма. «Пришлите план ваших тренировок»,— просил он в одном. «Приступил к самостоятельным занятиям»,— сообщал в другом. У этого парня был только один шанс попасть в нашу компанию: доказать ей свою абсолютную необходимость. И он, не откладывая, взялся за дело. В трескучий мороз Вася один пересек по льду озеро Балхаш—этот его 200-километровый маршрут сразу заставил нас другими глазами взглянуть на Шишкарева. Две зимы подряд он ночевал вне дома: поставил во дворе палатку, сшил спальный мешок и вот так, на диво всему поселку, терпеливо снося насмешки и ворчание матери, приучал себя к холоду.

— Меня точно кольнуло, когда я услышал о подготовке похода к полюсу,— рассказывал мне потом Василий.— В одной газете я прочел про парня, который готовил себя к полету в космос, но трагически погиб на пороге исполнения своей мечты. Человек может все!— это была основная мысль газетной статьи. Она стала моей программой.

Шесть лет он доказывал, что необходим экспедиции. В 1976 году по предложению Димы переехал в Москву. На тренировках старался пробежать больше всех и штангу выжать потяжелее. В летних путешествиях по Таймыру просился туда, где предстояла самая неблагодарная работа. Он овладел астронавигацией, став дублером штурмана; научился обращаться с радиостанцией, став дублером радиста; умело выполнял все обязанности, связанные с подготовкой снаряжения, став дублером завхоза. Главное же заключалось в том, что он сделался нашим товарищем, нашим верным попутчиком на дороге к полюсу.

Мы привыкли к его колючему характеру, к тому, что буквально на все у Василия есть своя точка зрения. Смириться мы не могли лишь с тем, что наш новый товарищ— молодой, энергичный, сообразительный— никак не хотел учиться. Казалось, профессия разнорабочего (стричь газо-

ны, сажать деревья, обрезать кусты) его вполне устраивала. На все наши упреки Вася с обидой отвечал явно не то, что думал. Примерно так: «Зачем мне ваш институт, если я зарабатываю не меньше инженера». Или так: «Должен же кто-то копать землю и сажать цветы». Но чаще всего Вася просто обижался, замыкался в себе, и развивать эту тему дальше не имело смысла.

Только перед самым стартом маршрутной группы к полюсу я, кажется, узнал, в чем дело. Однажды вечером в порыве откровения Василий сказал, что мечтает учиться в Литературном институте, хочет серьезно заниматься писательским трудом. Я не нашелся, что на это ответить. Ведь писать хорошие стихи— это не менее трудно, чем покорять Северный полюс. Впрочем, один раз Вася уже доказал, что человек может все.

Он ни разу не говорил о своем желании попасть в маршрутную группу. Но когда утверждался состав экспедиции для похода на полюс, как-то само собой получилось так, что участие Шишкарева ни у кого сомнений не вызвало.

...Василий отлил горячее из канистры прямо на снег— пятно было желтым.

— А бензин дает синеватый оттенок.

— Связь с «СП» есть?— наконец спросил Дима.

— Попробуем,— меланхолично ответил Мельников.

Шпаро обдумывал, что он скажет Федору. Ясно, что для головной боли сейчас не время. Во-первых, ребята на «СП», узнав о неприятности, и так будут жестоко переживать. Во-вторых, эфир открыт для любых ушей и незачем на весь мир устраивать радиоразносы своим подчиненным. («Хотя ох как хочется!»— поймал себя на мысли Шпаро.) А в-третьих, надо было не теряя времени исправить ситуацию.

— Федор, ты меня слушаешь?

— Да, Дима.

— Федор...— сказал Шпаро и надолго замолчал, обдумывая следующую фразу.

Склокин, давно привыкший к такой манере разговора, терпеливо ждал.

— ...Скажи, пожалуйста, Федор, ушел «ИЛ-14» на материк или он еще у вас?

— Только что ушел,— ответил Склокин.— А почему ты об этом спрашиваешь?

— Почему?— взорвался Шпаро.— Я тебе скажу почему. Потому что вместо бензина ты сбросил нам солярку. Со-ляр-ку! Теперь понял, почему?

В следующую минуту Дмитрий, представив лица своих товарищей на «СП-24», пожалел о резком тоне и уже гораздо спокойнее продолжил:

— Мы сейчас попробуем связаться с аэропортом Черский. Вы это тоже делаете по служебному радиоканалу. Необходимо узнать, будет ли в ближайшие сутки самолет из Черского на «СП-24». Если будет, то он должен подвернуть к нам и сбросить бензин. Учтите, что у нас нет ни капли бензина.

Ветер трепал капроновые стенки палатки. Только сейчас парни ощутили ледяные прикосновения мороза и поземки. Пять человек нерешительно топтались у входа в свое жилище, а изнутри доносился суровый голос начальника, пытавшегося исправить дело.

Первым пришел в себя Леднев. Он молча взялся за работу: из футляра примуса соорудил нечто вроде печки, потом налил туда солярку и зажег. К небу сразу поднялся столб черного дыма. Снег вокруг тут же сделался грязным, но зато теперь можно было попытаться приготовить ужин. Каша и чай от копоти получились черного цвета, но все поели не жалуясь. Лица вскоре тоже стали темными, как у негров.

Шпаро и Мельников не отходили от радиостанции. Им удалось связаться с радиолюбителем из Черского Михаилом Филипповым— это было нелегко, учитывая, что груп-

пу от поселка отделяло расстояние более 1000 километров. Филиппов из своей квартиры позвонил в аэропорт и выяснил план на завтрашние полеты. Рейс на «СП-24» планировался. Через Филиппова Дима передал радиограмму летчикам с просьбой подвернуть к маршрутной группе и сбросить бензин. Летчики тут же ответили согласием.

Любопытна запись, сделанная в этот вечер Дмитрием Шпаро: «Юра и Володя по звездам определили координаты. Возле теодолита горел костер из солярки. В палатке горела свечка. На небе горели звезды. Кругом были белые злые льды. Радиосвязь нас утешила. Мы не чувствовали себя одинокими».

Через сутки над ними снова появился «ИЛ-14», и сверху на парашюте к их ногам опустилась бочка чистейшего авиационного бензина.

Два первых апрельских дня они провели в своей палатке, блаженствуя от того, что можно вволю есть, спать, сушить вещи и отдыхать от свинцовой тяжести рюкзака. В оранжевом шатре почти непрерывно горели два примуса, от них шло тепло, почти забытое. До этого в палатке, когда они ее ставили, температура только на два-три градуса делалась выше, чем снаружи.

Не следует думать, что палатка хоть чуть-чуть напоминала нормальное человеческое жилище. Нет, это было в высшей степени спартанское укрытие, конструкторы которого руководствовались следующими требованиями: минимальный вес, максимальная простота сборки и надежность. Обычные стандартные палатки, рассчитанные на 6—8 человек, весят 10—12 килограммов. Вес нашей палатки— 4,2 килограмма. «Жилая площадь»— 15 квадратных метров, высота «потолка»— 1,6 метра. Идея конструкции позаимствована у народностей Севера— чукчей и эскимосов, которые свои яранги и чумы всегда сооружают в виде остроконечного конуса: такой «дом» имеет небольшую «парусность», ветер, каким бы сильным он ни был, только прижимает жилье к земле.

Как устанавливается палатка? Найдена подходящая для ночлега льдина (желательно старая, паковая, без трещин), сброшены с плеч рюкзаки. Теперь на снегу с помощью шнура очерчивается круг, по всей длине которого ножовкой (снег, как правило, тверд) проделывается канавка— это и есть граница будущего «дома». В канавке пятками вниз ставятся лыжи, носки которых вверх соединяются между собой при помощи титанового каркаса. «Скелет» готов. Сверху на него набрасывается капроновое покрывало, являющее собой «крышу» и «стены». Отвороты капронового полотна укладываются в канавку и забиваются снежными кирпичами. К оранжевому капрону пришит специальный голубого цвета «рукав»— это вход, или, точнее сказать, лаз в палатку. С помощью вшитой тесьмы он при желании задревается наглухо. Капрон для покрывала выбран такой, чтобы он мог «дышать».

Палатка не имеет пола, что сделано из соображений веса и безопасности: в случае экстренной необходимости (внезапный разлом льдины, нападение белого медведя) из такого жилища легче выбраться наружу. Вместо пола дежурный расстилает внутри, прямо на снегу, полиэтиленовую пленку, а на нее каждый участник кладет свой персональный пенопластовый коврик— вот и готова постель, залезай в спальный мешок, придвигайся поближе к товарищу— чем теснее, тем теплее— и спи. Два человека управляются с установкой палатки за 10—15 минут.

Василий предложил набросить сверху на каркас два парашюта— от этого внутри стало еще теплее, температура в метре от пола поднялась до плюс пяти градусов. Тогда Вадим вдруг сказал:

— А не устроить ли нам теперь баню?

Баню? Предложение было таким неожиданным, что вначале никто не нашел подходящего ответа. Раньше, в прежних маршрутах, продолжавшихся по 20—25 дней, вопрос о

бане не ставился, считалось, что помыться в условиях сильного мороза просто невозможно. Отсутствие водных процедур казалось злом неизбежным. Теперь ребятам сбросили, как и было предусмотрено программой, средства личной гигиены, многократно опробованные в космических полетах: влажные салфетки и полотенца из антимикробных тканей, сухие полотенца... Предполагалось, что этими полотенцами в дни отдыха они сделают обтирания лиц и рук.

Но баня? В палатке? На снегу?

— А что!—с вызовом сказал Дима.— По-моему, идея неплохая. Давайте попробуем.

Он первым снял с себя всю одежду, и Вадим принялся лупцевать его сильное тело смоченными в кипятке полотенцами.

— Ух, здорово! Лучше, чем в настоящей бане,— кричал от удовольствия Дима. Потом он помыл голову, насухо вытерся и, надев чистое белье, залез в спальник, освобождая место следующему. Его лицо прямо-таки светилось от удовольствия.

— Ну, Вадим, ты гигант. Благодаря тебе я сейчас испытал одно из самых сладостных ощущений в жизни.

Хмелевский, закончив обработку астронавигационных наблюдений, обрадованно сообщил, что южный дрейф, кажется, сменился долгожданным северным. За день их льдина на два километра приблизилась к полюсу.

— А что если нам целиком положиться на дрейф,— размечтался Вадим.— Сидеть вот так в палатке и ждать, пока не приплывем на полюс.

— Пока у нас больше шансов приплыть обратно к Генриетте,— остудил его Рахманов.

— А может, попробуем, ребята?— Давыдов, кажется, прочно впал в состояние кайфа. Он был счастлив от того, что своей баней доставил радость друзьям и наконец-то проявил себя как врач. До этого показать профессиональные качест-

ва Вадиму не представлялось случая. Все были здоровы, если не считать обморожений, на которые никто не обращал внимания.

От полюса их отделяло более тысячи километров. Впереди были самые трескучие морозы, самые яростные пурги, самые неприступные бастионы торосов. А пока они наслаждались теплом, отдыхом и нежно заботились друг о друге. Они ни на минуту не сомневались в своей победе.

3. Покорение

— Не знаю, как вам, а мне нравится, когда жизнь сравнивают со шкурой зебры: белые полосы чередуются с черными. Всего поровну — белого и черного, сладкого и соленого. В этом есть высшая мудрость.

Столь длинный для себя монолог утром 5 апреля произнес Рахманов, вызвав тотчас же ожесточенный отпор со стороны Василия, который был твердо убежден, что человек сам делает свою жизнь. Хочет — черной, хочет — белой.

— Ну, тогда сделай, чтобы торосов было поменьше,— поддел Василий Дима.— Облегчи себе жизнь.

Шишкарев прожег его взглядом:

— Мне путь не кажется трудным. И напрасно ты смеешься. Рахманых высказался как типичный идеалист.

— Зато ты, Василий, слишком часто переоцениваешь свои возможности,— опять царапнул его начальник экспедиции.

— Я? Никогда! Могу доказать вам всем. Хотите, за пять лет изучу высшую математику так, что буду знать ее не хуже Хмелевского? Хотите?

Страсти накалялись, и во избежание ссоры Юра тактично перевел разговор на другую тему. Он подумал о том, что, чего доброго, Василий и вправду засядет за математику — тогда его можно будет считать навсегда потерянным для экспедиции.

Разговор же по поводу зебры возник потому, что, отправившись в путь после двух дней безмятежного отдыха, они сразу попали в ледяную «мышеловку». Льды до самого горизонта представляли собой нагромождение огромных глыб — будто кто-то перепыхал их исполинским плугом. Маршрутная группа с разгону влетела в это месиво и... забуксовала.

3 апреля провалился в воду Вадим. Он шел пятым в цепочке, вслед за Рахмановым. Молодой, серый лед не выдержал, и врач экспедиции оказался по пояс в воде. Он сдавленно крикнул: «Помогите!» Рахманов мгновенно подскочил и выдернул «купальщика» на прочный лед.

За весь день 4 апреля удалось продвинуться к северу только на 4—5 километров.

К тому же испортилась погода; белая мгла начисто лишила местность теней, поэтому парни то и дело спотыкались, падали... Рюкзаки, пополнившиеся продуктами за счет сброса, снова весили по 50 килограммов. И в довершение всех бед впервые не состоялся сеанс связи — это оказалось самым тяжелым ударом.

Мельников в тот вечер был дежурным — готовил для группы ужин, а связью занимался Шишкарев. Что-то он замешкался, подключая радиостанцию, и в девять часов (время вечернего сеанса) не вышел в эфир. А тут Толя раздал миски с едой, и Василий решил вначале поужинать, а уже потом вести переговоры. Лишь в девять двадцать он включил станцию и позвал остров Котельный, Лабутина. Ответом ему было грубое молчание. Василий позвал «СП-24» — снова никто ему не ответил. Он споро выбрался из палатки, проверил соединения антенны, опять включил рацию и стал поочередно звать Котельный, «СП-24», поселок Черский и вообще всех. В ответ — ни звука. Казалось, что в мире никого, кроме них, не осталось, эфир не доносил ниписка морзянки, ни шороха помех,

Мельников, видя Васину суету, бросил свою кухню и тоже занялся станцией. Вдвоем они скоро выяснили, что сама «Ледовая» в полном порядке. Теперь на них были обращены взгляды пяти остальных участников. Особенно волновался Шпаро — ежедневные контакты с базами и Москвой для него, руководителя экспедиции, были очень важны.

— Ну что, будет связь?— то и дело спрашивал он.

Вася на это молчал, а Толя, сосредоточенно роясь в аппаратуре, отделывался туманными ответами: «посмотрим», «все может быть»... Наконец другим это надоело, и все, кроме Дмитрия, легли спать. Шпаро мрачнел и не спускал глаз с радиостанции.

— Непрохождение радиоволн,— сказал Мельников.— Можно не стараться, все равно ничего не добьемся.

— Неужели ты ничего не можешь сделать?— Дмитрий, по своему обыкновению, не хотел сдаваться так быстро.

Мельников пожал плечами, а Шишкарев стал опять бубнить в микрофон позывной Лабутина. Вася чувствовал себя неловко от того, что с опозданием включил станцию. Ведь, кто знает, возможно, ровно в девять еще не было магнитной бури...

Полтора часа сидели они возле радиостанции в надежде установить связь, пока вконец огорченный Дмитрий не вздохнул горько и не полез в свой спальный мешок. Он был расстроен потому, что не удалось передать в Москву ряд важных служебных радиogramм, не удалось узнать на завтра метеопрогноз, но всего сильнее его огорчал сам факт отсутствия связи. Система радиосвязи экспедиции была, пожалуй, самой большой его гордостью; до сегодняшнего дня эта система еще ни разу не подводила их, не дала ни одной осечки...

— Ну и денек,— пробормотал сквозь сон Рахманов, который, по видимому, обдумывал свой завтраш-

ний монолог про зебру. (Лабутин в эти часы тоже тщетно звал сначала маршрутную группу, а потом — хоть кого-нибудь. Догадавшись, что магнитная буря перекрыла дорогу коротким волнам, он включил средневолновый передатчик и, как было условлено на этот случай, с его помощью вызвал «СП-24», Сколкина. Федор подтвердил факт непрохождения. Магнитная буря оказалась такой сильной, что не было слышно даже сигналов радиолубительского спутника, работающего в ультракоротковолновом диапазоне. Спутнику Лабутин доверял больше, чем любому оператору, поскольку собственными руками собирал для него всю «начинку».)

Следующий день облегчения не принес. Местность оказалась совершенно безнадежной для продвижения на лыжах, да и без лыж — тоже. Трех-четырёхметровой толщины лед был взломан, искорежен, вздыблен в невообразимом хаосе до самого горизонта. Как такое могло получиться в открытом океане? Обычно мощное торошение бывает вблизи земли — там это легко объяснить: льды, напирая на земную твердь, ломаются, громоздятся друг на друга. Но как здесь произошла эта ледовая катастрофа?

Большая часть дня ушла на разведки: по двое они уходили вправо и влево, пытались найти сносный путь, однако каждый раз возвращались ни с чем.

Измучились так, что на ночлег было решено остановиться часом раньше. Хорошо, что хоть радиостанция сегодня ожила.

В этот день впервые увидели свежие медвежьи следы: цепочкой они тянулись с запада на восток. Было над чем подумать, ведь их теперь отделяло от ближайшего островка расстояние в 400 километров; зоологи же утверждают, что медведи обычно держатся вблизи земли, где много открытой воды и, значит, им легко охотиться на нерпу. Выходит, есть среди зверей отчаянные путешественники, шатающиеся по всему океану...

Следы были настолько свежими, что Вадим, ответственный за оружие, вынул из-под клапана рюкзака свой десятизарядный карабин и до слал патрон в патронник.

Третий этап пути к полюсу отличался невиданной скоростью: за 14 дней было пройдено почти 400 километров. Одна за другой оставались позади 82, 83, 84-я параллели.

Режим дня в группе соблюдался с неукоснительной строгостью — это была важнейшая гарантия успеха. В 4.30 вставал дежурный, который тотчас принимался за приготовление пищи. В 5.30 — общий подъем и завтрак. В 7.30 — выход на маршрут. В 12.20 — обеденный привал (ставилась палатка, штурманы замеряли высоту солнца, после обеда — получасовой сон). С 15.00 до 20.00 — еще пять переходов. В 21.30 — ужин, обработка астронавигационных данных, радиосвязь. В 22.30 — отбой.

Контролировать режим дня и вести хронометраж всех работ, думаю, не без умысла начальник экспедиции поручил Василию. Шишкарев действовал с неумолимостью ротного старшины: отведено на отдых после 50-минутного перехода десять минут — значит, никто не получит ни секунды больше. По истечении положенного срока Василий молча поднимался, взгромождал рюкзак и шел вперед. Не последуешь его примеру, значит, тебе придется догонять группу или на следующем привале отдыхать меньше положенного. Установлен для снятия палатки срок 07.00, так, будьте уверены, минута в минуту Вася сдернет с каркаса капроновое полотно. Кто-то может оставаться внутри полуголым, кто-то еще лихорадочно собирает в рюкзак вещи и просит Василия подождать хотя бы минуту; «на улице» в этот момент может бесноваться пурга — все равно Шишкарев неприступен. Осыпаясь проклятиями, он молча сворачивал и прятал в рюкзак капрон. Его позиция была неуязвимой,

потому что за жесткий режим когда-то голосовали все семеро, и на Василия поэтому обижались не очень сильно.

Только однажды Мельников не выдержал и круто отчитал мучителя. Причина для ссоры была все той же: утром Толя не успел разобрать и уложить в рюкзак свое радиохозяйство — он как раз этим и занимался, когда Василий, ни слова не говоря, стянул с каркаса полотно, мгновенно лишив полураздетого Мельникова крыши над головой. Налетевший порыв ветра тут же засыпал снегом половину его радиоаппаратуры. Радист поднял на Васю ставшие холодными глаза: «Ну и тип же ты...» Потом несколько дней они не замечали друг друга.

Самым трудным оказалось вставать по утрам. Покинуть согретый собственным телом спальный мешок, чтобы сразу оказаться на 30-градусном морозе, — это было испытанием не из легких. Побудку обычно производил дежурный.

— Через пять минут буду раздавать миски с кашей, — говорил он, прозрачно намекая на то, что тот, кто не проснется, останется голодным.

Хмелевский, будучи дежурным, еще миндальничал («Ребята, кто готов завтракать?»), а Леденев, напротив, не церемонился: он, разложив пищу, толкал по очереди всех и протягивал миски. Хочешь — не хочешь, а надо просыпаться, завтракать.

По окончании завтрака по негласному уговору полагалось еще несколько минут сна. Это были самые сладкие минуты: после горячей пищи, в предчувствии изнурительной работы, холода, ветра, давящей тяжести рюкзака они спали, не ощущая ни рук, ни ног.

Но вот и этот, непредусмотренный режимом, отдых позади, пора решительно вставать, пора снова «впрягаться в ляжку». Первым, как обычно, спальный мешок покидал Вася, вслед за ним поднимались Леденев, Хмелевский, Шпаро. Последними от пут дремы освобожда-

лись Давыдов и Мельников. Чтобы разбудить Толю, иногда приходилось прибегать к весьма крепким словечкам. Он, бедняга, мучился от хронического недосыпания: вечерние радиопереговоры почти всегда затягивались до полуночи, ребята уже досматривали вторые сны, а радист еще клевал носом, сидя у радики.

Они устали. Мало кто из людей испытывал такую усталость. Вот уже два месяца, изо дня в день, они упорно тянули след своих лыж на север, к полюсу. Они победили космический холод первых дней, встречный дрейф льдов, гряды тяжелых торосов, коварные разводья... Что еще припасла людям ты, Арктика? Какие тяготы?

Рахманов научился спать на ходу, а Мельников, шагая по льдам, однажды уснул так крепко, что даже увидел сон. Физическое напряжение шло рука об руку с психологическим.

Дрейф стал попутным. Не так понимали морозы. Реже встречались участки тяжелых торосов. Круглые сутки светило солнце. Но зато их подкараулил новый враг, неведомый в прошлых путешествиях и, возможно, более опасный, чем все другие. Имя ему — нервно-психологическое перенапряжение.

История полярных экспедиций знает много примеров, когда в сложных ситуациях оторванные от цивилизованного мира люди теряли доверие друг к другу, начинали ссориться, враждовать. В конце прошлого века небольшое судно «Бельжика» осталось на зимовку у берегов Антарктиды. Двое из членов его экипажа от невыносимой обстановки внутри коллектива сошли с ума.

Или еще один пример, ставший хрестоматийным. Норвежского исследователя Ф. Нансена в его брошке к полюсу, о котором я уже упоминал, сопровождал штурман судна «Фрам» Я. Иогансен. Много месяцев продолжалась их героическая одиссея. Поняв, что полюса не достичь, храбрецы повернули свои упряжки и затем почти полтора года

добирались назад до Большой земли. Питались сырой моржатиной и медвежатиной. Но самым тяжелым испытанием оказалось то, что они с какого-то момента перестали разговаривать друг с другом. Чувство взаимной неприязни разъединило их, сделало чужими. Только раз или два в неделю они в сугубо официальной форме обращались один к другому.

Ученые считают, что возникновению конфликтных ситуаций в экстремальных условиях чаще всего способствует нервно-психическая напряженность.

В нашей экспедиции никогда не стояла проблема психологической совместимости. Ведь столько лет ребята «притирались» друг к другу, столько каши съели из одного котелка! Всех их объединяли, делали коллективом неформальные нити настоящей дружбы.

Но в середине апреля определенное напряжение между членами экспедиции все же возникло — это, по мнению психологов, неизбежно должно было произойти, — и медики связывают кризис, в частности, с усталостью, накопившейся к середине маршрута.

Первым «звонком» стала, пожалуй, та ссора между Мельниковым и Шишкаревым, о которой рассказывалось выше. Василий не на шутку взъелся на радиста, хотя у Толи основания для обиды были, кажется, посерьезнее.

19 апреля Мельников чувствовал себя неважно и потому все время отставал от группы. «Словно стержень из меня вынули, — жаловался он. — Мускулы ватными сделались». Однажды, перебираясь через гряду торосов, он упал, причем угодил в мягкий, будто перина, снег между двумя глыбами льда. Глаза его сами собой сомкнулись, и Мельников глубоко уснул. Дима нашел радиста спустя двадцать минут — полузамерзшего снегом. С трудом разбудил его.

К месту очередного привала Мельников пришел, когда остальные шестеро уже использовали положен-

ные для отдыха десять минут. Радист, еле волоча ноги, припелся к группе и тут же снова упал на снег. А Василий как того и ждал: «Время истекло. Поднимаемся...» И схватился за свой рюкзак. Тут уж и Дима не выдержал: «Да угомнись ты...»

Вторым «звонком» стала размова начальника экспедиции с завхозом. Она назревала с первых апрельских дней, и причины тут крылись в разном подходе к тактике движения. Дело в том, что Володя, как правило, старался идти первым. Встретив трещину, перпендикулярную их курсу, он в поисках переправы как-то уклонился налево, то есть к западу. Дмитрий упрекнул его, мол, нам надо по возможности придерживаться восточного направления. Тогда в следующий раз, встретив препятствие, Леденев автоматически свернул направо и... снова вызвал неудовольствие начальника: «Ты действуешь не думая. Нам гораздо удобнее обойти эту трещину с запада». Короткая перепалка, которая затем возникла между ними, кончилась тем, что Леденев снова, не оборачиваясь, ушел первым прокладывая лыжню. Но теперь, когда ему опять попала трещина, он просто остановился возле нее, сбросил рюкзак и стал ждать остальных участников. Шпаро подошел:

— Почему стоим?

— Трещина,— невозмутимо показал вперед лыжной палкой Леденев.

— Ах, ты специально задерживаешь группу!..

— Я просто не знаю, что теперь взбредет в твою голову,— тоже закричал в ответ Володя.

Оставшуюся до вечера часть пути семерка проделала в полном молчании.

Поняли — кто в меньшей степени, кто в большей: началось нечто неладное, и теперь любое неосторожно сказанное слово может иметь тяжелые последствия.

Следующая неделя мало изменила атмосферу. По аналогичному

же поводу Дима поссорился с Шишкаревым.

На привалах все семеро почти перестали разговаривать друг с другом — просто сидели на своих рюкзаках и безучастно осматривали окрестности. Ими владело безразличие, какое-то тягостное равнодушие.

...Зато скорость продвижения к полюсу в это время была рекордной: в иные дни они проходили по 30 и более километров.

На первые роли теперь незаметно вышли два человека: Хмелевский и Мельников. Они деликатно сглаживали острые углы вспыхивавших конфликтов, умели шуткой или компромиссным предложением разрядить напряженную обстановку: они вели себя подчеркнуто ровно и доброжелательно.

Особенно много сделал для улучшения психологического климата Толя. Сначала он постарался восстановить нормальные отношения с Василием. Потом в тихих доверительных беседах с ребятами убедил их более деликатно относиться к Диме.

— Поймите,— говорил Толя,— Шпаро устал гораздо сильнее нас всех. Вот уже много месяцев он спит не более 4—5 часов в сутки. На его плечи, кроме рюкзака, давит огромная ответственность за жизнь каждого из нас. Я вообще не пойму, как он еще держится на ногах. Это была чистая правда...

Мельников добился того, что Дмитрия освободили от дежурств. Радист, будто искусный лекарь, постепенно и безболезненно исцелял раны, нанесенные экспедиции ссорами.

Перелом в настроении группы наступил в конце апреля. Парни точно просыпались от неприятного сна, снова обнаруживая в отношениях между собой прежнюю сердечность, доверительность, желание общаться и радоваться друг другу. Радиogramмы из ледового лагеря стали жизнерадостными, пронизанными юмором. Леденев, давая интервью для Всесоюзного радио, под

общий смех своих спутников расхваливал Арктику как прекрасное место летнего отдыха.

В начале мая начальник экспедиции радировал в «Комсомольскую правду»: «29 апреля мы установили абсолютный рекорд — пройдено около 40 километров за день!»

Май, который принес в Москву раннее лето, за 85-й параллелью досаждал маршрутной группе частыми пургами, снегопадами, туманами. Температура, как правило, держалась около минус двадцати градусов. Лыжников особенно мучила белая мгла — это мерзкое состояние погоды, когда снег и воздух совершенно неразличимы: они сливаются, скрадывая тени, нарушая привычное представление о масштабах. Белая мгла в мае «висела» в воздухе почти каждый день. И не дай бог снять темные очки — снежная слепота неминуемо поразит глаза.

Ночь с 17 на 18 мая группа провела на небольшой льдине, со всех сторон окруженной водой. Надо было срочно уносить отсюда ноги. Спозаранку Шпаро и Рахманов отравились на разведку, и вскоре им повезло: в одном месте нашли зыбкую ледяную перемычку, по которой можно было переправиться. Вернувшись к лагерю, они быстро подняли на ноги всех остальных. Проскочили по тонкому льду, едва замочив лыжи...

Потом встретили канал шириной метров десять с абсолютно ровными, словно по линейке проведенными, берегами. Пришлось надувать лодку. Благодаря четким и энергичным действиям — каждый знал, что ему надлежит делать — меньше чем через час вся семерка была на северном берегу канала. И снова разводье... Тонкий лед... Канал... Свежее торошение... Белая мгла... Нет, скучать им в мае определенно не приходилось.

Но каждый из семи, несмотря ни на что, сохранял приподнятое настроение. Они уже ощущали дыхание финиша. Вадим считал, что

полюс будет достигнут 26 мая. Толя называл — 27 мая. Лишь Юра избегал категоричных суждений на сей счет. Интуитивно он чувствовал, что напоследок Арктика обязательно выкинет какой-нибудь номер, подвергнет их новому испытанию. И он не ошибся.

Странное дело: казалось бы, по мере приближения к полюсу льды должны бы становиться прочнее, сплоченнее, толще, а на деле получалось наоборот. Чем ближе делалась цель их путешествия, тем чаще они встречали воду и молодой тонкий лед. Пака, то есть многолетних мощных полей, здесь почти не было. Хуже того, лыжники то и дело стали наталкиваться на гряды свежего торошения. Скорость дневного продвижения сразу заметно снизилась. 21 мая группа с разгону влетела в зону сплошного торошения. Но и это было не все...

Накануне пропало солнце. Небо будто закрыли серой ватой. Из туч временами сыпал сухой мелкий снег. С тихим шуршанием снежинки, гонимые ветром, стелились по льду. Стало сумрачно и тревожно. Тревожно оттого, что без солнца они не могли определить своих координат и направления своего движения. А ведь как раз в районе полюса регулярная и точная навигация была особенно важна. Малейшая ошибка в расчетах могла увести их далеко в сторону.

Солнца не было день, и два, и три... Казалось, в этих местах никогда не рассеиваются облака. Удар был рассчитан точно: семь лыжников, уже оставившие за спиной почти полторы тысячи километров, презревшие стужу и метели, торосы и разводья, теперь застряли в двух шагах от цели своего путешествия. Солнца не было...

Рассказывает Юрий Хмелевский:

«Бывало, еще в апреле я поджививал своих спутников: «А что мы станем делать, если в последние дни перед штормом полюса исчезнет солнце? Все дружно смеялись надо мной, дескать, вот чудак-то, в

Арктике весна без солнца не бывает. Считалось, что погода обязательно должна стоять ясной. Ребят не упрекнешь в чрезмерном оптимизме — хотя бы потому, что за все предшествующие дни у нас не было ни одного срыва навигационных определений. Ни одного!»

И вот памятный день — 20 мая. Сплошная облачность. Мы идем по численнию, почти вслепую. На пятый день я говорю: «Допустим, мы движемся правильно — точно на север. Но как мы определим момент, когда уже не надо больше двигаться, то есть момент полюса? Ведь дальнейшее движение будет — на юг...» Ответом мне служило молчание.

Солнце будто издевалось над нами: проглянет из-за туч, — мы лихорадочно останавливаемся, ставим на треногу теодолит, а когда все уже готово, небо, глядишь, опять непроглядно затянуто серой ватой. Только тронемся в путь — как нарочно — солнечный круг выглядывает из-за туч.

Мы с Рахмановым практически не спали — караулили светило. На полюсе в это время года что ночь, что день — одинаково светло, и солнце круглые сутки «плавает» на одной и той же высоте. Володька измучился, осунулся, но был верен себе: все старался сделать на совесть, за все брался сам.

26 мая мы решили: если до завтра определить координаты не удастся, то дальнейшее «слепое» движение следует прекратить. Встать лагерем и ждать появления солнца.

Следующий день выдался еще более пасмурным. До обеда мы шли, будто забыв о своей договоренности. Пообедали в палатке.

— Ну что? — спросил Дима. — Как поступим дальше?

Все молчали.

— Пойдем?

Встали, свернули лагерь и молча двинулись вперед. Пассивно ждать милостей от природы, сидеть сложа руки... — ну, нет, к этому мы приучены не были».

На материке события в это время развивались так. К концу мая поселок Черский стал местом назначения большого числа журналистов, кинооператоров, фоторепортеров, работников телевидения. Крошечный населенный пункт в устье Колымы еще никогда не видел (и больше, наверное, не увидит) столько гостей. Встречать отважную семерку покорителей полюса сюда прилетели из Москвы известный советский поэт Андрей Вознесенский, соратник Тура Хейердала, врач и путешественник Юрий Сенкевич, лауреат Ленинской премии Василий Песков, легендарные полярники, публицисты, писатели... Все они с нетерпением ждали сигнала, чтобы сесть в самолет и лететь на «СП-24», а оттуда — кому повезет — на полюс. Сигналом должна была стать радиограмма из маршрутной группы о достижении цели.

Больше всех в эти дни нервничали летчики. Им предстояло выполнить чрезвычайно сложную и рискованную операцию: полет нескольких легких самолетов на полюс и обратно. Еще никогда в истории Арктики одномоторные самолеты поздней весной и летом в приполюсном районе не летали. Для обеспечения этого уникального полета на полпути между «СП-24» и «земной макушкой» требовалось создать промежуточную базу, где самолеты могли сесть и дозаправиться горючим. Каждый день задержки делал эту сложную затею еще более трудноосуществимой, поскольку с приближением лета катастрофически портилась погода, все более разреженными становились льды — полеты и посадки в таких условиях граничили с огромным риском. Я очень хорошо понимал летчиков, их вопрошающе-тревожные взгляды.

29 мая самолет «ИЛ-14» доставил беспокойное племя журналистов и встречающих на «СП-24».

«29 мая. В 01.00 связался с группой. Дима просит нашу базовую радиостанцию работать в режиме непрерывного дежурного приема, начиная с 06.00 часов. Своих точных

координат назвать не может. Указывает на наличие сильного встречного дрейфа.

Из Черского поступил прогноз погоды на ближайшие сутки: в район полюса предполагается смещение циклона от Шпицбергена, ожидается усиление ветра до 12—15 м/сек. и ухудшение видимости до 1 км.

В 12.30 все пять самолетов «АН-2» стартовали в хмурое небо и ушли на север. Им предстоит в 600 километрах к северу найти подходящую льдину, сесть на нее и оставить там бочки с бензином. Мы знаем, что экипажи этих самолетов составлены из самых лучших полярных летчиков, но все-таки волнуемся. На «СП» воцарилось тревожное ожидание.

Дневной сеанс связи с маршрутной группой хороших вестей не принес. Шпаро опять жаловался на пасмурную погоду и встречный дрейф. Обсуждался аварийный вариант выхода на полюс. Он заключается в следующем: самолет «АН-2» с помощью своих навигационных средств определяет полюс, совершает там посадку и затем, подобно маяку, посылает в эфир радиосигналы, по которым, как по веревочке, группа выходит к цели. Такой вариант, видимо, не исключен, хотя Дима считает, что в будущем их из-за этого могут упрекать, дескать, вы не сами вышли на полюс, вас, как слепых котят, вывели.

В 17.00 поступила радиограмма от командира группы самолетов «АН-2», в которой сообщалось, что промежуточная база (подбаза) на льду организована, и теперь четвере «аннушки» возвращаются на «СП», а пятая, согласно плану, остается на подбазе, чтобы служить радиомаяком. Еще через три часа журналисты и полярники шумным ликованием отметили появление в небе над станцией четверку самолетов. «Аннушки» шли развернутым строем, как на параде — зрелище это здесь, в сердце Арктики, было трогательным.

Режим движения группы теперь таков: пять часов форсированного

марша, затем два часа отдыха и снова пять часов марша.. Практически ребята работают круглые сутки. Силы экономить уже не к чему, надо как можно быстрее достичь цели.

В 22.00, во время очередной остановки, Толя сказал мне по радио, что удалось «поймать» солнце и определить координаты. Теперь от полюса их отделяют меньше сорока километров. «Скрипа еще не слышно?» — спросил я Мельникова. Он сразу понял, о чем идет речь: «Земную ось пока не наблюдаем. Возможно, за тем дальним торосом наткнемся на нее». Эта нехитрая шутка родилась еще во времена папанинцев, но и сегодня ее вряд ли можно считать затертой. Ведь с тех пор на полюсе побывало не так много людей.

30 мая. В 09.50 на связи был Шпаро.

— Прошли довольно мало,— кисло сказал он.— Лед плохой. Погода плохая. Наша широта — 89 градусов 50 минут.

— Вы почти у цели,— подбодрил я товарища.— Предлагается следующий план дальнейших действий. Сегодня в 22 часа двумя самолетами «АН-2» базовые участники экспедиции, включая меня и Обухова, вылетают на подбазу. Там мы разворачиваем радиостанцию и ждем вашего сообщения о достижении полюса, после чего вылетаем к вам.

— А когда будет 22 часа?

— Через полчаса,— ничуть не удивившись этому вопросу, ответил я, потому что знал о вечной путанице со временем в маршрутной группе. Она происходила оттого, что жили ребята по местному времени (то есть по часовому поясу Якутска), при навигации брали в расчет время по Гринвичу, сеансы радиосвязи назначались по-московскому, а кроме того, еще надо было учитывать время, по которому живут полярники на «СП-24» (плюс двенадцать часов к московскому).

— Только я прошу вас дать нам возможность спокойно дойти до цели, тщательно определить точку по-

люса,— сказал Дмитрий.— Не будем комкать финиш. Без нашего согласия на полюс не вылетайте.

— Речь не идет о том, что мы прилетим на полюс раньше вас.

— Хорошо, Володя. Прощаемся. Я хочу полчаса поспать.

...Когда-то я с увлечением читал книгу английского путешественника Уолли Херберта, десять лет назад совершившего вместе с тремя спутниками санный трансарктический маршрут. Херберт (так же как и многие другие его предшественники) много места уделял описаниям поисков полюса. В свою записную книжку я выписал такие слова: «Навигация в непосредственной близости от полюса является сложной проблемой. Малейшая неточность в определении долготы, и вы уже неправильно определяете тот момент, когда солнце пересекает ваш меридиан. В конце концов, вы начинаете двигаться по кругу».

...В 22.35 мы вылетели с «СП-24» на двух «аннушках» — Лабутин, Склокин, Иванов, Деев, Шахотин, Обухов, я. С нами мощная радиостанция для прямой связи с Москвой, а также для работы Лабутина в течение суток из точки полюса со всеми радиолюбителями мира (это должен быть заключительный accord радиосоревнований «Полюс-79»). Погода неважная. Пока наш самолет пробивал облачность, его крылья обледенели — командир экипажа забеспокоился и едва не повернул машину обратно...

Итак, 31-го в 01.10 оба самолета прибыли на подбазу. За полчаса мы прямо на льду, под открытым небом, развернули радиостанцию, и Лабутин вышел в эфир. Первым делом он позвал Москву и — вот удивительно! — наш московский радист отозвался мгновенно. «Я здесь, Леонид», — сказал он таким тоном, словно сидел за соседним торосом, а не за восемь тысяч километров отсюда. Летчики, до этого с недоверием посматривавшие на маленький ящик лабутинской рации, теперь не скрывали своего восхищения. Закончив переговоры с Москвой,

Леня уже из чисто спортивного интереса спросил в микрофон, кто еще есть на частоте. Что тут началось? Мурманск, Свердловск, Ленинград, Одесса, Ереван, Ташкент... А ведь во всех этих городах уже было далеко за полночь. Откликнулись японские и канадские станции. Отзвонился с борта своей яхты «Джу» болгарин Дончо Папазов, который вместе с женой пересекал Тихий океан. Кажется, радиолюбители всего мира несли в этот момент вахту в эфире, мечтая первыми услышать весть о покорении Северного полюса. Всех нас растрогало такое внимание.

...Я устал бороться со сном. С трудом доплелся до ближайшего самолета, влез в его железное чрево, упал на какие-то мешки, крепко уснул. Мне показалось, что прошла всего минута, когда через два часа прямо над ухом закричал Шатохин: «Вставай! Дима на связи. Полюс — наш!» Я машинально взглянул на часы: было 05.10. Будто пружина внутри сработала — я взметнулся, бегом к рации.

Возле Лабутина столпилось все «население» подбазы. Леня сиял.

Я схватил микрофон. Забыв о всяких правилах радиосвязи, не называя позывных, закричал:

— Дима, дорогой, поздравляю с победой. Полюс наш! Ура!

...Рассказывает Юрий Хмелевский:

«Мы уже перестали ориентироваться во времени. Пять часов идем, затем отдыхаем, причем спать на привалах мне и Рахманову практически не приходилось, мы все время «сторожили» солнышко. Трое суток группа жила в таком изматывающем режиме. Полюс, хоть и медленно, неохотно, становился все ближе к нам. 30 мая оставалось пройти всего несколько километров. Мне не повезло: я опять окупнулся в океанскую воду. Но теперь это было настолько привычным, что не вызвало со стороны ребят никаких комментариев. Леденев даже обрадовался, потому что успел снять «купание» на

кинолентку. Мы шли непрерывно часов восемь. Наступило 31 мая. По всем расчетам выходило: мы на полюсе.

В 2 часа 45 минут остановились у высокого ледяного холма. Поставили палатку. Из лыжных палок соорудили мачту и подняли на ней красный флаг.

Каждый считал, что он должен вести себя как-то по-особенному. Но как? Все ждали чего-то... Потом Дима говорит: «Ладно, ребята, давайте вот так встанем в кружок и обнимем друг друга за плечи». Мы молча сцепились и тут-то почувствовали: все... точка... полюс... победа... Никто ничего не сказал, только Дима молвил: «Цель достигнута». А в глазах защипало. И у других слезы по щекам покатались... Стояли обнявшись, потом стали раскачиваться.

Я был счастлив не от того, что пешком дошел до полюса, а от того, что рядом были ребята, друзья, единомышленники. Я ощущал особую слитность со всеми нами. Мы дошли до полюса! Мы!

Вадим десять раз выстрелил в воздух из карабина. «Салют,— сказал он.— За Шпаро! За Хмелевского! За Леденева! За Мельникова! За Давыдова! За Рахманова! За Шишкарева! За победу! За победу! За победу!»

Потом мы связались с подбазой и в ожидании вашего прилета уснули.

В шесть часов мы вылетели с подбазы. В десять увидели палатку. Старший штурман В. И. Кривошея, закончив свои расчеты, подтвердил: «Это — полюс».

Совершить посадку рядом с лагерем оказалось невозможно: там не нашлось подходящей льдины. Мы сели примерно в километре от палатки на обширном, величиной с три футбольных поля, лоскуте молодого льда толщиной 50 сантиметров. Я взобрался на фюзеляж самолета и вдали, за грядой торосов, увидел семь маленьких фигурок — они шли в нашу сторону. Мы тоже пошли им навстречу.

По мере того как расстояние между нами уменьшалось, обе группы — и семь лыжников, и мы — прибавляли шаг, пока не обнаружили, что бежим.

Странно, должно быть, это выглядело со стороны: в полном молчании бегут навстречу друг другу люди. Проваливаются в глубокий снег, падают, дышат часто, тяжело. Бегут... А кругом белая равнина с голубыми торосами. Низкое серое небо. И великая тишина. На сотни километров во все стороны — лед, снег, тишина.

Вот сейчас мы встретимся... А потом налетят самолеты с корреспондентами и кинооператорами. И будет торжественный миг подъема государственного флага СССР. Речи. Церемонии. Подписание официальных протоколов. Футбольный матч на полюсе. И Вася Шишкарев сядет за письмо отцу. «Ты всегда обижался на меня, что я не учусь, занимаюсь странным делом и вообще непутевый сын. Высшее образование — совсем не синоним высших человеческих качеств. Главная цель человека — быть Человеком. И в этом ты воспитал нас правильно. Немного людей было на Северном полюсе, хотя многие стремились к нему. Совсем мало тех, кто достиг полюса самостоятельно. И только семь человек во всем мире дошли до него на лыжах. Среди них твой сын».

Вот сейчас, сразу за ближней грядой торосов, мы закончим свой длинный бег навстречу друг другу. И в какой-то миг испытаем чувство острой печали от того, что цель, к которой шли десять лет, теперь достигнута. А потом будут волнующие встречи на Большой земле. Награды. И — новые походы на Севере. И новые планы.

...А пока мы бежим по Северному полюсу навстречу друг другу.

См. фото
на 1—3-й стр. вкладки

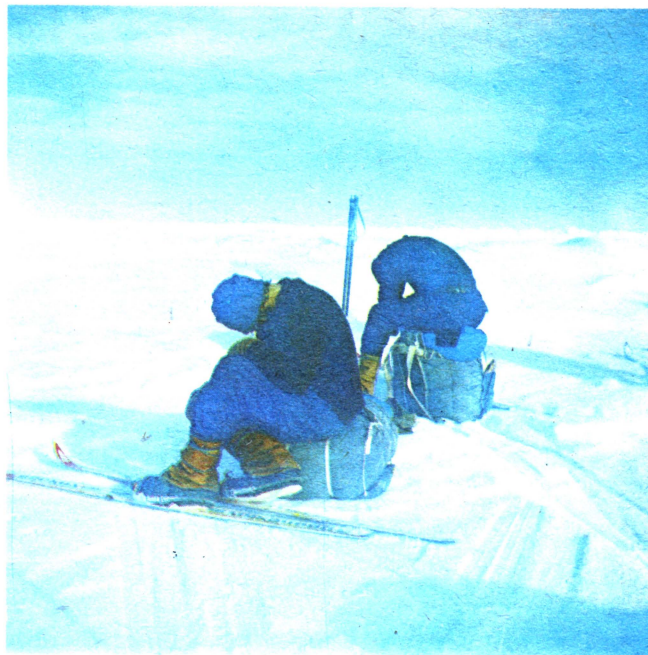
Семерка уходит в пургу.
Фото В. Снегирева.

За несколько минут до старта на о-ве Генриетты. Слева направо: Вадим Давыдов, Василий Шишкарев, Владимир Леденев, Дмитрий Шпаро, Юрий Хмелевский, Анатолий Мельников, Владимир Рахманов.
Фото В. Снегирева

Устройство лагеря.
Фото А. Мельникова.

Короткий привал.
Фото А. Мельникова.

На пути часто встречались трещины и разводья.
Фото В. Леденева.

Торжественная церемония на вершине планеты. У священной реликвии — знамени папанинцев — Дмитрий Шпаро.
Фото В. Леденева.

Василий Шишкарев.
Фото Д. Шпаро

Комсорг экспедиции Владимир Леденев.
Фото В. Снегирева.

ТАРЬЄ ЛЮДИ ГОВОРЯТ...

ТАРЫЕ ЛЮДИ ГОВОРЯТ...

Народный календарь

**Леонид
БОГОЯВЛЕНСКИЙ**

*Оформление
З. Баженовой*

Разные календари издаются в нашей стране. И школьный, и молодежный, и женский. Есть календарь спортивный, театральный, астрономический... Календарь грибника, садовода. Можно видеть календари настольные, настенные, отрывные, перекидные, вечные. Но нельзя увидеть народный календарь. Нельзя потому, что он — устный. Он хранится в памяти народа и не печатается на бумаге.

Календарь, как система счисления дней и месяцев года, был известен на Руси древним славянам задолго до появления письменности. Понятно, что он мог быть только устным.

Когда Русь приняла христианство, когда появилась славянская азбука и письменность, церковь создала письменный календарь — святцы. В святцах расписаны по всем дням года христианские праздники и другие церковные события, а также имена святых: Петра, Василия, Ильи, Акинья, Евдокии, Улиты и других, которых должна была почитать церковь во время богослужения в определенные дни.

Как календарем народ не мог пользоваться святцами потому, что эта огромная по объему и трудная для понимания книга была сугубо церковной и в руки простого человека попасть не могла. Поэтому в быту и в трудовой деятельности он продолжал пользоваться своим устным календарем, который согласовывал теперь со святцами. Это было не очень трудно сделать, так как большинство христианских праздников церковью приурочила по срокам к древнеславянским языческим ритуальным земледельческим праздникам. Новое легло на готовое старое.

Главная особенность устного народного календаря — в образном обозначении примечательных, рубежных дней, в их названиях. Названия-картинки взяты из природы и жизни человека, крестьянина. Число, означающее день, не создает образа. Название же дня воссоздает в памяти и место, и время, и погоду.

В русском языке календарь, в том числе и устный, называется месяцесловом. В свой месяцеслов я включил только те дни, которые потребуются при изучении народного календаря земледельца. Все числа даны по новому стилю.

*Не примечать,
так и хлеба
не видать*

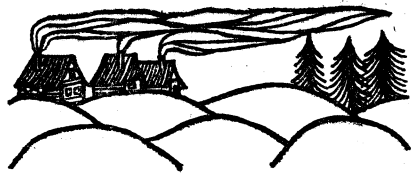
Пришел час отправиться нам с вами в новое путешествие. Котомку за спину, посошок в руки и — проселками, через поля и дуга, через леса дремучие по земле русской.

Кого-то встретим, что-то услышим — увидим на своем пути...

Широкий луг зеленеет на пойме большой реки. Впереди село виднеется. Рядами изб вытянулось по нагорью, могучими березами да ивами прикрылось. Лишь колокольня красного кирпича возвышается, церковь пятиглавая. Древнее село, в округе известное, Ершовкой зовется.

По лугу грунтовая дорога к верхнему концу села ведет. Деревянные столбы вдоль нее бегут. Малая речка в большую течет, Парка-

чихой зовется. Большая — Камой. На тихой воде Паркачихи кувшинки желтеют, у берегов осока растет, на лугу — мурава.

Серенькая трясогузка с кочки на кочку перелетает, длинным хвостиком покачивает, попискивает тревожно. Зеленая лягушка из воды нос выставила, раздула пузыри возле ушей, урочит в свое удовольствие, дождь пророчит: темные облака из гнилого угла навстречу мне плывут. Под облаками ласточки-береговушки мечутся, то к воде припадут, то взвоятся. Еще выше — коршун парит. Крылья распластал, круги выписывает,мышь ли, птицу какую высматривает?

Сорока-белобока на макушку столба слетела. Кружится, кланяется, приседая, стрекочет. Стадо коров по лугу разбрелось. Шиплют траву буренки, от паутов и слепней хвостами отмахиваются. Подальше — овцы и козы. У дороги пастухи: дед и баба. Не древние, но уже в летах. У деда батожок в руке, у бабы — вица. На шнурке узелок. Разглядывают меня. По одежке, что ли, встречают? Дед голос подал:

— Далеко ль, мил человек, путь держишь? Дело пытаешь иль от дела летаешь?

— По земле хожу, старых людей иду да поспрашиваю: как жили-были, как землю пахали, хлеб добывали, как погоду узнавали...

— Ну-ну! — Не ожидай, видно, такого старик, но за словом в карман не полез: — По земле-те ходи да на небо гляди!..

— Без примет ходу нет! Кто не верит примете, нет тому житья на свете! — поддержала его старуха.

— Отчего же так строго! Кому нужна нынче эта самая примета? Ею сыт не будешь. Теперь наука в деле опора, — подзадориваю я стариков.

— Э-э! Не примечать, так и хлеба не видать, — в мутных глазах старика под выцветшими седыми бровями лукаво засветилось.

— Как примета скажет, так и жито в закрое ляжет! — опять встряла баба.

— Примета вроде бы учит? — спрашиваю.

— Может и поучает. В июле хлебоборост — не будь мужик прост: летний денек зимний месяц кормит. Не упусти срок, поглядывай на небо, выбирай погоду. Год-те ныне во-он какой! — вздохнул дед. — Весна припоздала и сухой оказалась. В мае

ни одной капли не упало, а в июле — видишь вот — поля заливают. Травы-то ожили, поднялись, сенокосу время, а дожди и дожди... Случаются, правда, погожие деньки. Ветерок вмиг траву обдует. Тут и косу в руки, не мешкать бы...

Стадо тянулось к лесу. За ним подались и пастухи. А я зашагал дальше. Вот и первая изба. У ворот квочка с цыплятами. Посреди улицы — гуси. У каждой избы на задворках — огороды. Картошка цветет, капуста вилки завивает, под пленкой теплички — огурцы да помидоры зреют. За огородами — поля. Озимые золотятся, яровые зеленеют, чернеет пашня — пар.

По преданиям три века Ершовке. Триста лет уже ее жители пахут землю, растят хлеба: озимую рожь, яровую пшеницу, полбу, овес, ячмень. Сеют гречиху, просо, горох, репу, редьку, свеклу, лен, коноплю, подсолнухи. В огородах издана садыт лук, капусту, огурцы, лет сто с лишним — картофель, без малого семьдесят — помидоры. Всегда держали домашний скот и птицу. Исконок веку занимались пчеловодством. Рыбу в Каме ловили. Грибы, ягоды, орехи в лесу брали. Занимались кустарным делом. Ткали из мочала кули и рогожи, долбили корыта, гнули коромысла, бондарили. В каждой избе лапти плели, позже и пимокаты появились, сапожничали.

От прадедов к правнукам передавался опыт и трудовые навыки. Древен опыт. Даже первые ершовские поселенцы — что и как делать — ссылались на старых людей и крепко держались предковщины. Свое тоже вносили в копилку народной мудрости: богато село талантами. Вот так веками и в Ершовке и во всех поселениях Русь слагалась постепенно, потом и утвердилась окончательно строгая очередность годовых работ, закрепленная по дням-рубешам народного календаря, составив неписанный сельскохозяйственный календарь земледельца. О нем и пойдет наш рассказ.

МЕСЯЦЕСЛОВ

ЯНВАРЬ.

Петр Полукорм — 3 января¹.

Представим себе картину морозного утра глубокой зимы. Рассвет. Белое поле. Пухляц, не тронутый еще ветром снег. Деревенка с избами в сугробах по самую крышу. Жидкий дымок из труб. Где-то мычит корова в хлеву, фыркает лошадь, перекликаются петухи. Слы-

шен мерный звон церковного колокола, сзывающего прихожан на молебен в память святого Петра.

Во дворе крестьянин впрягает лошадь в сани, а в мыслях его не святой Петр, а хозяйственные заботы: надо успеть до метелей перевезти сено с дальнего болота на свой двор. То, что хранилось на сеновале, скормлено. Как раз половина запасов вышла, а до Егорьевой травки-то — о-ох как далеко.

«Избы не крыты, да звон хорощ», — с горечью раздумывает крестьянин, прислушиваясь к ударам колокола.

Поп не устал, к заутрене встав: ему она праздник, а мужику — будни.

Мужик — проказник, работает и в праздник.

Для попа Петр святой, а для мужика он Полукорм: поглядывай на сеновал, да подумывай, как дотянуть до нового корма...

Вот так в устном календаре этот день когда-то и стал Петром Полукормом. Не говорили 3 января, а говорили: на Петра Полукорма морозно было. Святость Петра, как видим, из календаря исчезла.

Рождество — 7. С ним связывается языческий ритуальный праздник Коляда, осколки которого сохранились в колядках-песнях, которые поются детьми и взрослыми при обходе дворов с поздравлением. Ходил и я с мальчишками в своей деревне колядовать и петь «Ой, доль-овсень...», прославляя хозяина и хозяйку и желая им добра и урожая, за что получали гостинцы. В памяти моей долго сохранялось не 7 января, а колядки и Рождество. Другое название этого дня — Бабы Каши.

Анисья Желудочница — 12. В этот день готовили свиную требуху с кашей и мясом. В нашей семье мама была искusstница печь хлебы, варить каши. Хорошо помню приготовленную ею в русской печи, на духу, на противне вкусную требуху...

Василий Свнятник — 14. Другое названия дня: Васильев день, Авсень, Таусень, Новый год (по старому стилю). Накануне вечером, который назывался Васильевым, было принято готовить блюдо из свиныны.

Крещение — 19.

Емельян Зимний — 21.

Григорий Никийский — 23.

Петр Полукорм — 29. Так назывался этот день в южных районах. Это пример того, что в народном календаре прозвища дням давались не отвлеченно, а конкретно, с учетом местных особенностей и погоды и быта.

¹ Далее название месяца не указывается.

Афанасий Ломонос — 31. Другое прозвище: Береги Нос. По этому дню дано название морозам — афанасьевские.

ФЕВРАЛЬ.

Ефимий Зимний — 2.

Тимофей Полузимник — 4.

Аксинья Полузимница — 6. Другое прозвище: Полузимка, Полулебница. Документальная форма имени Ксения.

Ефрем — 10.

Трифон — 14.

Сретенье — 15. Народ переосмыслил это слово. Под Сретеньем он понимает встречу зимы с весной, зимы с летом.

Анна Сретенская — 16.

Агафья Коровятница — 18. Другое прозвище: Голодуха (голодуха). Случается, к этому сроку выходят все запасы кормов, и тогда по крестьянским дворам коровья смерть ходит, мор.

Власьев день — 24. Сибирский народный праздник. Другое название: Власий Спиби Рог с Зимы.

МАРТ.

Иванов день — 9. Другое название: Обретенье.

Василий Капельник — 13. В Архангельской и других северных губерниях России Василием Капельником называлось 20 число. Другое прозвище: Каплюжник, Капитель, Капельки.

Евдокия Плющиха — 14. Название дано от состояния снега весной: подтаивая, он сплющивается. Другие названия: Овдогья Плющиха, Авдотья Весновка, Дунька Свистунья, Евдокия Свистуха, Евдокия Подмочи Порог, Авдотья Каплюжница. Один из самых популярных рубежей для примет погоды.

Герасим Грачевник — 17.

Сороки — 22. Древнейший народный праздник встречи весны. Другое название: Сорок Сороков.

Алексей Теплый — 30. Другие прозвища: С Гор Вода, С Гор Потоки, Пролей Кувшин.

АПРЕЛЬ.

Дарья Пролубница — 1. Другие прозвища: Грязные Проруби, Оклады Проруби.

Василий Теплый — 4.

Благовещение — 7.

Матрена Настовица — 9. Другое прозвище: Полурепница. Название связано с посевом первой очереди

семян репы. Документальная форма: Матрона.

Марья Пролубница — 14. Другое прозвище: Зажги Снега, Заиграй Овражки, Пустые Щи. Документальная форма: Мария. К этому сроку кончаются запасы квашеной капусты, и люди шутили: «Пришли на Марью пустые щи», «Захотел ты в апреле кислых шей».

Федул Теплый — 18. Документальная форма: Феодул.

Родион Ледолом — 21.

Антип Половод — 24. Другое прозвище: Водопол, Водополье.

Василий Парийский — 25. Другое прозвище: Выверни Оглобли.

Мартын Лисогон — 27. Документальная форма: Мартин.

Арина Урви Берега — 29. Другое прозвище: Разрой Берега, Заиграй Овражки, Рассадница. Документальная форма: Ирина.

Зосим Пчельник — 30. Документальная форма: Зосима.

МАЙ.

Егорий Вешний — 6. Другие названия: Георгий Весенний, Юрий Теплый, Юрьев день. В Древней Руси Егорий и Юрий были формами имени Георгий. Другие прозвища: Скотопас, Ленивая Соха, Храбрый. Важный земледельческий рубеж.

Степан Ранопашец — 9.

Еремей Запрягальник — 14. Другое название: Ермай Ярёмник.

Борисов день — 15. Другие названия: Соловьиный день, Борис и Глеб.

Мавра Зеленые Щи — 16. Другое прозвище: Молочница, Рассадница.

Арина Рассадница — 18.

Иов Горошник — 19. Другое прозвище: Росеник, Огуречник.

Иван Долгий — 21.

Никола Вешний — 22. Другое название: Николин день. Другое прозвище: Травной. Никола — старинное имя, современное — Николай. Очень важный земледельческий рубеж.

Мокий Мокрый — 24. Современная форма имени: Мокей.

Лукерья Комарница — 26. Документальная форма: Гликерия.

Сидор Огуречник — 27. Документальная форма: Исидор.

Пахомий Бокотрей — 28. Другое прозвище: Теплый. Документальная форма: Пахом.

ИЮНЬ.

Фалалей Огуречник — 2.

Олёна Ранние Росы — 3. Другое прозвище: Поздние Овсы, Лёносейка. Документальная форма: Елена. Этот же день называется так: Константин и Олёна.

Леонтий Огуречник — 5. Документальная форма: Леон.

Федосья Колосьяница — 11. Другое прозвище: Колосава. Документальная форма: Феодосия.

Ермий Распрягальник — 13. Другое прозвище: Покнизь Сетево. Другое название: Еремей Распрягальник.

Федор Летний — 21.

Кирилл Конец Весны Начало Лету — 22.

Петров день — 25. Другие названия: Петр Солнцеворот, Петр Афонский. Другое прозвище: Капустник, Рыболов, Поворот.

Акулина Быза — 26. Другое прозвище: Задери Хвосты, Гречишница, Черные Грачи. Документальная форма: Акилина.

ИЮЛЬ.

Мефодий Перепелятник — 3.

Аграфена Купальница — 6. Другое прозвище: Купала. Документальная форма: Агриппина.

Иван Купала — 7. Другое прозвище: Купальник, Травник, Колодовник. Другое название: Иванов день.

Самсон Сеногной — 10.

Петров день — 12. Другие названия: Петровки, Петр и Павел.

Андрей Налива — 17.

Афанасий Афонский — 18.

Прокопьев день — 21. Другие названия: Прокоп Жнец, Прокопий Жатвенник. Документальная форма: Прокопий.

Прокл Великие Росы — 25.

Кирик и Улита — 26. В других местностях — 28. Документальная форма: Иулитта.

АВГУСТ.

Ильин день — 2.

Марья Сильные Росы — 4.

Борис и Глеб — 6.

Анна Теплая — 7. Другое прозвище: Летняя.

Никола Кочанский — 9.

Авдотья Малиновка — 14. Другие названия: Евдокия Огуречница, Медовый Спас, Первый Спас, Калиник. Другое прозвище: Малинуха.

Сеногной — 17. Другое назва-

ния: Авдотья Малиновка, Евдокия Огуречница, Семь Отроков.

Преображение — 19. Другие названия: Второй Калинин, Яблочный Спас, Второй Спас.

Успенье — 28. Другие названия: Аспосов день, Оспожинки, Воспожинки, Госпожинки, Спложка.

Третий Спас — 29. Другие названия: Третий Калинин, Аспосов день, Оспожки, Воспожинки, Госпожинки, Спложка, Аспожка. Еще один пример того, что народ давал названия дням года не по святцам, а по характеру своей трудовой деятельности: «Спложка», «Воспожинки» происходят от слова помощь, вспомогание, означающего помощь друг другу при уборке урожая. Калинин — это августовские зарницы, а также зори вообще.

СЕНТЯБРЬ.

Агафон Огуменник — 4.

Наталья Овсяница — 8. Документальная форма: Наталия.

Анна Скирдница — 10. Другое название: Моисей Муриш.

Иван Постный — 11.

Семенов день — 14. Другие названия: Семен Летопроедец, Марфино Лето.

Луков день — 21. Другие названия: Пасиков день, Аспосов день, Аспожка. Луков, Пасиков происходят от слов лук и пасека: время сбора лука и работы на пасеке.

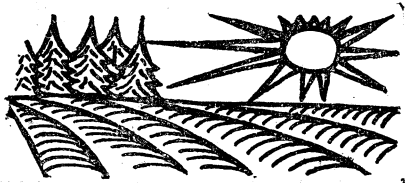
Федора Осенняя — 24. Документальная форма — Феодора.

Воздвижение — 27. Народные названия: Вздвигенье, Сдвигенье. От слова двигаться, сдвинуться. «Воз с поля сдвинулся», — говорят об этом дне.

Никита Гусепролет — 28. Другие прозвища: Гусятник, Гусарь, Репорез.

ОКТАБРЬ.

Фекла Заревница — 7. Есть два толкования слова «заревница»: от «зарев», пожара, который случается при молотье в овинах, а также от «заря» — по обычаю с зарею начинать в этот день обмолоты хлебов в овинах.

Сергей Капустник — 8.

Савватий Пчеловик — 11. Другое прозвище: Пчеловод.

Покров — 14.

Парасковья Грязниха — 27. Другие прозвища: Грязнуха, Порошиха, Льянница, Льянуха. Документальная форма: Прасковья.

Ефимий Осенний — 28.

НОЯБРЬ.

Казанская — 4.

Дмитриев день — 8. Другое название: Родительский день. По обычаю в этот день поминают умерших предков.

Парасковья Льянница — 10. Другое прозвище: Временная. Другие названия: Параскева Пятница (если день пришелся на пятницу), Неонила и Параскева.

Аврам Овчар — 11. Другое название — Анастасия Овечица.

Юровая — 12. Народный праздник рыбаков и охотников.

Андрей Осенний — 13.

Кузьма и Демьян Курятники — 14. Другое название: Курьи Именины.

Михайлов день — 21.

Матрена Зимняя — 22. Документальная форма: Матрона. Другое название: Мартинов день. Документальная форма: Мартин.

Федор Студит — 24. Студит — от Студийского монастыря. В это слово народ вложил свой смысл — студит, морозит.

ДЕКАБРЬ.

Введение — 4.

Катерина Санница — 7. Документальная форма: Екатерина.

Юрьев день — 9. Другое название: Егорий Осенний. Другие прозвища: Холодный, Морозный.

Андрей Первозванный — 13.

Варвара Зимняя — 17.

Савва Зимний — 18.

Никола Зимний — 19.

Анна Зимняя — 22.

Спиридон Поворот — 25. Другие прозвища: Поворотник, Солнцеворот, Солнцеворот.

Это сокращенный вариант общерусского народного календаря. Были еще и местные календари — у сибиряков, забайкальцев, поморов...

Какова пашня, таково и брашно¹

Широкое поле, что справа от Сибирского тракта, стелилось под уклон к юго-западу и отливало на солнце красноватою охрой глинистых почв. Теплый ветерок взбегал на пригорок и сушил еще влажную после апрельских снегов почву. Березовые рощи по краю поля наполнялись зеленоватою дымкой раскрывающейся листвы. Сквозь прошлогоднюю бурю ветошь пробивались из земли топкле, нежно-зеленые стебельки пырея. Цвета медуница, сочась густою синью лепестков. Раскрыл пушистые бутоны и простерл желтеющий, сон-трава, уральский подснежник. Над полем токовал лесной конек. С переливчатой, звонкой песней набирал он высоту, трепеща крыльями, а потом, распластав их, бросался вниз и скользил по наклонной к земле с тревожными, замيراющими выкриками: «тиу-тиу...»

Два ярко-оранжевых трактора, зайдя с разных концов поля, торопливо бежали навстречу один другому, и тянулись за ними темно-бурые полосы свежей пахоты.

По краю поля неторопливо шагала довольно высокая, плотно сложенная, круглолицая девушка в красной, выгоревшей на солнце болоньевой куртке и в брюках. Косынка уголком прикрывала ее смуглое лицо от солнца. В левой руке она держала букетик синих медуниц.

Прожежит мимо нее трактор с плугом — девушка опустится к борозде и коснется ладонью почвы, возьмет глинистый ком и разминает его пальцами. «Не дедовским ли способом определяет она готовность почвы?» — подумал я.

Спрашиваю ее. И верно ведь, так и есть. Она агроном-полевод совхоза «Исток». Раздумывает, как быть: не прервать ли вспашку? Почва еще сыrovата: ком не рассыпается, земля к плугу липнет. Рассказывает, яровые еще не сеяли: снег поздно сошел — земля не прогрелась. А здесь пахут и вносят удобрения под картофель, запаздывают: обычно числа 12-го уже высаживали...

Слушал я девушку и думал: она ученый агроном, окончила Свердловский сельскохозяйственный институт, в ее совхозной лаборатории есть приборы для определения температуры и влажности почвы, так зачем же она проверяет тепла ли, суха ли почва еще и ладонью, по старинке? От кого переняла она,

¹ Брашно — пища, хлеб.

образованный специалист, этот древний прием неграмотного крестьянина? А может быть, извечен он? И не обойтись без него и ныне? Заменит ли мертвый прибор живое прикосновение хлебороба к земле, живое ощущение ее тепла, ее дыхания? Вряд ли. Потому-то, видно, и не забывается древний опыт земледельца.

О том опыте, о заповедях хлебороба ниже речь...

Уродится — не уродится, а пашни

А теперь из совхоза «Исток» перенесемся в далекое прошлое и посмотрим, что делается в той самой засыпанной снегом деревеньке, в которой на Петра Полукурма крестьянин перевозил сено с дальнего болота к себе на двор.

Минул уже Петр Полукурм и Аксиныя Полузимница. В Агафью Голендуху коровья смерть не заглянула на крестьянский двор: в ту зиму хватило и корму, и хлеба. Всея деревней дружно проводили развеселую Маслену. Отшумел Антип Водопоп, сбежали ручки с пригорков. И прееет сейчас земля под горячим апрельским солнцем, тепла набирает. А наш хозяин, закинув сани на поветь и снарядив телегу, стучит во дворе топориком — соху да борону исправляет, готовится к весновспашке. Пахотой и начинается его земледельческий год.

В те годы крестьяне пахали еще деревянной сохой. Древний славянин выделывал соху из сухой лесины с загнутым на конце крюком. От слов сохнуть, сухое дерево родилось слово соха.

Острые крюка — сошник, или рало, — ковыряет и бороздит почву. Отсюда — борозда, а от рало — орало, соха, и орать — пахать.

Только пахарь и знает, как тверда земля, как нелегко подымать повиную, залежь, целину. Плечами натужно давит лошадка в хомут, тянет за оглобли соху. Ведет пахарь на поле борозду к борозде, борозду к борозде... Врезается острое рало в землю, режет ее, а шабала отваливает твердые комья вправо, обнажая борозду.

Налегает пахарь руками на рогатины сохи, пальцы уже одеревенели, не разгибаются, грудь сдавило, спина горбом, не распрямляется, рубаха мокра от пота, в глазах черные круги плывут, солнце печет, а работе и конца-краю не видно. И никто за него не делает.

Вот и говорят:

Поле орать — не песни играть.
Уродится — не уродится, а пашни.

Неработанная земля не даст и плода.

Хлеб упашку любит.
Какова пашня, таково и брашно.
Орать пашню — копить квашню.
Землю ори — доорнешься до хлеба.

Полюбишь соху — будешь с хлебом.

Кладу не пшци, а землю пашни и найдешь.

Поживешь счастливо, только пашни не лениво.

А кто ленив с сохой, тому и весь год плохой.

С малых лет крестьянскому сыну внушалось: крепись да за соху держись. И впитывал он в себя законы полевых работ:

Пахать, так не дремать.

Пахать, так уж в дуду не играть: придет пора — не уйдет и дуда.

Когда орать, так не играть.

Выбирай одно из двух: либо пахать — либо играть.

Пашню пашут, так руками не машут.

Пашешь — плачешь, жнешь — скачешь: радуешься урожаю.

Как ни устал наш пахарь, а приглядывает: ровна ли, глубока ли борозда. В конце загона выдернет соху из почвы, ударит о землю, стряхнет налипшие комья, развернет коня и соху, вонзит сошник, и — потянулась новая борозда. Пахота требует не только усилия, но и сноровки, умения.

Рысью не вспашешь и вскачь не напашешься. Торопиться не след. Борозду надо вести ровно, прямо. Землю упашивать гораздо, не мелко.

Глубже пахать, больше хлеба жевать.

В пашне огрехи — на кафтане прорехи.

Кто с огрехами пахает, тот и хлеб недоедает...

Устройство сохи не оставалось неизменным. Сначала на смену деревянному сошнику пришло железное рало, потом к сохе приделали отвал — шабалу, или палицу, а потом на смену сохе явился железный плуг. Крестьянину плуг десять лет веку прибавил: облегчил труд, улучшил качество вспашки.

Мягкий, зернистый чернозем пахать гораздо легче, нежели глинистые почвы. И урожай с чернозема выше. Крестьянин знает:

Какова земля, таков и хлеб.
Добрая земля — полная мошна,
худая земля — пустая мошна.

Добрая земля больше подымает.
Если из года в год сеять на од-

ном и том же поле одно и то же растение, почва истощится, потеряет плодородную силу. Хлеб на хлеб сеять — не молотить, не веять.

И земледelec давал полю отдых. Он делил пахотные угодья на три части, клына, поля: озимое поле, яровое поле и пар. Так и чередовал их каждый год: озимые хлеба сеял по пару, яровые по озимым, пар оставлял после ярового хлеба. Земля не заседалась, отдыхала год, восстанавливала силы. Пары толочили, потому они именовались еще и толокой. В конце лета и весной следующего года на парах пасли скот. Стада топтали, толочили ниву и, оставляя навоз, удобряли почву. Сметливые хозяева, чтобы привлечь на свою полосу поболье скота, посыпали ее солью-лизуном.

Крестьянин ценил навоз как удобрение.

Воевода любит принос, лошадь — овес, а земля навоз.

Добрая земля наэём раз путем примет, да девять лет помнит.

Назем спорит урожаю.

Навоз и у бога крадет.

Навоз и бога обманет.

Навоз отвезем, так и хлеба привезем.

Клади навоз густо — в амбаре не будет пусто.

Лишняя навоза кулижка, лишняя хлеба коврижка.

С крестьянских дворов, из хлева, вывозили навоз на поля. Время вывоза и сама работа назывались навозницей, межипарьем, — потому как приходилось оно между весенними полевыми работами и страдой. Называли также эту работу толокой. В каждой местности были свои сроки навозницы, где с Петра Капустника-Солнцеворота, где с Тихона (29 июня), а где — накануне Троицы, а то и ранее.

Для вывоза навоза в поле хозяин устраивал помочи, созывал на помощь соседей, родственников. Мужчины загружали и разгружали телеги, рассыпали навоз по пару, а мальчишки правили лошаадьми. Вечером хозяин и хозяйка устраивали угощенье.

Вывезут навоз — пары пашут, поднимают, а потом двоят и троят, перепашивают на второй ряд, вторично, и на третий, чтобы лучше взрыхлить почву, уничтожить сорняки.

Озимь не ярь, парь да парь, двон, трон — соберешь труды свои. Скорее по традиции, по привычке, чем по вере или религиозности говорили так: если пар под озимь не стронть, святая Троица отойдет от поля.

Чем раньше поднять пары, тем лучше будет урожай: ранний пар родит пшеничку, а поздний — метличку (сорную траву).

Пар парь летом, а под зиму заглядывай: пашни под озимь глубже, уродится хлеб лучше. Безнавозную,

малоудобренную землю парят наперед. Подымали пары с мая, в июне — июле — двоили и троили.

Под яровые начинали вспашку ранней весной, но лучшей признавали осеннюю вспашку, которую называли зяблевой вспашкой или просто зябью. Говорили: тот землю уходит, кто за серпом соху водит, — пашет под яровые сразу после жатвы.

До Успенья вспахать — лишнюю копну нажать. В Семенов день до обеда паши, а после обеда пахаря вальком по заднице: не запаздывай!

Весной — повторная вспашка зяби, предпосевная.

У весновспашки для каждого края, каждого села, для каждой культуры есть свои сроки и правила. О них мы еще расскажем. Но есть и общие, повсеместные сроки и правила. Пора пахать, когда гром гремит, лес в листву одевается, когда жаворонок запел, когда водяные лягушки начинают квакать.

Не рано ль пахать узнавали и так: вспашут пласт, сожмут землю в ком. Ком не рассыпается — пахать рано: почва сырая. Рассыпается — время пахать. Еще один способ. Садятся на вспаханную землю и замечают: чувствуется холод — пахать рано, теплая земля — паши!

Как день по продолжительности перевалил за 14 часов, так и пошла соха в поле гулять. В иной деревне глянут в овраг: пятно снега на дне осталось с корову — можно пахать. А еще говорили: на Родиона Ледолома уставь соху, на Василия Парийского выезжай на папшню.

С весновспашкой пельзя опаздывать: упустишь благоприятное время сева. Стремись закончить ее в короткие сроки. Работали споро, без промедления: вешняя пора — поел да со двора. За вешней папшкой шапка с головы — не подниму: торопись...

Вспахали землю — боронят бороной, разбивают комья, выравнивают почву. Я застал еще и деревянную соху и бороны с деревянными зубьями. Правда, сохой в нашей Семеновке уже не пользовались, и валялась она никому не нужная под сараем у деда Путинцева во дворе. Ну, а как боронили деревянной бороной, помню. Один лошадей правит — кто-нибудь из моих сверстников-мальчишек. Другой на бороны вспрыгнет босыми ногами, к земле ее придавливает. Скачет борона по комьям — скачет на ее решетке мальчишка. Держись, не упади! Смеется, на лошадей покрикивает. Ветер вихри развевает, рубаху парусом надувает, солнце печет, пыль из-под бороны шлейфом по ветру тнётся. Резво шагает Пегашка, головой кивает, пофыркивает, косит глазом на погоняльщика.

Боронят в сухую погоду: за бороною пыль — будет блин. Боронить

надо умело. Кто мелко заборонит, у того и рожь мелка. Озимому зернышку потеплей колыбельку готовь.

Глубже семя схоронится — лучше уродится. Каждому зерну своя лунка, каждому семени своя борозда.

К Ильину дню заборонивают пары. До Ильи хоть одним зубом да подери.

Не посеял — не пожнешь

Забороновал наш хлебопашец почву — теперь надо сетевое подымать, поле зерном засевать. Говорили в старину, будто русский мужик на авось и хлеб сеет. Да ведь его авось не с дуба сорвалось, оно рассудительное.

Вот и наш опытный хлебопашец все предусмотрел, прикинул, что к чему. Подготовку к севу начал он с отбора семян, памятуя, что по семени и плод.

Каково семя, таков и плод. От худого семени не жди доброго племени.

Что посеяно, то и взойдет. Решьм сеешься — не жито взойдет.

Случалось в его деревеньке и такое: сеяли рожь, а косят лебеду. Посеяли рожь, а вырос клопец да звонец — сорняки. Чего на землю не падет, того земля не подымет, не взрастит.

Строго блюли крестьянскую заповедь: голодай, а добрым семенем засевай. С осени, с обмолота засыпали в закрома отдельно семени и отдельно емени — семенное зерно для посева и пищевое зерно на помол, на еду, на корм.

Отбери чело (очелье) на семена. Кружные, тяжелые зерна, которые при вейке на ветру ложатся ближе к ногам вейщика, назывались челом или очельем. Мелкие, относимые ветром подале, — охвостьем или хвостьем, ухоботьем.

Ценилось привозное зерно — из другой местности. От привозных семян лучший урод. Для прогрева и просушки зерно выносили перед посевом на семь утренних зорь. А от головни, заразного грибка, поражающего зерно в растущем колосе, семени промывали слабым раствором извести, смешанной с древесной (печной) золою. Бытовало поверье: семенные зерна нельзя ни есть, ни жевать, а то черви заведутся. Перед посевом в зерно прятали куриное яйцо, пересыпали куриным пометом и приговаривали: «Уродись хлеб на всякую долю, и человеку и птице». Закрым не выметали веником, а вытирали тряпкой.

Наш хлебороб знает: с севом пельзя затгивать.

Сей хлеб, не спи: день упустишь — годом не наверстаешь.

Не пиры пировать, как хлеб засевать.

Сеют — плачут, а молотят — скачут, радуются.

Надо соблюдать и норму высева. Пересев хуже недосева. Редкий сев частому в сухес не ходит. Вреден и недосев. Посеешь с лукошко, так и вырастет немножко.

Где хлеб, там и мера: ржи надо десять мер¹ на десятинку, а маку — всего-то мужичью шапку.

А еще наш сеятель знал: не земля хлеб родит, а небо. Не земля родит, а год, погода. И при случае говаривал:

Сей, посевай да на небо взирай.

Сей под погоду, будешь есть хлеб год от году.

Для сева унравливают погоду.

Посеешь в пору — соберешь зерна с гору.

Без дождя не сей. Сей в ненастье, а убирай в ведро.

Строго придерживался он и сроков сева: каждое семя знает свое время.

До поры до времени не сеют семени: обожди часок да посеи в срок.

Кто рано сеет — семян не теряет. Рано посеешь — рано пожнешь.

Ранний сев к позднему в амбар не ходит...

На Руси повсеместно различали три срока сева: ранний, средний и поздний. Ранний сев яровых начинали с Егория Вешнего, средний — от Николы, поздний тянулся от Ивана до Тихона (с 7 до 29 июня). Но говорили и так: кто посеет после Фита (28 июня), тот прост бывает жита. Хлеб не вырастет.

Ранний сев озимых начинался за три дня до Успенья, поздний через три дня после Успенья и тянулся до Семенова дня, средний — в Успенье.

В Ершовке, Балаках и других селах Прикамья придерживались такого порядка: Первый Спас — первый сев, Второй — посреди, а в Третий — последний.

Бытовало правило: на Еремея Запрягальника подыми сетевое, на Ермия Распрягальника покинь сетевое — севалку с плеч.

Борис и Глеб сеют хлеб, Елена и Константин заканчивают сев.

Егорий начинает, а Никола сетевое вышибает.

Яровому севу две недели: сей неделю после Егория да другую после Еремея.

...Стояла тихая, теплая погода конца апреля. Этакая благодать пришла на землю после вьюг и метелей

¹ Мера — единица объема; железный бак в два ведра. В мере два пуда пшеницы, 1,5 пуда ржи, один пуд овса.

февраля, насквозь пронизывающих сырых ветров марта, холодных утренников начала апреля. Все нежилось в томной дремоте — и природа, и люди. Не резок, спокоен свет солнца, плавны цветковые переливы полей, краски не густы, не яркие, легки и прозрачны, словно акварелью пропитаны. Исчерна-пыловая пашня сливалась на горизонте с голубоватой зеленью озимых и мутной синевою небосклона. Пахло парною землею. Над выгоном жаворонок звенел. На пашне грачи гуляли, взлетали, садились, кричали громко, потом несли что-то к гнездам в березах и ветлах.

За дорогой, что идет перед самым избами Семеновки, на сухом бугорке возле звонницы, устроенной на двух столбах с помостом, мальчишки в чижики играли. Очертили кон. Один бьет палкой по острокопечному, коротенькому чурбачку-чижику. Летит он в поле. А другие мальчишки ловят его там на лету. Не поймали — из поля в кон кидают. Попали — кто бил, идет в поле, кто попал, на его место становится...

На завалине избы против звонницы сидели рядком семеновские старики: чернобородый Вихрь, рыжий Путинцев да сивый Калистрат Кузовкин. Деду Калистрату уже за восьмой десяток, а он — палку в руку — и пошел по деревне, не догонишь. Жмурились под солнцем, пятерней бороды скребли, старые кости грели. Но не только для этого сошлись они тут. Думу они думали: об урожае, о севе загадывали. Говорили неторопко.

— Сдается мне, старики, — заключил беседу Калистрат, — ныне овес наперед пшеницы сеять надо, — а сам ноздрями воздух вобрал, будто конь, будто нюхом чует он, что и как.

С Калистратом согласились. Почему? Характер погоды наступившей весны, трудовой опыт, чутье, понимание самой природы злака давали мозгу обильную пищу для работы. Все это переваривалось в подсознании, перемешивалось, притиралось, примерялось и передавалось в сознание уже готовым суждением, мыслью: «наперед сеять овес...» Ни Калистрат, ни его собеседники не объяснили б, как оно родилось. В лучшем случае сослались бы на предков: они-де при такой погоде так сеяли...

Сроки сева определяли по инеям, по развитию растений, по прогреву почвы.

Клади обе ладони на вспаханную борозду: тепла земля — опасности для семян нет, можно сеять. Земля согрелась — сей яровое.

Ясное утро на Юрия (Егория) — ранний сев, ясный вечер — поздний сев.

Раннее яровое сей, когда вода сохнет, позднее, когда цвет калины в кругу будет.

Лист на дереве полон, так и сеять полно.

Если верба распустилась сначала на макушке — пораньше сеять надо, а если на макушке не распустилась — лучше будет второй сев.

Выходили на сев и с первой майской росы.

Если журавль садится на гнездо на низких местах, то можно сеять хлеб на мокрых местах. Если журавль садится на высокие места, то хлеб на низких местах сеять нельзя — запрещает.

Первый день сева — праздник. Накануне ходили в баню. Утром надевали новую или лучшую рубаху. В поле выезжали всем селом.

Вступив на свою полосу, сеяльщик низко кланялся и бросал на каждую сторону, кроме северной, по горсти жита и после этого начинал уже засеивать загон. В других местах сеяльщики клали три поклона на восток.

Сеяли вручную. Лукошко с зерном — севалка, сетево — у левого бедра на ремне через правое плечо. Зерно берется горстью, в кулак, и широким движением рассыпается веером на пашню. Высеивали в одну горсть или в две горсти. При одной горсти сеяльщик идет посреди загона — полосы пашни по всей длине поля — и замахом руки бросает севок, горсть зерна, сначала вправо, потом влево, обсыпая всю ширину загона. При двух горстях он проходит по загону дважды, с краев, и бросает севки только в одну сторону, вправо, обсыпая половину загона, а при обратном движении — другую половину.

Сильный ветер мешал посеву, относит семена в сторону. Сладкие, тихие, ветры благоприятствуют посеву, предвещают хороший урожай. Поэтому и уравнивают сев к погоде.

Вот уже посеяли пшеницу, овес, ячмень, потом лен, коноплю, последней сеют гречиху. А там еще родина: овощи, картошка. О каждой культуре у нас особый рассказ припасен. А сейчас наш сеятель из деревеньки с надеждой и затаенной тревогой оглядывает поле: что-то уродит оно, какими будут всходы? То не беда, что во ржи появится лебеда, а тогда две беды, когда ни ржи, ни лебеды. По ветрам, по облакам, по растениям и животным примечает он виды на урожай. О них сейчас и речь.

Далеко ли до хлеба?

Истинную цену хлеба знает лишь тот, кто его возделывает. Обильно удобрена нива потом земледельца. Воздаст ли она ему сторицей за его труды, за любовь его к земле?

Мать-земля, земля-кормилица, величает он землю, на которой трудится. Рыбам — море, птицам — небо, а человеку — земля. Вся жизнь хлебороба — нескончаемый труд на земле. Потому он трудами, работами и исчисляет время, год: वर्षная — пахота и сев, сенокос, жнитва, обмолот. Годы именуется жатвами, а еще — летами, и в памяти отличается один от другого жнитвами и зимами: жнитва припасает, зима поедает. И по тому, выдались они благополучными или неблагополучными — тяжелыми, трудными, оценивает и весь год. Лето же — как время года, сезон — называется страдою, страдной порою и жнитвой. Одна пора крестьянская — страда! Утомительна, да радостна, коль урожайна, хлебна.

Хлеб! Он — жизнь. Хлеб — батюшко. Хлеб всему голова.

«Далеко ли до хлеба?!» — приветствовали на Руси встречного подобно современному: «Как живы-здоровы? Здравствуете!» В том приветствии-вопросе слышалось и желание хорошего урожая, и осведомление: каким он предвидится, как зреют хлеба, далеко ль до новины?

О будущем урожае крестьянин задумывался уже на вершине зимы, с Нового года, с Петра Полукорма, с Рождества и Крещенья. Прежде всего присматривался к снегам.

Зимний снег — это осенний хлеб. Снег на землю — тот же навоз. Мокрый снег на озимь — тот же наез.

Зима без снега — лето без хлеба. Снегу надует — хлеба прибудет. Снегу много — хлеба много.

Снег глубок — год хорош. Жесткие морозы и глубокие снега — к урожайному году.

В новый год сильный мороз и малый снежок — к урожаю хлебов; тепло и без снега — к неурожаю.

На Рождество и Крещенье туманно и пасмурно, снег пойдет, день теплый — хлеб будет темный, густой.

На Крещенье в полдень синие облака — к урожаю.

Когда снег приваливает вплотную к заборам, плетням — лето будет плохое, а когда есть промезуток и у забоев (сугробов) гребни закруглены — к урожайному лету.

Заяц сгребает снег не с дороги, а на дороге, на полях снег волнами, зимние дороги верховые — наметены буранами выше окружающей равни-

ны, а в деревнях снежные пласты свешиваются с крыш — к урожаям.

На Сретенье снег идет утром — к урожаю ранних хлебов, в полдень — средних, а если к вечеру — поздних.

Частые куржаки на деревьях, узоры на окнах, похожие на ржаные колосья, вниз завитками, а не торчмя — тоже к урожаям.

Сухая, ясная погода в январе и феврале — к хорошей погоде в июле — августе и к хлебородию.

Холодная зима благодать.

Если земля не промерзнет, так и соку не даст. Глубоко промерзает земля, а из проруби на реке вода польется, лед на переборах (перекатах) реки встанет горами, грудками, застынет шероховато, в феврале длинные и толстые сосульки с крыш — будет плодородным лето.

Весною на реках лед тонет вследствие маловодья, не уходит, остается глыбами на берегу, а на полях при таянии снегов зимняя дорога остается горбом — на тяжелый год и неурожайное лето.

Весенняя вода течет медленно — народу будет тяжело.

Когда на сходе снега на почву ложится ланской тенетник (паутина), овражки заиграют, а потом замерзнут, лягушки заквашают да от вернувшихся холодов замолкнут, будет помеха урожаю, а когда весна красными днями снег сгоняет — родится хороший хлеб.

Ближе к лету — точнее крестьянский прогноз. Урожайный год по весне узнают. Хороший год по весне видно.

На мартовского Василия Капельника с потолка каплет, на Евдокию Плющиху снег валит, а на апрельского Василия Теплого солнце в красных кругах — к плодородию.

В ночь на Благовещенье хозяйки вывешивали на дворе за ветром волглую холстинку или мокрое полотенце. К утру высохнет — урожайный год, наполовину высохнет — средний урожай, останется мокрым или замерзнет — будет мокрое лето и ранние инеи в конце лета, опасные для хлебов.

На Благовещенье ветер, иней, туман — к урожайному году.

Если на Юрия березовый лист в полушку, то к Успенью клади хлеб в кадушку.

Если на Якова (13 мая) вечером взойдут звезды и подует с юга теплый ветер, лето будет теплым с избыточным плодородием.

Велика милость мужику, колп на Николин день поле польет дождичек.

До Петровок дождь — урожай нехудой, два дождя — хороший, три дождя — богатый.

На Афанасия Афонского месяц играет к урожаю.

На Ильин день холодный северо-восточный ветер — худой налив хлеба будет.

Если Петр с колоском, то Илья будет с колобком.

Март сухой да мокрый, май — будет каша и каравай.

Май холодный — год хлебородный.

Апрель теплый, май холодный — год хлебородный.

Велика страна наша, и то, что хорошо в одном месте, может быть худо в другом. Забайкальцы считают так:

Май теплый — год хороший, дождь в мае — жди урожая.

Ничто не проходит мимо зоркого глаза хлебороба незаметным: ни погода, ни растения, ни животные. Всякое необычное явление для него добрый или недобрый предвестник.

Первый гром, яркий, сильный и гулкий, — к ядреным хлебам.

Если первая весенняя гроза придет с востока — жди хорошего урожая хлебов, с юга — умеренного, с запада и севера — будет недород.

Частые летние зарницы — к урожаю.

Если весной среди подснежников (прострела) больше темных цветков, чем светлых, — к урожаю.

Летом грибовно — осенью хлебобовно.

Рясная малина — урожай на хлеб.

Много желудей на дубу, много орехов на лещине — к плодородию на будущий год.

Рябины много — год худой.

Если лебедь раньше гусей прилетит — год недобрый.

Ранние гуси — к хорошему урожаю.

Журавль прилетит на наст, а кукушка появится до Егория и закукует на голый лес — к неурожаю.

С которой стороны у дятла соберется шишек больше, в той стороне и урожай будет.

Хороший улов рыбы — к урожаю. Другие же считают наоборот: рыба ловится в избытке к голоду. Когда рыбно, то и голодно.

Обильный прилет птиц, много майских жуков, появление мышей числом более обыкновенного предвещает урожайный год.

Появление большого количества зайцев на полях и огородах, тетеревов на хлебных складах осенью предвещает голодный год.

В сухой год зайцев больше.

Крупный комар к доброму году, — заметили в Архангельской губернии.

Ранние инеи в конце лета, пестрая осень, чистое опадание листьев дуба и березы, листья с деревьев ложатся на землю изнанкой — к урожаю будущего года.

Поздний листопад на тяжелый год.

В августе смотрели у полыни корни: если побеги корня толсты, следующий год будет урожайным.

Но вернемся к весне и всходам яровых: дружно ли они поднялись? Знать на всходе, что идет к невзгоде.

Знать по цвету, что идет к мату, к гибели.

Если уж плох год, так и семечкам не рад: чему не год, тому и не пришло.

Год на год не приходится.

Красно поле рожью

Сорок изб моей Семеновки выстроились в один рядок вдоль большака задаями к ложине. На отлогом склоне — фруктовый сад и огороды: капуста, картошка, яблоки, груши, вишни, сливы. На дне — деревенский пруд, у берега — осока, рогоз, камыш. Земляная плотина с новым плетнем для укрепления. За прудом берег ложины крутой и высокий, дальше — поля на плоскогорье, бахчи.

Черноземная лесостепь, Придонье.

На пруд мы бегали купаться. Потом взбирались на крутой склон, грелись на солнце и рвали в траве белую, только чуть-чуть порозовевшую с одного боку клубнику. Выходили и к полям за подсолнухами или горохом.

Широкий вид открывался с высоты плоскогорья. И куда ни глянь — хлеба и хлеба, да еще рожки и подсолнухи. Колышутся на ветру, бегут вдаль темные волны. Горячий воздух струится от земли. Дрожит и покачивается в знойном мареве голубоватый горизонт.

Где-то жаворонок журчит, а внизу, в хлебах и в траве, тонко и нудно звенит хор насекомых: пчел, ос, шмелей, кузнечиков, мух. В пруду лениво поквашивают лягушки, стрекозы-великаны крыльями шуршат над водой. На склоне зеленая ящерка шмыгнула в траву. На краю поля поднялся столбиком суслик, огляделся и свистнул что-то соседу. В хлебах синеет пижорий, васильки, розовеет вьюнок-березка, наполняя воздух нежным ароматом. Вместе с ароматами клевера, белой кашки и самих хлебов сливается он в густой сладковато-горький запах июльских полей.

У каждого из нас в познании

мира всегда отыщется где-то начало. На полях Семеновки научился я отличать усатый ячмень от безусой пшеницы и уж, конечно, золотисто-желтую пшеницу от серо-палевой ржи.

Шли первые годы колхозов. Единоличные межи распахали, и поля разливались теперь по степи широко и привольно. Любил я вглядываться с высоты плоскогорья в дали и угадывать что где посеяно.

Позади стеною стояла густая рожь. Правее нее, за пыльным проселком, — гречиха в белых и розовых брызгах цветков по темно-бурому полю. Прошлое лето тут сеяли корнандр, или кашнец, эфиромасличное растение с таким сильным приторно-отталкивающим запахом, что мы обходили это поле стороной. А еще раньше был тут подсолнух. И поздней осенью носили мы отсюда в деревню вязанками подсолнечные кореньюшки на топку. В степи русские печи топят соломой, шелухой гречихи, подсолнухами и кизьяками — сухими кирпичиками из коровьего навоза, смешанного с рубленой соломой.

А сейчас подсолнух красуется золотыми шляпками по ту сторону Семеновки — за ригами и токами. За подсолнухами — пшеница, темно-желтые с краснинкой проса, в стороне бледные овсы и густо-зеленые конопели. Больше всего полей под рожью. Плановики подсчитали: сорок процентов от всех хлебных и нехлебных культур. Тогда я этого не знал, но знал, как вкусна краюха свежего пышного ржаного хлеба, посыпанная солью или потертая по хрустящей корочке чесноком, да еще с хлебным квасом из погреба или просто с огурцом.

Пекли ржаной хлеб караваями на поду русской печи все хозяйки одним способом, но получался он у каждой по-особому — и вкусом и внешним видом.

Наша мама замешивала тесто с вечера в ведренной глиняной корчаге, положив туда соль и закваску. Часам к четырем ночи квашня поднималась шапкой, и тогда тесто перебивали мешалкой или просто рукою. Пока топились печь, тесто еще раз поднималось. Его вываливали на стол, разрезали ножом на куски, по числу караваев, клали кусок, придав ему форму караваев, на деревянную лопату и толкали в печь, прямо на кирпичный под. Печь прикрывали заслонкой. Чтоб корочка подрумянилась, в уголок печи оставляли горячую золу или на загнетке сжигали пук соломы. Верх караваев обдавало жаром. По цвету корки хозяйка узнавала, готов ли хлеб.

Пекли хлеб примерно раз в неделю, по четыре-пять караваев. Верхнюю корочку обмазывали коровьим маслом для эластичности и

еще желтком для лучшего вида и вкуса.

Ржаной хлеб всему голова, — говорили в старину.

Хлебушко калачу дедушка (ржаной хлеб пшеничному).

Калач приестся, а хлеб никогда. Матушка-рожь кормит всех сплошь, а пшеничка — по выбору.

Сеяли, главным образом, озимую рожь, реже — ярицу, рожь яровую. И год хорош, коль уродится рожь.

Плох овес — наглотаешься слез. Не уродится рожь — по миру пойдешь.

Рожь малотребовательна к почве, более стойка к неблагоприятной погоде. Из закрома в закром ярица поспевае в восемь недель, озимая рожь за десять-двенадцать: две недели зеленится, две недели колосится, две недели отцветает, две недели наливае, две недели подсыхает, две недели хозяйну поклоны бьет, жать себя просит: торопись, говорит, а не то зерно уплывет.

Ржаное поле (пар) надо до Петрова взорать, до Ильина забороновать, до Спаса засеять. Если созревшая рожь убрана к Ильину, кончай посев новой ржи к Фролу, а поспеет рожь позже — кончай к Семену. В Семенов день севалка с плеч. До Фрота не отсеешь, флоры и родятяся (цветочки-сорняки).

А потому: одной руюко жни, другой сей, пораньше да поскорее. Рожь, посеянная на Силу (12 августа), родит сильно.

В Прикамье рожь засеваи до Второго Спаса.

В Смоленской губернии сеяи рожь, когда в лесу рыжии пойдут.

Рожь в сырую землю не сей: обожди часок да посеи в песок (в сухое).

Рожь любит хоть на часок, да в пепелок, говорит: сей меня в золу и в пору.

Как обмочило оглобли при посеиве ржи, так и поезжай домой: нельзя сеять в дождь.

Посеешь рожь в дождь — много будет метлы (сорняков).

Рожь, посеянная при северном ветре, родит крепче и крупнее.

Ярицу сеют при западном ветре и низких облаках, когда появились комары.

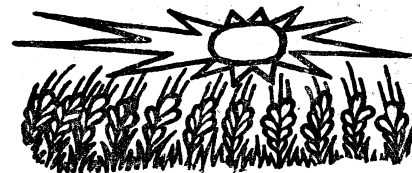
В Забайкалье заметили: если верба ранняя, то ярицу надо сеять пораньше...

Вот и отсыялись. К октябрю поднялись зелени. Радуют они глаз землероба. Но говорят: осенняя озимь в закроме не ходит. Что-то зима скажет!

Осень говорит: я поля урляжу; весна говорит: я еще погляжу.

Осень говорит: я поля в сарафан наряжу; зима: я под холстину уложу, а весна придет — покажет.

Осень говорит: гнило, а весна говорит: мило, лишь бы было.

Осень говорит: озолочу, а весна: как я захочу.

Осень прикажет, а весна придет — свое скажет.

Снег на полях ляжет буграми и гребнями — к урожаю ржи.

В марте снежок задулинами — к урожаю ярицы.

На Благовещенье да на Святую (Пасху) дождь — родится добрая рожь.

Коли в мае дождь, так будет и рожь.

Урожай на черемуку, так и на рожь.

На кедрах много шишек к урожаю ржи.

Большие шишки на осинах, мотыльки низко летают — к урожаю ярицы.

Идет дождь — несет рожь.

Дождь — мужику рожь.

Небо даст дождь, а земля рожь.

Земля озимь кормит, небо дождем поит, солнышко теплом греет, а июнь-батюшка знай растит.

Пошли стебли в колос. С Федосьи Колосьяницы хлеб колосится. Свисают с колоса желтенькие палочки-пыльнички, дунешь — желтое облачко взлетит: рожь цветет, зерно соком наливается.

Красное утро на Устина (14 июня) — красный налив ржи.

Для ярославских, владимирских и тверских хлеборобов ветер с Москвы на Митрофана (17 июня) ускоряет созревание хлебов.

Туляки же боятся московских ветров. Для них они северные, несут дождь, вредный при наливе колоса.

В каждом крае своя мудрость, своя наука растить хлеб. Замечали: макушка ивы без вербы (барашков), скоро созреет хлеб, будет ранним.

С Петрова дня ладили серпы и косы.

Жать хлеб — доля женская. На полоску хлеба выходят дочери, снохи, жена, родительница.

Как черника поспела, так поспела и рожь.

На Прокопа Жнеца начинали зажинки, вязали зажиночный сноп, а в августе уже вязали Илье бороду. На полоске оставляли клок нежатого хлеба, а в овин приносили дожиночный сноп, сноп-именинник.

Случалось, только к Ильину дню рожь поспевала, а к Успенью убирались.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

Шелестит топо

Повесть из цикла „СЛЕДСТВИЕМ УСТАНОВЛЕНО“

Михаил
ЧЕРНЕНКО

Рисунки
Е. Стерлиговой

1. Запонки «Зеа Лорд»

Начальник уголовного розыска Антон Бирюков, как правило, приходил в райотдел за час-полтора до начала работы, чтобы на свежую голову, без суеты, ознакомиться со сводкой ночных происшествий. В дежурной части в это время обычно тишь да гладь: сотрудники пульта охранной сигнализации, шофер оперативной машины и дежурный по райотделу, позевывая, ждут часа, когда кончатся их полномочия.

Однако на этот раз, теплым июльским утром, едва открыв дверь «дежурки», Бирюков догадался, что случилось ЧП. Кроме сотрудников ночной смены, несмотря на ранний час, здесь уже находились следователь прокуратуры Петр Лимакин, флегматичный добряк судебно-медицинский эксперт Борис Медников, старший инспектор ОУР по делам несовершеннолетних, сам похожий на щупленького подростка, Слава Голубев, эксперт-криминалист капитан милиции Семенов и проводник служебно-розыскной собаки высоченный сержант Онищенко. Увидев Бирюкова, Голубев подошел к нему и обычной своей скороговоркой тихо доложил:

— В Заречном промтоварный магазин обчистили. Прокурора ждем, сейчас покатим на происшествие.

Зная, что прокурор обычно выезжает по делам, связанным с убийством, Бирюков нахмурился:

— Труп?..

— Колхозного сторожа, кажется, стукнули.

— Какое отношение он имеет к магазину?

— Пока неясно,— Голубев покосился на дежурного.— С нашим участковым инспектором из Заречного разговаривает, а тот еще толком не разобрался.

Дежурный, закончив разговор, сгоряча бросил телефонную трубку на аппарат и повернулся к Онищенко:

— Тебе с Барсом там делать нечего. Преступники, оказывается, на мотоцикле укатили.

Кинолог, пригнувшись, чтобы не удариться макушкой о притолоку, молча вышел из дежурной комнаты. Почти тотчас в дверях показался прокурор района — пожилой грузный мужчина в форменном пиджаке с петлицами. Поздоровавшись со всеми, посмотрел на Бирюкова:

— Едем, Антон Игнатьевич?..— Заметив, что Слава Голубев тоже намеревается ехать, спросил:— А ты зачем?

— Есть предположение, что подростки кашу заварили,— вместо Голубева ответил дежурный.

Через полчаса желтый милицейский «газик», пропы-

левая роцца...

Михаил Яковлевич Черненко родился в ноябре 1931 года в селе Высокая Грива Тогучинского района Новосибирской области. По специальности — штурман речного флота. Долгое время работал в судходной инспекции Обского бассейна и в Западно-Сибирском речном пароходстве. С 1969 года работает в газете, затем редактором в журнале «Сибирские огни». На протяжении многих лет Михаил Яковлевич избирался заседателем народного суда, тогда и возник у него замысел первых детективных повестей.

М. Черненко — автор книг «Следствием установлено», «Кухтеринские бриллианты», «При загадочных обстоя-

тельствах», «Ставка на проигрыш», «Поручается уголовному розыску», которые издавались в Новосибирске и Москве.

В «Уральском следопыте» в 1979 году опубликована его повесть «При загадочных обстоятельствах».

В этом году писателю исполняется пятьдесят лет. Он много и продуктивно работает. «Шелестит тополевая роцца...» его новое произведение. Документально-детективную повесть «Оперативный розыск» готовит к публикации журнал «Сибирские огни».

Живет М. Черненко в г. Тогучине Новосибирской области.

лив по центральной улице села, широко разбросанного над речным крутояром, остановился у приземистого деревянного магазинчика «Промышленные и хозяйственные товары». Возле крыльца стояли курносый участковый инспектор с погонами младшего лейтенанта милиции, два старика и чернявая молодая женщина, одетая в модное джинсовое платье. Бирюков, первым из оперативников подойдя к участковому, спросил:

— Что произошло?

— Глазаны какие-то в магазин проникли...— участковый показал на выдавленное в оконной раме стекло.— Я вот и понятых пригласил. А это продавец, она же завмаг, Тоня Русакова.

— Где потерпевший?

— Сторож?.. В медпункте. Его кирпичом оглушили.

— Он что, охранял магазин?

Участковый живо повернулся к завмагу:

— Тонь, расскажи.

Заведующая, смущенно покраснев, бойко затараторила:

— Сторожа у нас по штату нет. Магазин охранной сигнализацией оборудован, которая всегда исправно работала, а на прошлой неделе вдруг забарахлила— не включается, и все! Я, конечно, понимаю, что магазин без охраны нельзя оставлять, доложила начальству и попросила своего свекра, чтобы ночью присматривал. Он тут, рядом, колхозный склад охраняет. Три ночи спокойно прошли, а сегодня вот...

— В магазин после случившегося не входили?— спросил прокурор.

— Ой, что вы! Нет, конечно...— заведующая стрельнула взглядом в участкового.— Эдик строго-настрого запретил туда соваться до вашего приезда.

Бревенчатый магазин был тесно забит велосипедами, стиральными машинами и холодильниками. Одну из стен занимали расставленные по полкам эмалированные ведра, тазы, миски и кастрюли всяких размеров. Между ними лежали кучки слесарных и плотницких инструментов. В углу высился ворох резиновых сапог и ватных телогреек. Рядом стояла секция вешалок с верхней одеждой, а у разбитого окна на длинном прилавке пестрели тюки разноцветных тканей. Примыкающая к окну часть прилавка была застеклена. Под стеклом лежали наручные часы, дешевые браслеты, цепочки с простенькими кулонами, всевозможные броши, кольца и перстни с яркими искусственными камешками. На полках за прилавком располагались галантерейные товары и парфюмерия. Все — в образцовом порядке, и с первого взгляда не возникало даже мысли, что в магазине побывали воры.

Бирюков, рассматривая на полу за прилавком осколки оконного стекла, спросил завмага:

— Вчерашнюю выручку не оставляли в магазине?

Заведующая отрицательно крутнула головой.

— Вчера не торговала. Целый день на базе райпо провела, потом, когда привезла товар, выкладку стала делать.

— Что получили?

— В основном, галантерейную мелочь да парфюмерию.

— А из товаров повышенного спроса?..

— Из дефицитов?.. Разве только золоченые лордовские запонки стоимостью по двадцать пять рублей.

— Где они?

Заведующая с разрешения Бирюкова зашла за прилавок и спокойно выдвинула один из ящиков. На ее лице появилось недоумение. Она торопливо принялась двигать ящик за ящиком, но, так и не обнаружив того, что хотела показать, растерянно сказала:

— Нету запонки. Десять девятнадцать комплектов, в общей упаковке. Одну пару на витрину выставила, а остальные сюда, под прилавок... Тут была и бутылка французского коньяка «Камю». У знакомых девчонок на базе выпросила... Мужу на день рождения...

Бирюков посмотрел на витрину прилавка, где среди прочих украшений заметно выделялась раскрытая импортная коробочка с золотистыми запонками. На ее шелковой подкладке под рисунком короны синела английская надпись «Зеа Лорд».

— Коньяка тоже нет?— спросил Бирюков.

— Нету.

— Что еще, на ваш взгляд, исчезло?

Заведующая, сосредоточенно наморщив лоб, долго рассматривала полки. Затем неопределенно пожалала плечами.

— Без ревизии трудно сказать...

В присутствии понятых осмотр продолжался около часа и ничего утешительного для оперативной группы не принес. Случившееся напоминало банальную кражу. Повод к размышлениям давали всего лишь два факта. Их-то и решил выяснить Бирюков.

— Тоня, если бы охранная сигнализация была исправна, мог бы преступник проникнуть в магазин через окно?— спросил он заведующую.

— А почему бы нет?— наивно удивилась завмаг.— Есть такие спецы — любую сигнализацию отключат.

— В вашем магазине никаких признаков отключения мы не обнаружили. Значит, о неисправной сигнализации тому, кто лез, было известно?

— А черт его знает!— вдруг вспыхнула заведующая.

— Давайте рассуждать дальше...— продолжал Бирюков.— Забравшись в магазин, преступник сразу открыл ящик, где находились запонки и бутылка коньяка...

— Может, он случайно на этот ящик попал.

— Может быть. Но слишком уж подозрительна такая случайность.

Заведующая насторожилась:

— Что вы имеете в виду?

— Кражу мог совершить кто-то из ваших знакомых. — Например?..

— Например, тот, кто вчера заходил в магазин, когда вы делали выкладку товаров.

Лицо заведующей густо покраснело.

— Кроме мужа, который помогал мне, в магазине никого не было. Если вы его подозреваете, то как же он своего отца чуть не убил?..

Бирюков встретился с завмагом взглядом:

— Тоня, мне надо знать: кто заходил в магазин, когда вы с мужем делали выкладку товаров? Вчерашний ве-

чер: был душным, дверь магазина наверняка была открыта настежь. Так?...
— Ну так.

— Вспомните: может, кто-то заглядывал...

Наморщив лоб, заведующая принялась вспоминать вчерашних посетителей, которых, как отметил про себя Бирюков, оказалось больше, чем нужно. Перечислив по именам и фамилиям около десятка своих односельчанок, забегавших на минутку в магазин, завмаг припомнила еще троих механизаторов, колхозного зоотехника и бригадира дойного гурта. Все они, судя по возрасту и по мнению завмага, «не вызывали ни малейших подозрений». После этого вспомнила, что пятиклассник Шура Востриков — братишка участкового инспектора Эдика, заглянув в дверь магазина, спрашивал: «Теть Тоня, новых лобзиков для выпиливания не привезли?»

— Еще кто-нибудь из подростков заглядывал?

Заведующая недолго подумала.

— Еще два парня заходили. Нельзя сказать, что подростки, но молодые. Какие-то не нашенские, не из Заречного.

Бирюков заинтересовался:

— Как они выглядят?

— Одному, наверное, лет семнадцать, от силы — во семнадцать... Высокий, симпатичный, в новеньких штатских джинсах.

— В американских, что ли?

— Ну. Я сразу заметила — такие джинсы редко на ком увидишь.

— А другой?

— Другой — среднего роста, годами постарше. Вертячий... Одет неприметно... Белая футболка на нем была с картинкой и надписью «Ну, заяц, погоди!»

— Что им нужно было?

— Тот, который в джинсах, спросил: «У вас сигареты «Мальборо» есть?» Я ответила, что сигаретами в продуктовых торгуют... — Заведующая притихла и вдруг оживилась. — А другой — верно ведь! — коробку с лордовскими запонками увидел на прилавке и стал приценяться, а я убрала коробку и сказала, что торговать сегодня не буду... Потом эти парни сели на мотоцикл и уехали.

— Кто управлял мотоциклом?

— Который в джинсах.

— А мотоцикл какой?

— Какой-то простенький... Синий, без коляски.

— Об охранной сигнализации речи не было?

— Нет, — поспешно ответила завмаг.

Бирюков, посмотрев ей в глаза, сказал:

— Тоня, мне надо знать правду...

Заведующая, потупясь, ответила:

— Откровенно признаться, парень в футболке мне показался подозрительным. Чтобы припугнуть его, я, как бы между прочим, сказала мужу: «Знаешь, Миша, сегодня сторожу новых патронов к ружью привезла». А муж-то не понял, к чему это, и пробурчал: «Ты давай-ка лучше начальство тебеби, чтобы сигнализацию наладили».

— М-м-да, — с досадой обронил Бирюков.

В магазин заглянул Слава Голубев.

— Антон Игнатьевич, Боря Медников сторожа из медпункта привел...

2. В цирке по канату

ХОДЯТ...

Колхозный сторож Назар Гаврилович Русаков оформился на пенсию два года назад, но поскольку здоровьишко еще было, то старик с неизменной своей двухкурковой тулкой продолжал охранять по ночам зернофуражный склад. Село Заречное располагалось в стороне от магистральной шоссеиной дороги, воровством здесь с давних пор не грешили, и поэтому, когда сноха попросила Назара Гавриловича присмотреть за магазином, который был рядом со складом, старик охотно согласился.

В последний вечер, собираясь на дежурство, Русаков почувствовал в правом плече «засевший от войны» осколок. Так у старика бывало каждый раз, когда после устойчивой жары погода настраивалась на дождик. Опасаясь дождя, Назар Гаврилович, не глядя на июль, нахлобучил старую кроличью шапочку, обул резиновые сапоги и прихватил из дому брезентовый плащишко.

Ночь выдалась не по-летнему хмурой. Правда, брызнувший с вечера дождик скоро перестал, но сизоватосерые облака так плотно затянули небо, что не проглядывало ни единой звездочки. Поправляя сползавший с плеча ремень двухкурковки, Назар Гаврилович размеренно прохаживался между магазином и складом. Присев на излюбленный чурбачок у склада, Русаков решил сделать передышку. В ночной тишине послышался трескоток приближающегося от околицы мотоцикла, и показалось, будто у магазина мотоцикл заглох. Назар Гаврилович тяжело встал и, стараясь шагать потише, двинулся к магазину. Из темноты внезапно возник рослый парень и хрипловато спросил:

— Батя, закурить не найдется?

Русаков машинально сдернул с плеча двухкурковку.

— Я, сынок, с сорок пятого года, как войну закончил, не курю.

— Может, спички есть?

Назар Гаврилович угрожающе поднял ружье.

— Ну-ка, топай отсюда!

Парень испуганно отскочил в сторону и скрылся в ночной темени. Русаков настороженно подошел к магазинному крыльцу. Напрягая зрение, различил возле стены мотоцикл, а в оконной раме черную дыру. Старик не успел еще сообразить, что предпринять, как земля рванулась из-под ног и стремительно опрокинула его наизничь...

— Это ж он, стервец, кирпичиной меня звезданул, — с обидой проговорил Русаков и, осторожно сняв с забинтованной головы шапку, протянул ее Бирюкову. — Во, глянь, тут даже кирпичный след остался.

Бирюков внимательно осмотрел на шапке мех, в которм действительно застряли крупинки кирпича.

Дальнейшее, со слов Русакова, произошло «как в кине про шпионов». Он быстро пришел в себя. Парень, который просил закурить, уже сидел на трещавшем мотоцикле. В тот же миг из окна вывалился шустрый малый в белой майке и, перекинув через плечо ремень спортивной сумки, одним прыжком плюхнулся на заднее

сиденье. Мотоцикл набрал скорость, но, когда Русаков закричал «Стой!» и выстрелил вдогонку, на полном газу равнул с дороги через пустырь, где метрах в ста от магазина тянулся глубокий овраг. К великому изумлению сторожа, мотоциклисты перемахнули овраг, как будто по мосту...

Прокурор, вместе с оперативниками внимательно дослушав Русакова, обратился к Антону:

— Похоже, мы со следователем напрасно сюда приехали. Преступление, как говорится, по вашему ведомству.

Бирюков промолчал. Сосредоточенно глядя на пустырь, за которым сейчас, в дневное время, был хорошо виден размытый ливневыми водами овраг, он спросил Русакова:

— Каким же образом, Назар Гаврилович, мотоциклисты перепрыгнули через такую ямищу? На крыльях, что ли?..

Сторож, пожав плечами, неуверенно проговорил:

— Там, вообще-то, рельса лежит, но если рассуждать серьезно, то проехать по ней не каждый циркач сможет...

Бирюков, Голубев и заведующая магазином пошли к оврагу. Ширина его, как прикинул на глазок Бирюков, была не меньше пяти метров, а глубина — около двух. Судя по заросшей тропе, когда-то через овраг был перекинут пешеходный мостик. Сейчас же от него остался лишь кусок железнодорожного рельса, лежащего основанием вверх и вдавленного концами в землю. Антон, достав из кармана миниатюрную рулетку в виде брелка для ключей, присел на корточки и замерил ширину рельсового основания. Показывая Голубеву тринадцатисантиметровую отметку, спросил:

— Как думаешь, можно по такой нитке ночью проехать на мотоцикле?

— А что?.. — оптимистично ответил Слава. — В цирке и по канату ходят...

— Придется этих «циркачей» искать. Кстати, один из них должен быть в американских штанах... — Бирюков повернулся к заведующей магазином. — Тоня, а фирму джинсов не заметили?

— На лайбе «Рэнглер» было написано, — быстро ответила завмаг, похоже, не только зная толк в «фирмовых» товарах, но и жаргон любителей принарядиться в «Маде ин не наше».

— А второй, значит, в белой футболке?

— В белой... Только не с зайцем — такие у нас продавали, а с волком, как в мультиках.

Бирюков подмигнул Голубеву.

— Понял?..

— Так точно.

— Вот и приглядывай «волка» в паре со штатовским «Рэнглером».

3. Потерянная туфля

Вернувшись из Заречного в райотдел, Слава Голубев прежде всего занялся изучением картотеки типичных происшествий. Выудить ничего не удалось. Будучи по натуре оптимистом, Слава досадливо поцарапал щетинистый

ежик волос и стал припоминать знакомых подростков, которые имели склонность лихачить на мотоциклах. Поразмышляя, Голубев придвинул к себе телефон и по памяти энергично накрутил номер. Услышав в трубке знакомый голос директора Дома культуры, бойко проговорил:

— Люда, это Слава Голубев. Привет.

— Здравствуй, Славочка.

— Новую частушку для самодеятельности хочешь?

— Хочу.

— В клубе жуликов судили, судьи вышли на совет, а девчата вдруг спросили: «Танцы будут или нет?»

— Это старо, дружок.

— Зато актуально. Слушай, лапушка, меня вправду интересует: сегодня будут танцы?

— Как всегда, с девяти до одиннадцати.

— На площадке?

— Конечно. А что?

— Хочу посмотреть, как танцуют...

Огороженная голубенькими рейками летняя танцевальная площадка располагалась в густой тополевой роще, рядом с полузаросшим озером и высоким старинным мостом через речку, пересекающую райцентр. Вечерами здесь гремела музыка. Энтузиасты самодеятельного ансамбля в поте лица выколачивали из стиреньких электромузыкальных инструментов модные джаз-ритмы, а залитая светом люминесцентных ламп танцплощадка в это время походила со стороны на встревоженный муравейник.

Одетый в штатское Слава Голубев появился возле летнего «очага культуры» еще засветло, когда музыканты во главе с энергичной худенькой заведующей Домом культуры отлаживали свистяще-хрипящую «оркестровку». Издали понаблюдав небольшую очередь у киссы и не приметив интересующих его лиц, Слава прошел к заросшему тальниковыми кустами речному берегу.

Неподалеку, на низенькой скамейке под кустами, несколько подростков лет по одиннадцати-двенадцати, чуть не уткнувшись друг в друга носами, оживленно о чем-то разговаривали. Заметив над головами мальчишек сизоватый дымок, Голубев осторожно подошел к ним и внезапно спросил:

— Что курим, мужики?

— «Космос»... — растерянно ответил один из курцов — черноголовый, с большими карими глазами.

— Ого! Шестидесят копеек пачка... Где это вы, соколки, такие деньги взяли?

— По десятичку сбросились.

— А потом по рублю — на бутылку?

Почувствовав неладное, мальчишки со всех ног брызнули в разные стороны. Лишь черноголовый ошеломленно сидел на скамейке. Голубев подсел к нему.

— Тебя как зовут?

— Борька.

— В каком классе гранит науки грызешь?

— Нынче в пятый пойду.

— Хорошо учишься?

— Да, так... — мальчишка насупился. — В основном трояки...

— Вот видишь... — Слава показал на раздавленный окурочек. — Задымил себе голову и маешься. Чем курить,

лучше бы книжки читал. Или пошел бы в Дом пионеров. Знаешь, какие там отличные кружки?..

— Знаю, я в фотографическом был. Почти две недели. А потом банка с проявителем нечаянно разбилась, и меня выгнали.

— Ну, Борис, жизнь твоя, как погляжу, из сплошных неприятностей,— посочувствовал Слава и сразу спросил:— Сами сигареты покупали?

— Нет, Васек.

— Кто такой?

— Студент. К тете Марусе Данильчуковой приехал. Мы по десять копеек ему дали, а он нам по сигарете.

— А пачку себе?

Борька кивнул.

— Чего же так?

— Вредно курить, сказал.

— Молодец Васек. Воспитатель! — покачал головой Слава.— Он тут, наверное? На танцы пришел?

Борька оглянулся, посмотрел в сторону танцплощадки. — Ушел уже.

— Топай-ка и ты, Боря, до дому. И запомни, курить действительно вредно.

Мальчишка кивнул, вскочил со скамейки и, не оглядываясь, задал стрекача по аллее, выходящей на улицу Заводскую. Голубев посмотрел на часы — приближалось начало танцев. Молодежи возле площадки заметно прибавилось. Появилось несколько парней в футболках с нарисованными зайцами, но «волка» не было видно. Неторопливо обогнули площадку четверо знакомых Славе дружинников с красными повязками. Затем как из-под земли вынырнули сразу три парня в джинсах. Голубев с напускным равнодушием прошелся мимо них и, что называется, невооруженным глазом определил продукцию местного промкомбината, хотя на одних джинсах без зазрения совести была приклепнута затертая этикетка фирмы «Монтана».

С каждой минутой оркестр начинал звучать слаженнее. Ровно в девять под его тоскующий аккомпанемент пухленькая юная певичка с распущенными волосами, чуть не проглатывая микрофон, хриплым голосом затянула:

Я еще не успела испить свою осень,

А уже снегопад сторожит у ворот...

Это явилось своеобразным сигналом к началу танцевальной баталии. У входа на площадку тотчас создалась толкучка, так как по необъяснимой причине всем почему-то захотелось пройти через узенькую калитку одновременно. В дело вмешались дружинники. Созерцая оживленную толпу, Голубев обратил внимание на стройную нагло-красивую девицу в ярко-оранжевом батнике и в джинсах явно не промкомбинатовского изготовления. Бесцеремонно оттолкнув плечом белобрысого парня в футболке с зайцем, девушка решительно прорвалась мимо опешивших дружинников на танцплощадку. Поискала кого-то и бросилась назад, к выходу. С разбегу наскочив все на того же белобрысого, опять саданула его плечом. «Полегче, чувиха!» — обиделся парень. «Заткнись, деревня!» — громко огрызнулась девица и, выбежав за ограду площадки, нервно огляделась.

Голубев подошел к дружинникам. Показывая взглядом на девушку, спросил:

— Кто такая?

— Приезжая краля,— грубовато ответил один.— Вторую неделю здесь выкаблучивается.

— Одна?

— Раньше с каким-то молодняком вихлялась. Тоже не из наших. По-моему, Васек его зовут... Он к тете Марусе Данильчуковой приехал.

— Васек?..— заинтересовался Слава.— Как он выглядит?

— Современный чувак, в импорте.

— В джинсах?

— Ну а как же...

Юную певичку, долго просившую снегопад не торопить бабье лето и не касаться любви леденящим крылом, сменил самоуверенный певец, который срывающим-ся голосом принялся утверждать:

Унижаться любя-я-я не хочу и не буду-у-у,

Я забуду тебя-я-я, я тебя позабуду...

Затем из динамиков грянула магнитофонная запись визгливой джаз-музыки, и старенький пол танцевальной площадки застонал от могучего топота молодых здоровых ног.

Поговорив несколько минут с дружинниками и выяснив, что вертлявый парень в футболке с нарисованным волком ни разу не попался им на глаза, Слава Голубев принялся бродить по аллеям. Летний вечер быстро угасал. Призрачным светом над площадкой вспыхнули люминесцентные лампы. В аллеях сразу потемнело.

Вспугнув возле приречных кустов целующуюся парочку, Слава подошел к скамейке, на которой перед началом танцев беседовал с курильщиком Борькой, и устал присел.

Неожиданно из кустов послышался злобный, сквозь зубы, голос: «Шлюха!». В тот же миг раздался звук пощечины. «Кошка! Гадина!» — голос по-мальчишечьи сорвался на дискант. Пощечины посыпались одна за другой...

Голубев бросился к кустам. С разбегу ворвавшись в темень, он ничего не успел разглядеть — кто-то сильно ударил его по лицу. Слава крутанул через спину замысловатый кульбит, мгновенно вскочил на ноги и, сжав кулаки, приготовился к очередному нападению, но сквозь гулкий звон в ушах запоздало услышал удаляющийся топот.

Левую скулу, казалось, прижгли раскаленным железом. Слава потрогал ее носовым платком и, разглядев на нем темное пятно, догадался, что скула рассечена до крови. Злясь на свою опрометчивость, стал выбираться из кустов. Внезапно наступил на что-то упругое. Нагнувшись, поднял с земли новенькую женскую туфлю на высоком тонком каблуке.

4. Привет от Павла Мохова

Войдя в кабинет, Антон Бириуков прежде всего распахнул окно. Свежий утренний воздух наполнил комнату терпким запахом хвои. Посмотрев из окна на могучие сосны, Антон уселся за стол, подпер кулаками подбор-

док и задумался. Все о том же — о краже в Заречном.

Сосредоточиться помешал осторожный стук в дверь. — Войдите! — сказал Антон.

Дверь тихонько открылась. На пороге показался коренастый, стриженный под бокс мужчина, а из-за его спины, словно настороженный мышонок, выглянул и сразу спрятался розоволицый мужичок с белесым пушком на обширной лысине.

— Нам начальника районного угрозыска надо, товарища Бирюкова, — густым басом проговорил коренастый. Антон, предложив посетителям сесть, ответил:

— Я Бирюков. Слушаю.

Коренастый обстоятельно уселся. Подождал, пока на соседнем стуле примостился розоволицый, и вдруг, глядя Антону в глаза, сказал:

— Привет вам от Павла Мохова. Помните, который магазин у «Сельхозтехники» обворовал, когда пьяница Гоганкин с перепугу помер?..

Бирюков, наморщив лоб, вспомнил уголовное дело пятилетней давности. Стараясь сообразить, к добру или худу переданный привет, спросил:

— Ну и как теперь Павел?

— Человеком стал. Сменщиком у меня, одну баранку крутим... В общем... моя фамилия Исаков, шофером на гормолзаводе работаю. — Повернулся к розоволицему. — А это Виктор Андреич Суржиков, сосед мой. Тоже до недавнего времени шоферил...

— На прошлой неделе права отобрали, — тонким голоском сказал Суржиков.

— Погоди, Андреич, — оборвал его Исаков. — В общем... Живем мы с Андреичем душа в душу, а на днях конфуз получился: ночью его самосвал в угол моего дома вбухался. К слову сказать, дом уже в порядке.

Бирюков воспользовался паузой:

— С этим вам надо к начальнику ГАИ капитану Филиппенко обратиться.

— Да обращались мы к Филиппенке — слушать не хочет. — Исаков тяжело вздохнул. — Вот тут Пашка Мохов и надоумил: дуйте-ка, мол, мужики, к начальнику районного угрозыска Бирюкову. Если он возьмется за это дело, то раскрутит его до полной ясности, и права Андреичу ГАИ возвратит. Дескать, в данном конкретном случае — так Пашка высказался — отсутствует состав преступления, поскольку в момент наезда на мой дом Андреич самосвалом не управлял.

Антон улыбнулся:

— Я ведь не самовольно решаю, за какие дела братья.

— Да дело-то выведенного яйца не стоит, — перебил Исаков. — Если б Филиппенко не уперся в ту стопку, которую на свое несчастье выпил Андреич, то настоящих виновников наезда шутя можно было отыскать.

— Выпивши за рулем находились? — посмотрев на Суржикова, спросил Антон.

Суржиков даже приподнялся:

— Не был я за рулем! Истинный бог, не был! Пацаны хотели машину угнать, а рулежка у моего ЗИЛа тугая. Поворот вывернуть силенок не хватило и запахались сопляки в угол дома.

— Выходит, сотрудники ГАИ не разобрались?

— Когда ГАИ приехала, пацаны удрали уже.

Суржиков смущенно погладил ладонью пушок на лысине и торопливо стал «обсказывать, как все произошло».

В среду на той неделе рано утром ему предстоял рейс в Новосибирск. Чтобы не тащиться спозаранку до автохозяйского гаража, он договорился с главным механиком, что оставит машину на ночевку у своего дома. Вечером приехал домой, а там гости: сестра с мужем из Крыма прилетели, с которыми не виделся он лет десять. Сели за стол, по рюмочке выпили. Когда на дворе уже было темно, пацаны ЗИЛ завели и на соседний дом наехали.

— Почему решили, что непременно ребята хотели угнать машину? — спросил Антон. — Вы их видели?

— Нет. Но кому же больше машина нужна? — удивился Суржиков. — А инспекторы приехали, пробирку мне ко рту: «Ага! Выпивши!» И права забрали.

— Это малолетки нашкодили, — решительно сказал Исаков. — Разве вы не знаете, как современная молодежь к технике рвется?.. Далеко за примером ходить не надо: позапрошлой ночью на нашей Заводской у Галины Тюменцевой новенький мотоцикл «Восход» из гаража угнали. Ночь прокатались и за огородами бросили.

Бирюков насторожился — об этом угоне он не знал. Сняв телефонную трубку, набрал 02 и спросил сотрудника дежурной части:

— Почему у нас нет сведений об угоне мотоцикла по Заводской?

— Потому что никто не заявлял.

— Точно?

— Как дважды два!

Антон положил трубку. Исаков, видимо, догадавшись, о чем шла речь, заговорил снова:

— Тюменцева, по-моему, не сообщала в милицию. Мотоцикл-то, можно сказать, в целости и сохранности. Только стекло стоп-сигнала разбито да бензина в бачке ни капли.

Бирюков, придвинув к себе перекидной календарь, написал: «Тюменцева, Заводская — угон м-ц». Встретясь взглядом с Исаковым, спросил:

— Кто эта Тюменцева?

— Молодая еще, лет двадцати. Сергей, бывший муж ее, со мной и Павлом Моховым на одной машине работает, поскольку у нас трехсменка.

— Кто обнаружил угнанный мотоцикл?

— Наверное, сама Галина. Я вчера утром на смену шел, смотрю: она катит вдоль улицы свою технику...

Зазвонил телефон. Бирюков снял трубку и услышал встревоженный голос сотрудника дежурной части, с которым только что разговаривал:

— Антон Игнатьевич, опять — двадцать пять. В озере, которое через дорогу от танцплощадки, труп женщины обнаружен. Прокуратура и эксперты уже там. Кого от розыска пошлем?..

Бирюков машинально взглянул на часы — было ровно восемь утра.

— Кроме меня, в отделе никого нет.

— Значит, сам поедешь?

— Да. — Антон медленно опустил телефонную труб-

ку, посмотрел на ранних посетителей.— Извините, товарищи... По вашему вопросу я переговорю с начальником ГАИ...

5. «Дикая кошка»

Озеро заросло у берегов желтыми кувшинками. От железнодорожного вокзала к тополевой роще и синющей между тополями танцевальной площадке вел через речку пешеходный мост.

Когда-то со стороны рощи брали из озера воду пожарные машины. С той поры сохранился заросший муравьей подъезд да прогнивший широкий дощатый настил на почерневших столбах. Он уходил метров на семь от берега. У этих столбов и обнаружили труп. Женщина в ярко-оранжевом батнике и джинсах, широко распластав руки, лежала лицом вниз, как будто упала или ее столкнули с пожарного настила. Мирно цвели кувшинки, и не верилось, что в таком месте, на мелководье, можно утонуть.

— Лодку ждем,— хмуро сказал подошедшему Бирюкову районный прокурор.— С настила не достать.

Антон покосился на собравшуюся у озера толпу любопытных.

— Осмотр сделали?

Прокурор утвердительно кивнул. Стоявший рядом с ним следователь Лимакин раскрыл портфель и достал почти новенькую коричневую дамскую туфлю с правой ноги.

— Вот, нашли возле пожарного настила. Размер тридцать шестой, фирма «Олимпия».

Взяв туфлю за тонкий каблук, Антон оглядел ее и, возвращая следователю, спросил:

— Больше ничего?..

— На настиле — небольшое пятно засохшей крови и вот это...

Лимакин снова сунул руку в портфель. Достав оттуда разорванную пополам фотографию паспортного формата, протянул Бирюкову. Антон сложил половинки. Со снимка глядело молодое, совсем девчачье, лицо с игривым прищуром четко подкрашенных глаз и загнутыми вверх, как у куклы, ресницами. На обороте карточки округлым женским почерком было написано: «Любимому Ваську — от «Дикой кошки». Такой кисой была я в 16 лет».

Толпа у озера ширилась. Подошли Исаков и Суржиков. К ним вскоре присоединился шофер остановившегося молоковоза — широкогрудый низенький парень. Все трое закурили. Парень показался Бирюкову знакомым.

Наконец принесли складную охотничью лодку, и Антону, по просьбе следователя, пришлось проявить свои «мореходные» способности. Опасаясь, как бы не вывалиться из шаткого плавучего сооружения, он, осторожно загребая веслом, подплыл к трупу и медленно подтянул его к берегу. Когда женщину повернули, толпа приглушенно ахнула.

— Господи! Молодая-то... — произнесла седенькая женщина.

Лицо утопленницы действительно было почти юным. Короткие пепельного цвета волосы слиплись. На веках расплылась от воды зеленоватая краска теней. Из-под расстегнутого на три верхние пуговицы батника виднелась кружевная каемка бюстгалтера. Мокрые джинсы плотно обтягивали стройные босые ноги с вишневыми пятнами накрашенных ногтей. Таким же кровавым цветом выделялись ногти холеных рук. На мертвенно белой шее желтела цепочка с золотым крестиком.

Прокурор строгим голосом попросил сгрудившуюся толпу отойти от трупа. Следователь Лимакин тихо сказал Бирюкову:

— Киса с разорванной фотографии...

Бирюков показал на джинсовую этикетку с изображенной на ней кошачьей лапой:

— Шотландская фирма. «Вилд Кэт»... «Дикая кошка»...

— Отсюда прозвище?

— По всей вероятности.

— В заднем кармане джинсов что-то лежит. Посмотри, а?..

Присев на корточки, Антон слегка повернул труп и достал из кармана полупустую сплюснутую коробку «Мальборо» с размокшими сигаретами. Затем извлек миниатюрную газовую зажигалку. Опуская их в подставленный следователем целлофановый пакет, сказал:

— Больше ничего нет.

— «Олимпия», похоже, с ее ноги. Вторую бы туфельку поискать, может, в озере осталась, а? — словно спросил следователь.

Бирюков молча направился к лодке. Доплыв до того места, где была обнаружена утопленница, стал осторожно раздвигать листья кувшинок. Темнеющее совсем на небольшой глубине дно сквозь зеленоватую озерную воду просматривалось достаточно хорошо, однако, сколько Антон ни старался, туфлю найти так и не смог.

Когда он вернулся на берег, следователь Лимакин, стоявший рядом с Исаковым, поспешил сообщить:

— Оказывается, Антон Игнатьевич, потерпевшая жила у некой Тюменцевой по улице Заводской, неподалеку отсюда.

Бирюков посмотрел на Исакова и спросил:

— У которой позавчерашней ночью мотоцикл угоняли? Исаков кивнул:

— На прошлой неделе, кажется, появилась. То ли родственница Галине, то ли подруга. На Галинином мотоцикле ее видели с молодым незнакомым парнем.

— Как он выглядит?

— По-современному волосатый, одет нарядно.

— Брюки какие?

Исаков задумался.

— По-моему, иностранные, как на погибшей девушке.

— Короче, я сейчас же приглашаю Тюменцеву в прокуратуру, — сказал следователь.

В отделе Бирюков появился за минуту до начала оперативного совещания. Когда он вошел к подполковнику Гладышеву, просторный кабинет показался тесным. Мельком оглядев присутствующих, Антон догадался, что

совещание будет расширенным, а роль «именинника» отведена ему...

— Ну, что там, на озере? — спросил начальник райотдела.

Едва Бирюков упомянул про оранжевый батник и джинсы на потерпевшей, скромно притулившийся в углу Слава Голубев воскликнул:

— Вчера вечером эта девица, весьма нетрезвая, крутилась возле танцплощадки!

— Не она ли тебя так разукрасила? — улыбнулся Антон.

— Служебное невезение, — ехидно ввинтил начальник ГАИ Филиппенко.

— Не всем же, Гриша, так крупно везет, как тебе, — отпарировал Слава и машинально потрогал белую нащепку лейкопластыря на скуле.

Несмотря на серьезность оперативного совещания, сотрудники не смогли сдержать смех и улыбки. В райотделе не было человека, который бы не знал, как нынешней весной начальник ГАИ, торопясь перейти дорогу, поскользнулся и попал под машину «Скорой помощи», после чего больше двух месяцев провалялся в больнице с записанной ногой.

Запал хохота оборвался так же внезапно, как и возник. Подполковник Гладышев любил, когда подчиненные не лезут за словом в карман, и добродушно кивнул Голубеву:

— Поведай о своем невезении...

Слава пересказал события вчерашнего вечера. Закончил тем, что найденный в кустах «хрустальный башмачок» был фирмы «Олимпия», коричневого цвета, с левой дамской ноги. Директор Дома культуры трижды объявляла через микрофон об этой туфле, однако хозяйка «башмачка» так и не появилась.

— Правая коричневая туфелька «Олимпии», — сказал Бирюков, — найдена у озера, и размер ее совпадает с размером ноги потерпевшей... Я прошу, Слава, после совещания передать левую туфлю мне.

Оперативка шла больше часа. Последним обсуждался вопрос о краже из Зареченского магазина. Уточняя показания сторожа о том, что преступники перемкнули на мотоцикле через овраг по рельсу, Бирюков спросил начальника ГАИ:

— Могли они, Гриша, такой трюк проделать?

Обиженный недавней колкостью Голубева, Филиппенко высокомерно усмехнулся:

— Насколько мне известно, в нашем районе мастеров такого класса нет.

— А если бы были? — настойчиво повторил Антон.

— Если бы да кабы — бабушка надвое сказала.

Подполковник Гладышев нахмурил седые брови:

— Конкретнее, Григорий Алексеевич...

Высокомерие с лица Филиппенко исчезло.

— Конкретно, товарищ подполковник, по полотну шириной тринадцать сантиметров да еще ночью может проехать мотоциклист, имеющий природный талант вождения. По крайней мере, звание мастера спорта надо иметь. У нас таких нет.

Бирюков снова спросил начальника ГАИ:

— А кто из твоих инспекторов разбирался с авто-

происшествием на Заводской? Говорят, автомашину подростки пытались угнать...

— Какие подростки! Водитель Суржиков лыка не вязал. Официальный протокол имеется.

— Он утверждает, что всего одну стопку выпил.

— Другие на его месте, еле ворочая языком, пытаются доказать: «Т-только к-к-кружку п-пива!» — на лице Филиппенко появилось обидчивое выражение. — Собственно, с какой стати угрозыск вмешивается в дела ГАИ? Своей работы не хватает?..

Антон примиряюще улыбнулся:

— Не обижайся, Гриша, мне надо знать правду.

— Правда у Суржикова на физиономии написана. Будет тебе известно, такие розовые лица бывают только у алкашей, которые с первой стопки готовы рукава жевать. Неужели не понял его по внешности?

— Внешность, как говорит Слава Голубев, обманчива.

— Очень вы с Голубевым умные, как я погляжу! — взорвался Филиппенко.

Бирюков предусмотрительно смолчал.

6. Свинцовая дробица

Тюменцева — плотная и рослая женщина — выглядела старше своих двадцати двух лет. Лицо подрумяненное, круглое, с чуть вздернутым носом. Копна желтоватых волос. Голубые глаза, накрашенные «под японку», тревожно ускользали от взгляда Бирюкова. Сжимавшие на коленях черную импортную сумку руки — с яркими от маникюра ногтями — чуть вздрагивали. На вопрос о мотоцикле Тюменцева заговорила так тихо, что Антону пришлось попросить:

— Говорите громче, Галина Петровна, нас никто не подслушивает.

Тюменцева растерянно крутнула головой, словно хотела убедиться, действительно ли в кабинете нет посторонних, и повторила:

— Утром вышла из дому — гараж открытый. Заглянула — пусто. Пошла искать мотоцикл и нашла его за огородами в конце улицы.

— Почему пошли именно туда, а не в другую сторону? — уточнил Антон.

— Пошла, и все...

— Так не бывает, Галина Петровна, — осуждающе сказал Бирюков. — По-моему, вам известно, кто угнал мотоцикл, но вы боитесь сказать.

Тюменцева густо покраснела. Опустив глаза, она щелкнула замком сумки и достала из нее сложенный тетрадный листок.

— Вот чего я боюсь...

На листке из ученической тетради в клеточку синей шариковой пастой печатными буквами было написано: «Галка мотоцикл твой валяется за огородами в конце Заводской. Ты здоровая телка прикатишь его без бензина. Вякнешь милиции жалеть горько будишь».

Бирюков перечитал записку несколько раз. Слова «Галка» и «телка» как будто выдавали молодежный жаргон писавшего. Положив листок перед собою на стол, Антон спросил:

— Кого подозреваете?

— Кого-то неграмотного...

— Грамотностью, Галина Петровна, действительно владеет не каждый, а неграмотно написать может всякий. Судя по содержанию записки, сочинил ее кто-то из ваших знакомых.

Тюменцева в натянутой улыбке скривила густо накрашенные пухлые губы.

— Кто вам передал записку?

— На крыльце, под дверью, лежала.

— Замок гаража взломали?

— Естественно,— быстро ответила Тюменцева и сразу испугалась: — Ой, нет!.. Замок на земле валялся.

— Значит, его открыли?

— Н-не знаю. Может, я забыла на ночь замкнуть.

Ответ был странным. Бирюков нахмурился.

— Не надо лукавить, Галина Петровна. Мне вовсе не из праздного любопытства захотелось с вами встретиться. Допустим, на вашем мотоцикле угонщики совершили преступление...

Тюменцева изумленно уставилась на Антона.

— Ой, какое преступление! Это ж наверняка мальчишки покатались, пока бензин в бачке был.

— И много его там было, бензина?

— Не знаю, наверное, полный бачок...

— Вы так неуверенно говорите, что придется нам вместе посмотреть ваш мотоцикл.— Антон решительно поднялся из-за стола.— Согласны?

Дорогой Тюменцева стала более разговорчивой и откровенной. Осторожно задавая вопросы, Бирюков уже на полпути узнал, что работает Галина Петровна мастером-кондитером в кулинарном магазине. Сейчас в очередном отпуске. Была комсомолкой, однако последнее время не стала платить взносы и механически выбыла. Почему перестала платить? Поссорилась с комсомольским секретарем: тот заставлял учиться, а зачем это, если работа кондитера нравится, а выбиваться в начальство никакого желания нет. Живет одна. Замуж выскочила по дурусти. Теперь неофициально с мужем развелась. Дом, мотоцикл, обстановка — все ее. «Муженек-то сразу после свадьбы служить в армию отправился. Два года там прокантовался, пришел на готовенькое да еще и воспитывать начал: не так, мол, жить надо. Собрала ему солдатские вещички и — гуляй, родимый». Заговорив о бывшем муже, Тюменцева вдруг вспомнила:

— Знаете, у Сергея остался запасной ключ от гаража. Не он ли мне пакость с мотоциклом сделал?

— Плохой человек? — спросил Антон.

— Для кого, возможно, и хороший, но я ведь с ним крепко поцапалась...— Тюменцева тяжело вздохнула.— Второй день неприятности на мою голову валяются. Вчера — мотоцикл, сегодня — подруга утонула.

Антон словно не понял:

— Кто?..

— Знакомая моя, Ирина Крыловецкая. Следователь прокуратуры больше часа допытывался: кто она, зачем ко мне приехала, как познакомились... Рассказала все по-честному, а он еще в уголовный розыск, к вам, направил. Не доверяет, что ли? Хотите, слово в слово повторю?

— Повторите,— сказал Бирюков.

Тюменцева еще раз вздохнула и принялась рассказывать о своих отношениях с Крыловецкой. Познакомились они прошлым летом в санатории «Центросоюз» курорта Белокуриха Алтайского края, где случайно оказались в одной двухместной палате. Ирина отдыхала по маминной путевке. Была общительная, остроумная и не жадная. Весь сезон не скушали. Знакомство продолжилось после санатория. У Крыловецкой большая квартира в центре Новосибирска. Тюменцева несколько раз ездила к ней в гости. Жила Ирина одна, училась, кажет-ся, в торговом институте. Замужем. Но муж-геолог, намного старше Ирины, мотается по экспедициям, дома бывает редко. На прошлой неделе Крыловецкая приехала в райцентр «подышать свежим воздухом». Была вроде как не в себе: много курила, нервничала. Вчера около шести вечера ушла на танцы — больше Тюменцева ее не видела.

— Сколько ей было лет? — спросил Антон.

— Ирине?.. Вчера девятнадцать исполнилось.

— Когда ж она замуж успела выскочить?

— Год назад.

— Мужа ее видели?

— Нет. Ирина говорила, что он алмазы в Якутии открыл, еще много всего разного наоткрывал и озолотел на этом. Квартира у них и вправду богатая! Вся драгоценными камнями завалена. К тому же, мамочка Ирины в торговле работает, что угодно из импортных шмоток достанет...

— На танцы Крыловецкая трезвой ушла?

— Немного выпили по поводу дня рождения.

— Рюмку-две? — уточнил Антон.

— Бутылку коньяка и бутылку шампанского,— не задумываясь, ответила Тюменцева и спохватилась: — Не вдвоем, конечно. Муженек бывший приходил с другом, с Пашкой Моховым, так они почти весь коньяк выпили.

— Об угоне мотоцикла мужу не говорили?

— Зачем? Я ведь только теперь вспомнила, что у него запасной ключ от гаража остался...

Чем дольше разговаривал Бирюков с Тюменцевой, тем больше убеждался, что она относится к той категории молодых женщин, которые после школьной скамьи не заглянули ни в одну книжку, кроме сберегательной, а в газетах читают только программу телевидения.

Они подошли к чистенькому шлакоблочному дому со светлыми окнами. Звякнув щеколдой, Тюменцева открыла калитку. Бирюков, войдя следом за хозяйкой в прибранный небольшой дворик, по привычке огляделся. Слева стояла металлическая коробка гаража с закрытой на замок дверью, а тянущаяся от калитки бетонированная дорожка упиралась в чисто вымытое деревянное крыльцо, на котором белел газетный сверток.

— Сейчас ключ от гаража принесу,— сказала Тюменцева и тоже заметила сверток.

— Гости приходили? — спросил Бирюков и увидел крупные печатные буквы на свертке.

Тюменцева прочитала надпись и с еще большим недоумением стала разворачивать газету. В свертке оказалась коричневая дамская туфля на высоком тонком каблуке.

— Ой!.. — удивленно воскликнула Тюменцева. — Ирина туфелька.

Антон взял из ее рук помятый номер «Советской Сибири» за прошедший день. Надпись на газете угрожающе предупреждала: «Ирка, будешь так напиваться — башку потеряешь! Я поехал домой. Привет!»

Туфля из свертка была с левой ноги.

Осмотр мотоцикла продолжался недолго. На заднем крыле новенького синего «Восхода» внимание Бирюкова привлекла пустая глазница стоп-сигнала. Осматривая торчащие по краям осколки красного стекла, Антон увидел в патроне разбитой лампочки черный бугорок. Сосредоточенно приглядевшись, он достал из кармана ключ от служебного кабинета и его концом осторожно выкопнул на подставленную ладонь сплюснутую свинцовую дробицу...

7. По горячим следам

Художественный руководитель районного Дома культуры Михаил Карпович Шпоров от природы был одаренным человеком, но имел весьма существенный недостаток: даже пустяковые вопросы, касающиеся сферы своей деятельности, он закручивал в таких глобальных масштабах, что и руководители района, и коллеги Михаила Карповича при каждом его «прожекте» сокрушенно хватались за головы. Так и не добившись признания на культурном поприще, Шпоров к пятидесяти годам завоевал прочную репутацию человека не от мира сего, а единственным его утешением стали книги о выдающихся людях русской сцены.

В этот день Шпорову особенно повезло: он раздобыл, наконец, трехтомник воспоминаний о Федоре Ивановиче Шаляпине и, придя на работу, сразу засел за первый том. От приятного занятия его оторвала директор Дома культуры. Войдя в заваленный реквизитом кабинет, она поставила перед Шпоровым на стол дамскую туфлю и попросила:

— Михаил Карпович, прошу выслушать меня внимательно...

— Я весь внимание, — торопливо ответил Шпоров.

— Мне нужно съездить в Новосибирск. Возможно, в мое отсутствие вот за этой туфелькой... — директор Дома культуры постучала по столу тонким каблукком принесенной туфли, — кто-то придет. Так?..

— Так, возможно, кто-то придет, — подтвердил Шпоров.

— Запомните, пожалуйста: без ведома инспектора уголовного розыска товарища Голубева туфлю не отдавайте никому! Вы хорошо меня поняли?

— Прекрасно понял. Без ведома товарища Голубева туфельку никому не отдам. Простите, а кто за ней должен придти: мужчина или женщина?

— Пока неизвестно.

Шпоров предусмотрительно спрятал туфлю в стол, попрощался с директоршей и, едва за нею захлопнулась дверь, уткнулся в книгу. Сколько прошло времени, он потом вспомнить не мог. Во всяком случае, немного, так

как Михаил Карпович успел прочитать всего страниц пять. В дверь постучали. Вошел молодой высокий парень атлетического сложения, одетый в синюю модную рубашку с короткими рукавами и джинсы. Смущенно спросил, где можно увидеть директора.

— Она сегодня весь день будет в Новосибирске... Простите, вы по какому вопросу? — спросил Шпоров.

— Вопрос пустяковый... — Парень замешкался, переступил с ноги на ногу. — Вчера в конце танцев по микрофону несколько раз объявляли о найденной туфле...

— Вчера объявляли?.. Ах, о туфельке! Да, да, объявляли! Сейчас отдам... — Шпоров засуетился. — Только, простите, мне очень срочно надо пригласить на репетицию одного человека. — Достав телефонный справочник, Михаил Карпович раскрыл его на странице, где перечислялись телефоны милиции, и, не зная, по какому номеру звонить, дрогнувшим пальцем набрал 02. — Дежурный?.. Будьте любезны, пригласите товарища Голубева... На совещании? А когда освободится? Не скоро?..

Парень спокойно сел на стул возле стола, посмотрел на встревоженного Шпорова и обаятельно улыбнулся:

— Голубев разрешил мне взять туфлю, а на репетицию он вряд ли придет — совещанию конца не видно.

— Разрешил? Чем вы это докажете?

— Моей сестры эта туфля. Она коричневого цвета, фирмы «Олимпия», с левой ноги, размер тридцать шестой... Еще что? Каблук длинный, тонкий...

Шпоров неуверенно достал из стола туфлю.

— Как же ваша сестрица потеряла туфельку?

Парень насупился:

— Пьет она у нас, как собака. — И, указав взглядом на лежащую перед Шпоровым книгу, спросил: — О Федоре Ивановиче читаете? Вот человечество был!

— Да, да! Величайший певец, природная одаренность. В наше время...

— В наше время техника выручает, — перебил пареня. — Если бы Федору Ивановичу дать микрофон... Собственно, он и без микрофона заставлял люстры дрожать. Надо отметить, что раньше не только певцы, но и вообще все артисты талантливее были. А возьмите режиссеров: Станиславский, Мейерхольд, Немирович-Данченко... О Немировиче недавно вышла книга в серии «Жизнь в искусстве». Читали?..

Глаза Шпорова загорелись:

— К сожалению, не читал. Теперь нелегко купить хорошую книгу.

— Хотите — подарю.

— То есть как... Я могу заплатить...

— Деньги — ерунда, — махнул рукой пареня и мгновенно сменил тему разговора: — Не отдадите, значит, туфлю?

Шпорова осенило:

— Вы расписку напишите, что забрали туфельку с разрешения товарища Голубева.

Парень вытащил из нагрудного кармана фломастер.

— Бумаги не найдется?

— Пожалуйста, — Шпоров протянул листок. — Укажите фамилию, имя, отчество, где живет. И распишитесь.

Парень кивнул. Быстро настроил текст, передал листок Михаилу Карповичу. Тот начал было читать, однако парень, бесцеремонно взяв со стола газету, отвлек его:

— Можно туфлю завернуть?

— Да-да, пожалуйста...

Парень попрощался, пообещав к вечеру занести книгу о Немировиче-Данченко. Шпоров снова занялся Шаляпиным, но не успел осилить и полстраницы, как в кабинет вошел Слава Голубев:

— Привет, Михаил Карпыч! Где начальница?

— В Новосибирске...— рассеянно ответил худрук.— Простите, вам, наверно, дежурный передал?..

— Какой дежурный? Что передал?— не понял Слава.— Мне у директрисы туфлю одну надо забрать.

Шпоров, с испугом уставясь на подбитую скулу Голубева, замямлил:

— Простите, Вячеслав... э-э-э... Дмитриевич, я только что отдал туфельку брату...

Голубев ошарашенно сел на стул.

— Какому брату?

— Которому вы разрешили... Вот расписочка.

Голубев торопливо прочел: «Мной, Цветковым Василием Анатольевичем, временно проживающим в г. Новосибирске, получена в РДК дамская туфля с левой ноги». Ниже стояла незамысловатая ученическая роспись.

— Как он выглядел, этот братишка?

— Приятный юноша, в летней рубашке и джинсах...

— Детали, Михаил Карпыч!

Худрук уже понял, что дал маху, и волновался:

— Рубашка... синяя, с планочкой, два кармашка. На левом, как говорит молодежь, лайба, в смысле — этикетка, «Вранглер»..

— Может, «Рэнглер»? — уточнил Слава.

— Правильно: «Рэнглер». Это молодежь ее «Вранглером» называет, потому как английское написание...

— Лицо запомнили?

— Лицо выразительное: волевое и в то же время мягкое. Иными словами, артистичное, чем-то похожее на лицо популярного ныне Грега Бонама. Знаете, конечно, такого...

— Нет, конечно, не знаю,— зло сказал Слава.— У вас есть фотография этого Грега?

— Она всюду на конвертах с дисками его записей. Наша фирма «Мелодия» выпустила... В любом киоске...

Из Дома культуры Голубев ушел не солоно хлебавши. Без туфли в райотдел ему лучше не появляться, и, кляня себя и Михаила Карповича, Слава зашагал к танцевальной площадке.

Днем на берегу тихо и прохладно. Отыскав то место, где вчерашним вечером по нелепой беспечности схлопотал себе фонарь под глазом, Голубев, елозя на коленях по измятой траве, старательно обшарил небольшую полянку среди кустов. Нашел два коротеньких окурка «Мальборо» и едва надкуренную сигарету «Космос». До тошно обследовал и петляющую в кустах узкую тропу. Кроме нескольких вмятин от дамского каблучка, на тропе ничего примечательного не было.

В мрачном настроении Голубев поднялся на примостовую насыпь. Зеркально сияло озеро, беспечно цвели кувшинки. Гукнув сиреной в сторону Новосибирска, покатила очередная электричка, и Слава подумал вдруг, что в одном из вагонов спокойноенько сидит молодой парень, так блистательно унесший у него из-под носа туфельку. На душе стало еще муторнее.

Голубев перешел мост и поднялся к вокзалу.

В будке «Союзпечати» лысенкинский киоскер-пенсиянер читал газету. Слава остановился у витрины с разноцветными конвертами грампластинок. На одном из них выделялась крупная желтая надпись «Грег Бонам». С небольшой цветной фотографии скромно улыбался симпатичный молодой человек в расстегнутой кофте, из-под которой выступал отложной ворот рубахи. В продолговатом смуглом лице не было ничего вызывающе броского. Даже волосы — в отличие от большинства молодежных кумиров — не свисали сосульками на плечи, а пушисто и аккуратно кудрявились.

Голубев спросил киоскера:

— Дедусь, сколько за эту картинку?.. Извините, за пластинку Грега Бонама?

— Один рубль,— не отрываясь, пробубнил киоскер. Голубев достал деньги.

— Пожалуйста,— Слава ткнул пальцем в поданный ему конверт.— Дедусь, этот артист сегодня не попался вам на глаза?

Киоскер, видимо, посчитав, что его разыгрывают, игриво подмигнул:

— Утречком на перроне с Аллой Пугачевой целовался.

— Я, дедушка, в уголовном розыске работаю,— Слава показал служебное удостоверение.— Ищу похожего парня. Посмотрите внимательно: не был он сегодня здесь?

Киоскер посерьезнел, долго с разных сторон приглядывался к портрету Грега Бонама и недоуменно пожимал плечами...

В дежурной части никаких новостей не было. Антон

Бирюков отсутствовал. Открыв свой кабинет, Слава уселся за стол. Не зная от расстройства, чем заняться, вытащил из стола ножницы и стал вырезать из плотного конверта фотографию английского певца, поэта, композитора и исполнителя. Вырезав, подровнял края и, вздохнув, сунул в записную книжку. После этого принялся разглядывать подобранные в кустах окурки. Сигарета «Космос» совершенно ни о чем не говорила, а пятнышки губной помады на фильтрах от «Мальборо» подсказывали, что выкурила сигареты женщина. Взяв стандартный бланк постановления о назначении экспертизы, Голубев быстро заполнял необходимые графы и понес окурки эксперту-криминалисту Семенову.

Немного поговорили. Их перебил телефонный звонок. Семенов ответил и поднял глаза на Голубева:

— Беги в дежурную часть — Бирюков тебя разыскивает...

Слава пулей вылетел из криминалистической. В «дежурке» схватил лежащую на столе телефонную трубку и начал рассказывать Бирюкову о своей неудаче, однако тот не дал договорить.

— Туфля у меня. Кроме того, отыскался мотоцикл, на котором совершена кража из Зареченского магазина...

— Как у тебя?! Где отыскался?! — вырвалось у Славы.

— Звоню из дома хозяйки этого мотоцикла, она сейчас во дворе с соседкой разговаривает,— Бирюков торопился.— Слушай внимательно. Пока я здесь завершаю формальности, срочно свяжись с больницей и всеми здравпунктами в райцентре. Сторож, оказывается, на самом деле стрелял по мотоциклистам и, дохоже, всыпал заднему в спину...

Обзвонить медицинские учреждения, куда предположительно мог обратиться раненый преступник, было пустяковым делом. До одной лишь железнодорожной амбулатории Слава не мог добраться. Раз за разом набирал номер, а в ответ — частые гудки, занято.

Через четверть часа терпение лопнуло. Прикинув, что быстрее, пожалуй, съездить в амбулаторию, чем неизвестно сколько крутить телефонный диск, Слава, замкнув кабинет, выскочил к автобусной остановке. Здесь опять невезение. Пассажирские автобусы курсировали в райцентре, как шутивно говорили местные острословы, по наитию, и пришлось проторчать на остановке больше двадцати минут.

В пахнущем лекарствами вестибюле амбулатории, когда Голубев, наконец, заявился туда, не было ни души. Отыскивая взглядом кабинет главного врача, где, судя по справочнику, находился телефон, Слава услышал из приоткрытой двери с табличкой «Перевязочная» возбужденные женские голоса и вошел туда.

Слушая сбивчивый рассказ молодой медсестры, у которой от пережитого испуга заметно дрожали руки, Голубев проклинал в душе невезучий сегодняшний день. Буквально час назад в перевязочную зашел невысокий парень в черной рубахе навыпуск и, улыбаясь, попросил «посмотреть спину». Медсестра предложила снять рубаху, а когда увидела три ранки с пятнами воспалительных покраснений, испугалась, решила вызвать хирурга. Протянула руку к телефонной трубке, но парень, выхватив из кармана пистолет, строго приказал: «Щас же положи трубку

на стол!» После этого закрыл на защелку английского замка дверь и с усмешкой проговорил: «Ну-ка, сестричка, выколупни мне дробины из спины». Медсестра робко заикнулась, что для такой операции надо, мол, сделать обезболивающий укол, а у нее при себе нет шприца и необходимого лекарства. Парень, угрожая пистолетом, опять усмехнулся: «Колупай так — я терпеливый». И правда, пока медсестра скальпелем и пинцетом удаляла из-под кожи дробины, он ни разу не вскрикнул, только зубами скрежетал. Затем одним глотком осушил из мензурки оставшийся спирт, собрал извлеченные дробины и, снова погрозив сестре пистолетом, быстро вылез через открытое окно в палисадник...

Голубев попытался выяснить у медсестры характерные приметы пациента, но та запомнила лишь на правом предплечье парня расхожую среди уголовников татуировку «Года идут, а счастья нет». Вот с такими, довольно скромными, сведениями Слава вернулся в райотдел...

Тем временем Бирюков побывал у Сергея Тюменцева дома.

На скрип калитки выбежала белая, как свежевыпавший снег, болонка и, уставясь на Антона лохматой мордашкой, залилась звонким лаем. В ту же минуту из-за веранды вышел обнаженный по пояс загорелый парень в спортивных брюках и шлепанцах на босу ногу.

— Чапа, не пустозвонь! — прикрикнул он.

Собачка умолкла. Бирюков назвал свою должность, сказал, что хотел бы поговорить.

— Пожалуйста, — с готовностью согласился Тюменцев. — Проходите в тень, там прохладней. — И, пошаркивая спадающими шлепанцами, направился за веранду. В тени навеса стояла старенькая тахта. На ней лежала развернутая книга, а рядом — ученическая тетрадка с заложенным в нее карандашом.

Стараясь исподволь подойти к интересующей его теме, Бирюков указал взглядом на книгу:

— Занимаетесь?

Тюменцев ладонью поправил волнистые волосы.

— Нынче хочу в автодорожный институт на заочное поступить. Надо учиться, пока годы молодые да память свежая.

Тюменцев производил впечатление уравновешенного человека, чуточку иронизирующего над собой. В отличие от некоторых «обиженных» мужей, не стремился поливать свою бывшую жену грязью. Напротив, он даже в чем-то сочувствовал ей, стараясь основную вину в неудавшейся семейной жизни взять на себя. А жизнь эта, по словам Тюменцева, и не могла состояться.

За месяц до призыва в армию познакомился на танцах с Галиной, и сразу — заявление в загс. Кое-как дождались срока регистрации, отгуляли свадьбу, а через день он уехал на два года служить. Когда вернулся из армии, не узнал Галину — так она изменилась. Каждую субботу к ней приходили подруги из общепита с мужьями. Играли допоздна в карты. Ну а где карты, там и выпивка. Сам Тюменцев в этих развлечениях участия не принимал: и презирал такой отдых, и работа не позволяла — с похмельной головой до аварии один шаг.

— Обычно при разводах какой-то конкретный импульс бывает... — с намеком сказал Бирюков.

— Это верно... — Тюменцев задумался. — У смерти всегда причина есть... С Галиной рано или поздно мы все равно бы разошлись. Ничего общего нет: ее к роскоши тянет, а мне это — до лампочки. Вот, например, загорелась ей «Жигули» купить. Спрашиваю: «Зачем нам собственная машина, когда я на казенной за смену урабатываюсь?» — «Чтоб не хуже других быть», — отвечает. «Да чем же мы хуже других-то?» — «А чем лучше? Все мои подруги на собственных машинах катаются, а у нас с тобой, кроме несчастного «Восхода», никакой техники нет. Как ты не можешь понять, что на мотоцикле теперь уже стыдно ездить» — «Ходи пешком — талия дольше сохранится». «Остряк несчастный! Меня подруги просмеивают за нищету, и ты еще зубы скалишь!» — «Да кто они, твои подруги? Жены министров, кинозвезды?.. Мещанки районного пошиба». — «Дурак необтесанный!»

— После этого вы и ушли?

— Нет, это один из конфликтов. А ушел, можно сказать, по своей вине: невпопад обидное ляпнул. На прошлой неделе, значит, прихожу домой после ночной смены уставший, как черт. Смотрю, на диван-кровать парочка спит. Тихонько спрашиваю Галину: «Кто такие?» — «Подруга, которая мне импортные вещи достает, из Новосибирска с мужем отдохнуть приехала».

Я, честно сказать, по характеру доверчивый, но тут вижу, что этому «мужу», хоть он парень и здоровый, от силы лет семнадцать, не больше. Злость меня взяла, говорю: «Ты что, дом свиданий устраиваешь?» Ну тут Галина и понесла на меня всех богов, аж «муж с женой» проснулись. Попробовал скандал на тормоза спустить — еще больше по кочкам понесла, бельишко мое из шифоньера вышвырнула. Собрал я вгорячах, что под руку подвернулось, сунул в солдатский рюкзак, и бывай здорова. Вот такой конкретный импульс...

— А что за гости у Галины ночевали? — спросил Бирюков.

— Черт их знает...

— Вчера вы с Моховым были у Галины?

— Ага, с Пашкой. Когда впопыхах вещички собирал, ключ от гаража в кармане остался. Ну, а зачем он мне? Решил отнести. Мохова за компанию позвал, чтобы соседки языки не чесали, дескать, похаживает к бывшей жешушке...

Бирюков усмехнулся:

— Так вот, Сергей, Галина говорит, что ключ от гаража вы ей не отдавали.

— Почему не отдавал? — искренне удивился Тюменцев. — При Мохове и при той намалеванной девице лично в руки Галине отдал. Правда, Галина была выпивши, может, забыла. — И сразу спросил: — Вы по поводу мотоцикла?

— Хочу выяснить...

— Позапрошлую ночь ключ был у меня, — с прежней непосредственностью сказал Тюменцев.

— Но почему, Сергей, вы неделю держали ключ и только вчера надумали отдать?

— Забыл про него. А вчера в конце дня Мохов зашел, говорит, что при пересменке Исаков рассказывал — у Галины, мол, мотоцикл угоняли. Тут я и вспомнил, думаю, надо отдать ключик, а то, чего доброго, еще на ме-

ня согрешат. Сразу и пошел с Пашкой к Галине. Пришли, а там — коньячок с шампанским на столе, сидят с подружкой попивают. Нам по рюмке налили, дескать, выпейте за день рождения подружки, Иркочкой Галина ее называла. Мохов выпил, а я отказался — мне ж Исакова надо было в ночную смену менять, да и вообще я выпивку не уважаю...

Задавая уточняющие вопросы, Бирюков выяснил, что Тюменцев с Моховым пробыли у Галины минут тридцать. Когда они вошли в дом, Галина кого-то убеждала по телефону: «Нету ее у меня, нету! И не было... Нет, не было!» Положив трубку, обеспокоенно сказала Ирине: «Он, кажется, все-таки с семичасовой электричкой прикатит». — «Обалдел идиот!» — брезгливо проговорила Ирина и нервно щелкнула зажигалкой. Курила она сигарету за сигаретой. На среднем пальце правой руки у нее сверкал бриллиантовый перстень, а на безымянном левой — золотое кольцо с замысловатым вензелем-печаткой. Сам Тюменцев в таких побрякушках не разбирался, но, по мнению Мохова, такой перстенок стоит не меньше трех тысяч, а печатка — рублей двести пятьдесят.

«Ни того, ни другого у Ирины, вытянутой на берег, не было», — отметил про себя Бирюков и, поднимаясь с тахты, сказал:

— Что ж, Сергей... Спасибо за информацию.

— Как говорится, не за что, — Тюменцев легонько оттолкнул ногою ласкающуюся к нему болонку и проводил Бирюкова до калитки.

8. Племянник тети Маруси

Получив от Антона задание: заняться «студентом Васьком», Слава Голубев первым делом забежал в паспортный стол, чтобы узнать адрес Маруси Данильчуковой. На улице Заводской была прописана пенсионерка Данильчук Мария Захаровна 1918 года рождения. К ней-то и направился Слава, заранее настроясь на неуспех.

Пенсионерка оказалась еще довольно крепкой женщиной с загрубевшими, как у землекопа, руками. Слава быстро нашел с Марией Захаровной общий язык и поначалу даже не поверил во внезапно свалившуюся на него удачу: Василий Анатольевич Цветков оказался не вымышленным, а реальным человеком и доводился Марии Захаровне родным племянником — сыном младшего брата. Было этому Василию Анатольевичу от роду семнадцать лет. Родители его живут в Новокузнецке, а сам Вася, закончив нынешней весной школу, приехал поступать в Новосибирский институт связи, но, поскольку приемные экзамены там начнутся только в августе, надумал погостить у тети. Явился к ней, как гром с ясного неба, на прошлой неделе и целыми днями пропадал на речке. Ночью спал на сеновале: жарким летом в избе душно.

Мария Захаровна подтвердила, что одет Вася в синюю рубашку с короткими рукавами и в «тесные заграничные штаны». Никаких вещей с собой не привез, «в чем есть, в том и приехал».

— Теть Марусь, а где сейчас Вася? — скороговоркой спросил Голубев.

— Домой чего-то надумал укатить, — живо ответила Мария Захаровна. — Я сегодня с утра пораньше в мастерскую бытремонта отправилась, пылесос там в починке был. Подошла к озеру, а там народу тьма-тьмушкая. Утопленницу молоденькую из воды вытащили. Ну, пока там потолклась, потом пылесос получила, в хозмаг зашла мыла взять. Прихожу, а дом на замке. Ключ в летней времянке, где мы всегда его оставляем. Открыла — в кухне на столе записка от Васи. Вот...

Мария Захаровна взяла с буфета розовую бумажную салфетку и подала ее Голубеву. «Теть Маруся, я поехал домой», — прочитал Слава написанное черным фломастером. Вспомнив расписку, оставленную худруку Щпорову, он вытащил фотоснимок Грега Бонама.

— Теть Марусь, на этого парня Вася похож?

Мария Захаровна прищурилась:

— Волосы похожи, но лицо у Васи молодее. И рубаха другая.

— Фотокарточки его нет?

— Чего нет — того нет, — спокойно ответила Мария Захаровна и вдруг встревожилась: — Разве случилось что?

— Одного нехорошего человека ищем. Предполагается, что Вася знает его, — уклончиво ответил Голубев.

— Господи! В нашем роду никто с плохими людьми не связывался.

— Подростки, бывает, по своей неопытности знакомятся с кем попало.

— Так-то оно так. Только, по-моему соображению, у Васи и знакомых здесь, в райцентре, никого не было. Он первый раз сюда приехал.

— А с Галиной Тюменцевой, которая неподалеку от вас живет, Вася не знаком?

— Что вы!.. Галина — женщина, а Вася — совсем мальчишка.

Мария Захаровна сосредоточенно наморщила лоб. Заметив это, Голубев быстренько попросил:

— Повспоминайте, пожалуйста, повспоминайте... По порядку: как узнали, что Вася в Новосибирский институт поступает, почему он вдруг надумал к вам приехать?..

О том, что племянник уехал учиться в Новосибирск, Мария Захаровна узнала полмесяца назад от брата, Василия отца, который вызвал ее на телефонный разговор, сказал адрес института и попросил съездить туда, чтобы узнать, как Вася устроился с общежитием. На следующий же день после переговоров Мария Захаровна набрала в своем огороде корзиночку свежей виктории, чтоб не с пустыми руками явиться к племяннику, и на утренней электричке отправилась в Новосибирск. В приемной комиссии института ей сказали, что Цветков поселился в общежитии рядом с институтом, по улице Нижегородской, 23. Какая-то девушка, видать, из студенток, проводила Марию Захаровну в это общежитие и помогла найти комнату, куда поселили Васю, однако на месте его не оказалось. Товарищ, живущий с ним, сказал, что Вася «поехал учить на пляж». Вернется поздно вечером.

Мария Захаровна побрела с корзиночкой виктории в обратный путь, на железнодорожный вокзал Новосибирск-Южный. На полпути неожиданно встретила Галину Тюмен-

цеву. Оказывается, Галина приехала с ночевой к подруге, которая живет недалеко от института на улице Гурьевской, и охотно взяла корзиночку, записала адрес и фамилию Васи, чтобы завтра утром передать ему подарок от тети.

— Выходит, с Тюменцевой все-таки Вася был знаком? — уточнил Голубев.

Мария Захаровна отрицательно повела головой:

— Нет, Галина, вернувшись из Новосибирска, сказала мне, что сама не смогла забежать в общежитие и оставила ягоды у подруги, а та якобы обещала отнести.

— Имя или фамилию этой подруги Тюменцева не упоминала?

— Вот не помню... Протараторила: то ли Верка, то ли Ирка...

— Говорят, на днях какая-то подруга у Тюменцевой гостила... — намекнул Слава.

— Чего не знаю, того говорить не буду.

— А что это Вася задолго до приемных экзаменов в институт приехал?

— Подготовительные курсы хотел посещать. Неделю походил на них — ничего нового не узнал и бросил. Самостоятельно стал готовиться.

— А характер у Васи какой? — спросил Слава.

— Вообще-то характер у него материн: вспыльчивый. И уж что зарубит, хоть кол на голове теши, своего добьется. Очень самолюбивый и настойчивый. Взять с тем же институтом... Родители всяко упирались, чтоб он в Новокузнецке учился. Помощь при поступлении обещали — у них там всяких знакомств полно. Нет, сказал, поеду в Новосибирск, поступлю без вашей помощи. И поступит! У него за десятилетку ни единой троечки нет, почти все пятерки. Этим в отца удался. Братец мой сильно башковитый мужик. Главным металлургом комбината работает, а вот дома — размазня. Жена главенствует...

Записав новокузнецкий адрес Цветковых, Слава попрощался с разговорчивой пенсионеркой и заторопился на железнодорожный вокзал.

У киоска «Союзпечати» две молоденькие девушки старательно перебирали открытки с портретами киноактеров. Лысенький киоскер-пенсионер, едва увидев Славу, отрицательно крутнул головой: интересующий, мол, тебя парень так и не появлялся. Слава молча кивнул — дескать, вас понял — и подошел к расписанию поездов. Единственный в сутки поезд из Новосибирска на Новокузнецк проходил райцентр в двенадцать часов ночи. Прикинув, что сидеть сложа руки на вокзале до этого времени будет слишком роскошно, Голубев решил поручить контроль за Васей Цветковым — если, конечно, тот появится, — дежурному сотруднику линейного отдела милиции.

Пожилой приземистый сержант, как узнал Слава, заступил на дежурство в середине дня. Внимательно выслушав словесный портрет Васи и рассмотрев фотографию Грега Бонама, он с украинским акцентом сказал:

— Нэ, такого хлопца нэ видэв. Появится — нэ упушу.

На улице Голубев заметил идущий от железнодорожного переезда желтый мотоцикл ГАИ. За рулем сидел Филиппенко. Слава поднял руку и, когда начальник ГАИ остановился, попросил:

— Гриша, подбрось до прокуратуры.

— Мог бы и на своих двоих прогуляться, — не забыв

еще утреннюю колкость Голубева, усмехнулся Филиппенко, однако тут же скосил взгляд на прикрытую брезентом коляску мотоцикла. — Надевай шлем.

— В такую жару совать голозу в каску!

— Надевай, а то пешком пойдешь!..

Филиппенко плавно тронул с места и, как бы между прочим, спросил:

— Не знаешь, чего Бирюков по Суржикову против меня копает?

— Видать, Гриша, ты маху дал. Антон Игнатьич зря «копать» не станет, — ответил Голубев.

— Очень он умный, как я погляжу.

— Это точно — не дурак!

Филиппенко, сбавляя скорость, пригрозил:

— Пешком пойдешь...

До прокуратуры ехали молча. В кабинете следователя Петра Лимакина одиноко курил судмедэксперт Борис Медников. Здороваясь с ним, Слава спросил:

— Чего здесь прохлаждаешься?

— Кофейку попить зашел да в картишки с прокурором срезаться, — в обычной своей манере флегматично пошутил Медников.

— Заключение, наверное, принес?

— Угадал, сыщик.

— Ну и что там, Боря?

— Паралич дыхательного центра вследствие гипоксии, вызвавшей фибрилляцию желудочков сердца и его остановку.

— Ой, как умно! Другими словами сказать можешь?

— Для умственно отсталых могу: смерть от утопления.

— В такой луже?.. — удивился Голубев. — Там же вошь по колено!

— Захлебнуться можно в ложке, — изрек Медников и многозначительно добавил: — Особенно, если этому поспособствовать... На затылке потерпевшей имеется травма, от которой обычно наступает помрачение сознания. Если в таком состоянии столкнётся человека в воду, утоплено гарантировано. К тому же, красавица была пьяна, что, безусловно, сыграло не в ее пользу.

Вошел Лимакин. Бросив на стол свою папку с материалами расследования, он молча сел на свое место. Слава принялся выкладывать информацию, полученную за сегодняшний день. Когда он упомянул улицу Гурьевскую, на которой в Новосибирске жила подруга Тюменцевой, лицо следователя повеселело.

— Адрес по Гурьевской Тюменцева мне сообщила на допросе, — раскрывая папку, сказал Лимакин. — Мы с Семеном Трофимовичем только что говорили с областной прокуратурой. Там узнали: в квартире по указанному адресу десятый год живет Фарфоров Вадим Алексеевич, а в прошлом году прописалась Крыловецкая Ирина Николаевна, на семнадцать лет его моложе...

— На каком основании оформлена прописка? — перебил следователя Голубев.

— На основании свидетельства о браке...

Лимакину позвонили. По содержанию разговора Голубев понял, что звонит Антон Бирюков.

— Я, кажется, свои дела сделал, — буркнул Медников. — Я пошел...

Закончив разговор, Лимакин сказал Голубеву:

— Слава, надо срочно выбрать из вашей картотеки всех, кто привлекался по уголовным делам, с именем Валерий. Бирюков предполагает, что кража в Заречном и смерть Крыловецкой завязаны в один узел.

— Откуда он звонил?

— Из райпо.

— Чего там?... удивился Голубев.

— Не знаю, — проговорил следователь. — Как упрямый с картотекой, побывай на вокзале, в кассе билетов на транзитные поезда. Бирюков подсказывает, что племянник тети Маруси мог туда обратиться с просьбой о билете до Новокузнецка. Если только уже не уехал в Новосибирск.

9. Железная интуиция

В философии интуицией принято считать непосредственное постижение истины без предварительного логического рассуждения. Не отрицая в общем-то философского толкования, Антон Бирюков приравнивал интуицию к чистой случайности. В своей работе, начиная распутывать замысловатый клубок, он с первых шагов старался проникнуть в самую суть преступления и, когда это удавалось, эмоциональный Слава Голубев обычно восклицал: «Игнатьич! У тебя железная интуиция!»

От Сергея Тюменцева Бирюков получил такие сведения, которыми следовало не только заинтересоваться, но и срочно их проверить. Неискренность Галины Тюменцевой насторожила Антона. Опыт подсказывал ему, что некоторые малодушные люди, впервые оказавшись в роли свидетеля или потерпевшего, начинают нервничать уже от необычности своего положения. Каждый уточняющий вопрос ведущего дознание кажется им подвохом, и, стараясь не попасть впросак, они несут иногда откровенную ахинею. Галина Тюменцева впечатление малодушной не производила, на память не жаловалась. Делая вид, что напугана запиской, оставленной угонщиком мотоцикла, она боялась чего-то другого. Чего?..

Дверь долго не открывали. Лишь после третьего настойчивого стука в сенях послышались шаги и нетрезвый женский голос спросил:

— Валерк, ты?..

— Я, — машинально ответил Антон.

Звякнул отброшенный крючок — в распахнувшейся двери показалась Галина Тюменцева. Прическа ее была изрядно помята, а плотное тело обтягивал такой мини-халатик, что, будь на месте Бирюкова остряк Борис Медников, он наверняка бы пробурчал: «Вы, мадам, очаровательно раздеты».

Немая сцена продолжалась несколько секунд, Тюменцева, придя в себя, демонстративно зевнула:

— А-а-а, опять угрозыск...

— Войти можно? — спросил Антон.

— Я одна дома.

— Тем лучше. Поговорим с глазу на глаз.

Тюменцева, покачнувшись, отступила в сторону, пропуская Антона впереди себя. Миновав сумрачные сени, Антон вошел в чистенькую светлую кухню. Все здесь на

первый взгляд было, как прежде: справа — голубая кафельная печь-плита, слева — полированный современный буфет с обеденными тарелками и простенькими чайными стаканами, рядом — тумбочка с красным телефонным аппаратом, против окна — покрытый яркой клеенкой стол. Сейчас на столе стояла пузатая черная бутылка без этикетки, возле нее — хрустальная рюмочка на тонкой ножке и надломленная плитка шоколада.

Тюменцева переставила одну из табуреток к столу, села, заложив ногу на ногу, и, наблюдая, как Антон садится напротив нее возле кафельной печи, спросила:

— Коньяку хотите?

Бирюков, скосив глаза на необычную бутылку, прочитал выпуклую надпись «КАМЮ».

— Французский?

— Да, восемнадцать рэ стоит, кое-как одну бутылочку на базе райпо у товароведа выпросила.

— Для Валерки?

— Это кто такой?..

— Которому дверь открыли...

Тюменцева пьяным движением руки сорвала с лица паутину и внезапно расхохоталась.

— Выпила я сегодня с расстройством... Уснула и вот, надо же такое!.. Приснилось, что познакомилась с парнем, которого зовут Валеркой, и как будто это он пришел ко мне в гости, стучит, а я никак не могу проснуться... — Тюменцева игриво повела глазами. — Вторую неделю ведь без мужа живу... — Она потянулась к бутылке. — Давайте лучше выпьем...

Бирюков мягко остановил ее руку:

— Не надо пить, Галина Петровна. Я пришел к вам не на свидание. Разговор будет серьезным. С кем приехала из Новосибирска Ирина Крыловецкая?

— Откуда мне знать!

Бирюков посуровел:

— Позторяю: мы не на свидании. С кем приехала Крыловецкая?

— С каким-то парнем! — резко бросила Тюменцева.

— Как его зовут?

— Не знаю!

— Галина Петровна, не ставьте себя в глупое положение... Что у вас горит? — Антон уловил запах горячей тряпки.

— Душа пылает, а вы опохмелиться не даете, — снова перешла на игривый тон Тюменцева.

Заметив эту быструю перемену, Бирюков как бы из любопытства открыл дверцу печи — там медленно дотлевал клоч белой материи с рисунком клякастой волчьей пасти. Догадка осенила Бирюкова. Он повернулся к Тюменцевой:

— Зачем вы сожгли окровавленную футболку?

Тюменцева равнодушно зевнула:

— Попробуйте доказать, что это была футболка.

— Мне, Галина Петровна, не надо этого доказывать, мне достаточно это знать... — собираясь с мыслями, медленно заговорил Антон. — На вашем мотоцикле совершена кража из магазина, покушение на сторожа. Преступление — серьезное. Допустим, мотоцикл у вас действительно угоняли, но... каким образом в вашу печь попала футболка, которая была на одном из преступников?

— Докажите это, — с прежним равнодушием произнесла Тюменцева.

— Не сомневайтесь, докажу, что вы или соучастница преступников, или укрывательница. И в том, и в другом случае вам придется сесть на скамью подсудимых. Перспектива, как вы понимаете, далеко не радостная...

Тюменцева помрачнела. Казалось, она хотела что-то сказать, но никак не могла решиться. Бирюков заговорил снова:

— Вы даже не представляете, какую беду наделали угонщики мотоцикла, и напрасно их укрываете...

— Да не знаю я их! — Тюменцева прижала к пухлой груди скрещенные руки. — Честное слово, не знаю! А футболку подобрала возле брошенного мотоцикла. Свернутая она валялась. Думаю, пригодится вместо тряпки пол мыть. Когда дома развернула, испугалась крови и в печку бросила.

В торопливом ответе Бирюков уловил тревожную нот-

ку то ли неуверенности, то ли раскаяния. Не давая Тюменцевой долго раздумывать, он спросил:

— Все-таки с каким парнем Крыловецкая приехала из Новосибирска? Как его зовут?

— Васьком Ирка называла.

— А кто звонил из Новосибирска, когда Сергей с Моховым были у вас?

— Почему из Новосибирска?..

— Семичасовая электричка к нам только оттуда приходит.

Тюменцева уставилась было на Бирюкова, но тут же потупилась:

— Вадим звонил, муж Ирины. Ревнует он ее по-сумасшедшему. А чего, спрашивается, ревновать, если Ирка капитально решила с ним развестись...

Бирюков с облегчением понял, что наконец-то Тюменцева сказала правду. Результат дальнейшей беседы полностью зависел теперь только от его сообразительности

и чутья. Задавая вопрос за вопросом, Антон помог Тюменцевой «вспомнить», что муж Крыловецкой все-таки приехал в райцентр с семичасовой электричкой, позвонил с вокзала и, узнав, что Ирина ушла на танцы, резко повесил трубку. «Вспомнила» Галина Петровна и фамилию Васька. По мнению Тюменцевой, у Ирины насчет Васьки были какие-то дальние планы, однако в предпоследний день они крупно поссорились, после чего Васек даже не пришел отметить девятнадцатилетие Крыловецкой.

— Что Ирина привезла с собой из Новосибирска?

— Дипломатка ее вон там стоит, можете посмотреть.

Бирюков осторожно перебрал содержимое чемоданчика: светозащитные очки в тонкой роговой оправе «Нанси», косметичка с набором красящих премудростей и флакончик духов «Елена», четыре нераспечатанные пачки сигарет «Мальборо» и сборник повестей Франсуазы Саган «Немного солнца в холодной воде». В книге, словно закладка, лежал в целлофановой обертке паспорт на имя Крыловецкой Ирины Николаевны. Фотография в паспорте, казалось, была точной копией той, которую нашли разорванной возле пожарного настила на берегу озера. На страничке «Семейное положение» стоял прошлогодний штамп о регистрации брака с Фарфоровым Вадимом Алексеевичем 1942 года рождения. Через неделю после регистрации была оформлена прописка по улице Гурьевской. До этого чернели два штампа с прописками по улицам Дмитрия Донского и Тургенева.

— Откуда у Ирины эти сигареты? — показывая на яркие пачки «Мальборо», заинтересовался Антон.

Тюменцева вздрогнула:

— Не знаю, она всегда такие курила...

— В вашем районе их продают?

— Да... откуда мне знать... — неопределенно ответила Тюменцева и вроде бы смутилась: — Сама я не курю...

— А Вася Цветков курит?

— Нет, кажется... Впрочем, за компанию с Иркой иногда баловался.

— Он на вашем мотоцикле позавчера днем куда не ездил?

— Позавчера я весь день дома не была — отпуск оформляла. Ирина тоже со мной ходила. Вернулись после шести, вскоре Вася пришел... Тут они и сцепились с Ирккой.

— А вообще Цветков умеет управлять мотоциклом?

— Не знаю...

— Какие драгоценности были у Ирины?

Мутноватые глаза Тюменцевой заблестели:

— Ой, дорогие!.. Перстень золотой с бриллиантами за три тысячи сто пятьдесят шесть рублей с копейками ей муж подарил в день бракосочетания, и еще Ирка носила красивую золотую печатку.

— С этими украшениями Крыловецкая и ушла на танцы?

— Да! Она их даже на ночь никогда не снимала.

— Следовательно показывал вам труп Ирины для опознания?

— Показывал, но я, честное слово, кроме лица, ничегошеньки не разглядела.

Комната, куда они прошли посмотреть чемоданчик Ирины, была обставлена полированной мебелью. Вместитель-

ный импортный сервант до отказа был заставлен хрустальной посудой, а полки книжного шкафа, входящего в состав гарнитура, пустовали. Лишь на одной из них красовались сидящие, как на смотринах, нарядные дорогие куклы и лежали друг на дружке две колоды игральных карт; верхняя — основательно потрепанная, нижняя — совершенно новая, в упаковке.

— Сейчас, Галина Петровна, пригласим понятых, и я заберу у вас чемоданчик до выяснения причины смерти Крыловецкой, — сказал Бирюков.

— Зачем понятых?! — испугалась Тюменцева. — Заберите просто так.

— Просто так — нельзя. Закон порядка требует...

Выйдя от Тюменцевой, Антон зашел к ее соседу шоферу Исакову и без труда уточнил, что когда Галина везла мотоцикл к дому, никакого свертка у нее не было.

«Это и требовалось доказать»... — мрачно подумал Антон и, взглянув на часы, торопливо попрощался с Исаковым. День близился к концу, а надо было сегодня же зайти в контору райпо.

Директор объединения розничной торговли принял Бирюкова очень любезно. По-спортивному стройный, он, несмотря на жару, был при галстuke и в новеньком замшевом лиджаке с институтским ромбиком на лацкане. Едва Антон заговорил о краже из Зареченского магазина, директор посмурнел и откровенно признался, что завмаг Тоня Русакова сообщила ему о неисправности охранной сигнализации, но, замотавшись в повседневной текучке, он не сумел своевременно принять меры... Срочным учетом выявлена в магазине недостача четырехсот семидесяти пяти рублей, то есть воры взяли только лордовские запонки. Восемнадцать рублей — стоимость коньяка «КАМЮ» — в недостачу не включили. Магазин — не место для хранения личных ценностей.

— Этот коньяк меня особо интересует, — сказал Антон. — Его в свободной продаже не было?

Директор смутился:

— Нет, конечно. По чистой случайности к нам на базу попало всего десять бутылок.

— Можно узнать, сколько из них осталось?

— Попробуем. Сейчас приглашу товароведа...

Минут через пять в кабинет вошла белокурая молодая женщина. По ее словам, из десяти бутылок «КАМЮ» семь находятся до сих пор на складе.

— Где три остальных? — строго спросил директор.

— По фактуре отпустила Центральному гастроному, — быстро ответила товаровед.

Директор хотел что-то сказать, но Бирюков опередил его:

— Кто купил эти три бутылки? — и чтобы не тянуть время, сразу добавил: — Одну — завмаг из Заречного Русакова. Кто — две других?..

Сбитая с толку осведомленностью незнакомого ей человека, товаровед призналась, что вторую бутылку незаконно продала сотруднице кулинарного магазина Галине Тюменцевой, а третью купила сама.

— Люба! Я вас уже предупреждал... — заговорил директор объединения, однако Бирюков, извинившись перед ним, поинтересовался у товароведа сигаретами «Мальборо».

Оказывается, эти сигареты были такой же редкостью в райпо, как и французский коньяк. Прислали их всего десять блоков, по пятьдесят пачек в каждом блоке. Сигареты дорогие, поэтому особым спросом не пользуются. Один блок «Мальборо» взяла с базы завмаг продовольственного магазина из Заречного...

Бирюков попросил директора созвониться с заведующей Зареченского продмага, и узнал, что там за два дня разошлось всего пятнадцать пачек «Мальборо». Пять в первый же день купил какой-то молодой парень, а остальные из любопытства к заграничной этикетке взяли местные жители...

10. Люди гибнут за металл

С Павлом Моховым был долгий разговор. Бирюкову не хотелось касаться прошлого, но Павел сам начал. Видно было, что сидела в нем боль за некогда совершенное преступление, и некому было излить эту боль. А Бирюков все знал, и это побуждало к откровенности. «С чего у меня пошло? — говорил Мохов. — С подначки старого щипача Пшенди. Это он подбил увести первый мотоцикл...

У таких, как Пшендя, подлый закон: сам замаран — другого замарай. Потом тверди недоростку, пугай его: дороги нет назад — заметут, жить хочешь — держись за меня, сопляк, одна у нас теперь дорожка... Ну и я, конечно, был лопух лопухом. Верил гаду...»

Еще и потому, может быть, вспомнил Мохов свое безрассудное и горькое прошлое, что теперь-то мог гордиться собой.

Бирюков не перебивал, чувствовал — надо человеку выговориться. Не часто, к сожалению, приходится работникам милиции вот так — уже на равных — беседовать с бывшими их подопечными.

Помаленьку перешли к событиям последних дней, к Тюменцевым, Сергею и Галине.

— Сергей, повторяю, — убежденно сказал Мохов, — мировой парень. С женитьбой только подзапутался — любит он Галку, собаку.

— Зато ты, похоже, ее ненавидишь...

— Точно. У нее ж на морде написано, что она дура ватой набитая.

— Я этого не заметил, — умышленно возразил Бирюков.

— Ха! Галку с первого раза не расколешь. Когда дело касается жульничества, верткой становится, как змея.

— В чем Тюменцева жульничает?

— Во всем... Мужики рассказывают, когда Сергей служил в армии, Галка такие рога ему наставляла, что закачаешься. А обстановочку в ее доме смотрели? Импортный гарнитур с книжным шкафом завела.. Кукол вместо книг насадила... Мохов ухмыльнулся. — Со временем, конечно, понакупает и книг — мода теперь такая. Только, спрашивается, зачем нужны Галке книги, если она, как говорится, всего один букварь на двоих с братом прочитала?..

— Давно ее знаешь?

— Порядком. До последней судимости со старшим Галкиным братцем корефанил. Такой же ханыга.

— Где он теперь?

— В Новосибирске вроде болтается. Нынче весной случайно в зоопарке его встречал. Говорил, будто служителем или смотрителем каким-то там работает. Поддатый был крепко, выгибаться передо мной начал. Плюнул я и разговаривать с трепачом не стал.

— Скажи, Павел, а среди знакомых Галины Тюменцевой какой-нибудь Валерка есть?

Мохов бросил на Бирюкова удивленный взгляд:

— Так этого братца Валеркой и зовут. Воронкин фамилия. Раньше он мышковал по чужим карманам, а последний раз завалился, кажется, на магазинном деле.

— А куда подевался Пшендя?

— Водкой, паразит, захлебнулся.

Вопрос этот Антон задал не случайно. Павел натолкнул: довольно часто на первое преступление сбивает подростков опытный уголовник. Если Вася Цветков виновен, то кто-то постарше мог быть «вдохновителем».

Они разговаривали с Моховым в красном уголке гормолзавода. Близился вечер, им никто не мешал. Бирюков уточнил кое-какие детали показаний Тюменцевых, про «невинно пострадавшего» Суржикова вспомнил и тепло простился с Павлом...

На перроне железнодорожного вокзала Антон увидел Голубева и по его сияющему лицу догадался, что у Славы есть новости.

— Ну, Игнатъич, у тебя железная интуиция! — торпливо заговорил Голубев. — В кассе утверждают, что парень, похожий на нашего, утром купил плацкартный билет до Новокузнецка в девятый вагон поезда шестьсот пять. Поезд приходит к нам в двенадцать ночи.

— Остановись, Славочка, а то задохнешься, — улыбнулся Антон. — Картотеку проверил?

— Так точно. Всего один Валерка за последние пять лет у нас проходил.

— Воронкин?

— Так точно. Валерий Петрович... — Голубев ошарашенно уставился на Бирюкова. — Как догадался?

— Секрет фирмы, — шутливо сказал Бирюков. — Что же Валерий Петрович натворил?

Голубев это запомнил почти наизусть. Уголовное дело, по которому, согласно картотеке, последний раз привлекался к судебной ответственности Воронкин, было четырехлетней давности. 31 декабря около восьми вечера в дежурную часть райотдела вбежала перепуганная девушка и заявила, что шла на бал-маскарад, и у Дома культуры неизвестный парень, угрожая пистолетом, отобрал у нее завернутые в газету туфли. Лицо парня потерпевшая не разглядела, но запомнила на его черной шапке болтающийся, как надорванный, козырек. Дежурный тут же направил оперативную машину... Объехав почти весь район, патруль вернулся с пустыми руками. Ровно в полночь, под перезвон транслируемых по радио курантов, на пульте охранной сигнализации внезапно сработал сигнал тревоги из промтоварного магазина ОРСа железнодорожников. Немедленно выехавшая туда оперативная группа обнаружила на месте происшествия оставленную впопыхах преступником черную шапку с надорванным козырьком. Обнюхав шапку, служебно-розыскная собака уверенно взяла след, и вскоре был задержан

с поличным изрядно выпивший Валерий Воронкин, ранее привлекавшийся за карманные кражи. При обыске у него изъяли самодельную зажигалку-пистолет, какие нередко тайком мастерят бывалые умельцы в исправительно-трудовых колониях. По совокупности Воронкин получил четыре с половиной года.

— Сколько ему сейчас лет?

— При последней судимости было девятнадцать, плюс четыре, итого двадцать три годика получается, — быстро сосчитал Голубев. — Но выглядеть он должен значительно моложе, потому что комплекцию имеет не богаче моей, а маленькая собачка до старости щенков.

Вот-вот должен был подойти очередной электропоезд. На перроне томились редкие пассажиры. Мороженщица бойко рекламировала свою продукцию:

— Одно мороженое заменяет сто грамм яблочного вина! Молодежь, налетай — подешевело!..

Слава, вытирая носовым платком вспотевший лоб, кивнул в сторону звонкоголосой торговки:

— Остограммимся?..

Бирюков посмотрел на часы:

— Подождем, сейчас электричка пройдет — тогда.

Электропоезд прибыл через три минуты. Распахнув двери, он быстро всосал в себя отъезжающих и, гукнув сиреной, умчался дальше. Около десятка приехавших потянулись к автобусной остановке. Мороженщица, окинув взглядом опустевший перрон, принялась считать выручку. Бирюков невольно загляделся на ярко сверкающее при каждом движении пальца золотое кольцо с замысловатым вензелем-печаткой. Припомнив, что никогда прежде не видел у нее столь броской вещицы, из простого любопытства спросил:

— Где раздобыли такое симпатичное колечко?

— Где раздобыла, там больше нет, — бойко ответила мороженщица, пряча деньги в пришитый с внутренней стороны белого халата карман.

— А точнее?..

— Зачем тебе, золотце, точно знать — все равно там уже не купишь.

Что-то заставило Бирюкова проявить упорство. Он показал служебное удостоверение. На какое-то время мороженщица, казалось, потеряла дар речи. Затем, перепуганно округлив большие карие глаза, выпалила:

— Чес-слово, не знала, что кольцо ворованное!

Бирюков ничуть не изменился в лице.

— Откуда оно у вас?

— Сегодня часов в одиннадцать утра здесь, на перроне, у молодого парня за свои собственные купила, — про тараторила мороженщица.

— Сколько заплатили?

— Пятьдесят рубчиков, а кольцо-то, может, фальшивое. Я в золоте не разбираюсь, на риск пошла.

— Как тот парень выглядит?

— Не помню.

— Пройдемте в вокзал, к дежурному линейного отдела милиции.

— Зачем в милицию?..

— Чтобы вспомнили парня, у которого кольцо купили.

— Я уже вспомнила! Высокий, здоровый, в джинсах и синей рубашке с короткими рукавами.

— Вася Цветков... — тихо сказал Бирюкову стоявший рядом с ним Слава Голубев.

— Пройдемте к дежурному милиции.

Знакомый Славе Голубеву пожилой сержант из линейного отдела милиции, узнав суть дела, упрекнул мороженщицу:

— Ну как же вы, Муранкина, такую покупку противозаконную совершили?

— Як? Як? Вот так! — огрызнулась.

Глядя на сияющее золотом кольцо, сержант осуждающе покачал головой:

— Прямо, як у той опере, где поется, шо люди гибнут за металл...

Попросив у него необходимые бланки протоколов, Бирюков сказал мороженщице:

— Колечко мы у вас заберем. — И повернулся к Голубеву. — Пригласи понятых...

Направившись в прокуратуру, Антон и Слава Голубев по пути успели перед самым закрытием заглянуть в районный универмаг. Заведующая отделом галантереи, где продавались золотые изделия, едва взглянув на предъявленное кольцо, сказала, что таких у них не было.

— А в других магазинах райцентра? — спросил Бирюков.

— Золото только у нас бывает... — Заведующая подозвала молоденькую продавщицу. — Зоя, кажется, у тебя точно такое?

— Такое, Анна Денисовна, — повертев кольцо, подтвердила продавщица.

— Где покупала?

— Месяц назад в Новосибирске, в «Яхонте». Вместе со мной такое же колечко Нина Муранкина купила. Знаете, на железнодорожном вокзале мороженым торгует...

Слава Голубев с нескрываемым удивлением уставился на Антона Бирюкова и заметил, как тот сосредоточенно нахмурился. Не меньшее удивление выразил и следователь Лимакин, когда Бирюков пересказал ему загадочную историю с кольцом. Все трое стали прикидывать возможные версии, однако ничего путного не получилось.

— Надо задерживать Цветкова! — заявил нетерпеливый Слава Голубев.

— Нет оснований, — возразил Бирюков.

— Ну, как же, Игнатьич!.. — Слава принял загибать пальцы. — Во-первых, Вася унес туплю из клуба, во-вторых, ночевал с Крыловецкой у Тюменцевой, в-третьих, золотое колечко...

— Надо, Слава, побеседовать с Цветковым. Приди пораньше к поезду. Возможно, Вася действительно надумал вернуться в Новокузнецк.

— Правильное решение, — поддержал Бирюкова Лимакин и спросил: — Что будем делать с мужем Крыловецкой? Вызовем сюда для официального допроса, или, может быть, Антон Игнатьевич, вначале повстречаешься с ним, так сказать, неофициально?

Бирюков задумался:

— Если сегодняшняя ночь не подбросит сюрпризов, съезжу-ка я, Петя, завтра в Новосибирск к этому Фарфорову Вадиму Алексеевичу, посмотрю, что он собою представляет...

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

Небывальщина

Алексей
ДОМНИН

Рисунок
В. Меринова

Крестьянину конь — что портному игла.
А у меня — ни двора, ни угла,
Избенка сгорела, остался забор
Да на воротах железный замок.
Гляжу — по забору ползет таракан,
Накинул ему я на шею аркан,
Росточком он мал, чуть поболье кота,
Двенадцать вершков от ушей до хвоста,
А если в обратном порядке считать,
То будет, наверно, вершков двадцать пять.
Он вдруг рассердился и встал на дыбы,
Копытами снес половину избы.
Мне сразу подумалось: вот чудеса!
И дал ему добрую меру овса.
Решил я: он будет мне добрым конем,
Верхом я полсвета объездил на нем.
Он сено жевал и в хлеву отдыхал.
На нем я по снегу все поле вспахал,
Посеял тринадцать капустных вилок.
И вдруг появляется стая волков:
Я им говорю, мол, замерзли в лесу,
Я вам огонька для костра принесу.
Они говорят: мы тебя погодим,
Покуда лошадку твою доедим.
А конь мой — в галоп, я — в сугроб из саней!
Умчалась лошадка и волки за ней.
Пока за ружьишком я бегал в село
И в поле вернулся — уже рассвело.
Смотрю — и понять ничего не могу:
Пять волчьих тулупов лежат на снегу.
Но тут мой коняга ко мне прибежал
И облизнулся, и тихо заржал:
— С волками пришлось мне возиться всю ночь,
Из собственных шкур я их вытряхнул прочь...
Я эти тулупы три лета носил,
Купался в реке в них и сено косил.
А если мне кто-нибудь скажет: «Я вру»,
Поверьте, от этого я не помру.

КАК ИЗМЕНЯЕТСЯ ПРИРОДНАЯ СРЕДА ПОД ВЛИЯНИЕМ ЦИВИЛИЗАЦИИ? ИСТОЩАЮТСЯ ЛИ ПРИРОДНЫЕ ЗАПАСЫ? КАКОВЫ ЛАНДШАФТ МЕСТНОСТИ, ЕЕ РЕЛЬЕФ, ПОРОДЫ, СЛАГАЮЩИЕ ЕГО, ПОЧВЫ, ВОДА, РАСТИТЕЛЬНЫЙ И ЖИВОТНЫЙ МИР?

СОТНИ СЛЕДОПЫТСКИХ ОТРЯДОВ СТОЯТ НА ОХРАНЕ ПРИРОДЫ — ИЗУЧАЮТ, БЕРЕГУТ, ОТКРЫВАЮТ БОГАТСТВА РОДНОГО КРАЯ, ПРИНИМАЮТ ПОСИЛЬНЫЕ МЕРЫ К СОХРАНЕНИЮ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ.

● Музей флоры и фауны создан в Кузнецкой средней школе Аргаяшского района [Челябинская область]. Много лет руководит школьными следопытами, собирающими экспонаты для музея, учитель биологии и географии Герой Социалистического Труда В. М. Леднев.

● Курс «Охрана природы» введен в Свердловском сельскохозяйственном институте. Будущие зооинженеры узнают о мерах по охране животных, растительного мира, воды, по рациональному использованию пастбищ; агрономы, инженеры-механики — о мерах по охране земель, предупреждению почвенной эрозии. Обязательным разделом охрана природы входит и в дипломные работы.

● В дар Далматовскому историческому музею передана коллекция «Минералы Урала», собранная свердловчанами Марией Семеновной и Виктором Анатольевичем Карпуниними. Яшмы, сердолик, родонит, флюорит, нефрит — более ста образцов в коллекции.

● Комсомольцы судоремонтники из Литвы совершили лыжный поход по Кольскому полуострову, повторив маршрут экспедиции А. Ферсмана, открывшей богатые месторождения апатитов.

● Родниковая семейка

Какая была раньше речка Вельшанка!.. Сколько рыбы водилось... Обидно ребятам из Вахновской школы Винницкой области слышать это от стариков. Мелеет, мутнеет река...

Осмотрели школьники берега, русло, узнали, чем питается речка: семь ручейков бегут в Вельшанку, а у истоков каждого ручейка — чистый родник.

Отряд «Голубые патрули» решил: надо найти новые родники, привести их в порядок, соединить с речкой. Родничкам, которые открывали, давали имя: «Водограй», «Хрустальный», «Дружная семейка»... Где ближе речка, приток, ручей — туда и роют школьники канавки, сажат деревья по бережкам.

Седьмой год бегут к речке новые струйки. Ожила Вельшанка, вода в ней стала чище.

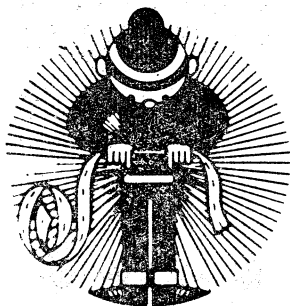
● Каменный лик края

Библиотека, лаборатория, архив, хранилище образцов — так можно назвать этот музей, и ни в одном названии не будет ошибки. Собирал все то, что сейчас считается экспонатами, восемьдесят пять лет назад русский ученый, профессор Евграф Степанович Федоров. В 1894—1899 годах он работал в этих местах. К материалам, собранным Е. С. Федоровым — запискам о геологическом строении округа, отчетам, кернам, шлифам, — обращалось не одно поколение уральских геологов и горных инженеров.

Теперь все эти богатства хранит геологический музей школы № 24 в городе Краснотурьинске.

В хранилище находятся 22 тысячи образцов минералов, горных пород и окаменелостей, 51 тысяча шлифов, 2500 различных чертежей и планов. Уникальное собрание представляет библиотека — около четырехсот томов специальной литературы.

Немало месторождений подсказали советским геологам федоровские материалы: Белкинское месторождение огнеупорных глин, Вадимо-Александровские медные руды, Волчанские угли... В федоровском музее в свое время работал геолог Н. А. Каржавин — открыватель знаменитой «Красной шапочки»: сопоставив пять тысяч образцов пород и обнаружив в четырнадцати из них большое содержание бокситов, он точно «вышел» на самое большое в стране месторождение бокситовых руд...

СЛЕДОПЫТСКИЙ

телеграф

• Гербарий гимназиста Фрунзе

Краеведы Ленинградского Дворца пионеров разглядели однажды старый гербарий. На коллекции была надпись, что собрана она в 1903 году учеником гимназии из города Верного Мишей Фрунзе. Дотошные ребята приметили, что на этикетке каждого засушенного растения обозначено место, где оно было взято. Все пункты проследили ребята по карте, и тут родилась мысль: ведь это же готовый маршрут!

Путешествие началось из бывшего города Верного — теперь Алма-Аты. Маршрут лежал через три хребта Тянь-Шаня, по местам, связанным с юностью легендарного полководца Михаила Васильевича Фрунзе. Задачу свою ребята выполнили — собрали такой же гербарий.

Отличительная черта краеведческого кружка в Ленинградском Дворце пионеров — он работает на научной основе. Руководит им кандидат наук Г. Усыпкин. Школьники берут серьезные задания, работают по рекомендациям ученых. Одна из последних экспедиций — по Тихвинской водной системе: ребята подробно описали ее каналы, шлюзы, плотины.

• Есть свое открытие!

Белый мрамор... Камень Праксителя, Микельанджело, Родена... И в наши дни вызывают удивление, восхищение работы древних и средневековых скульпторов, высеченные из этой горной породы и хранящиеся в лучших музеях мира. Этот камень был любим старыми ваятелями.

Открытием белого мрамора увенчались работы южно-киргизской геологической экспедиции, в которой принимали участие ребята из 3-й школы города Кок-Янгак. Юные геологи имеют теперь на своем счету открытие ими месторождение белого мрамора. Образцы доставлены в школьный музей. Они заняли почетное место рядом с агатами, яшмой, горным хрусталем, малахитами... Все богатства края представляют экспозиции музея, и все они добыты ребятами в недрах Тянь-Шаня.

• Сюрпризная находка

Среди хребтов Тукурингра и Соктахан в Амурской области расположилось искусственное Зейское водохранилище. Водохранилище — это не только энергия электростанций, это — преграда наводнениям, это свободный путь речным судам, это тысячи гектаров вовлеченных в сельскохозяйственный оборот свободных земель.

Снежногорская средняя школа по предложению директора Леонида Сергеевича Долотова взяла под наблюдение и контроль прилегающую к поселку береговую зону Зейского водохранилища. И однажды школьная экспедиция обнаружила в четырехметровой толще диатомитов — осадочной горной породе, образованной ископаемыми водорослями, — отпечатки древних насекомых, растений, бивень мамонта.

Об этих своих открытиях ребята-следопыты написали в биологический музей Московского государственного университета. Сообщением учащихся заинтересовались ученые. Ребята получили рекомендации, как вести дальнейшую работу. Все школьные экспедиционные отряды теперь имеют план изучения зоны водохранилища.

• Знаешь ли ты свой край

Далеко не каждый умеет сделать чучело зверя или птицы. Те, кто бывал в музее средней школы в поселке Усть-Нюкжа на БАМе, видели прекрасно оформленный уголок фауны: здесь представлены птицы, пушные звери, лось, изюбр, дикий северный олень — все, чем богата окружающая поселок тайга. Эти чучела выполнены не профессиональным таксидермистом — их сделали сами учащиеся.

Усть-нюкжинский музей известен далеко за пределами БАМа. Часть этнографических экспонатов получила в музей истории в Тынде; рисунки ребят, показывающие красоту родной природы, выставлялись в Варшаве; большое одобрение специалистов получила топонимика БАМа, составленная усть-нюкжинскими школьниками.

Юные краеведы взяли шефство над памятниками природы в своем районе, в том числе над знаменитым историческим памятником «Наскальные писаницы».

• Подарок старого агронома

Первый агроном Мокроусовского района Курганской области Павел Александрович Федотов подарил сельскому краеведческому музею свою личную библиотеку: десятки томов редких изданий по сельскому хозяйству и использованию местных земель. Среди книг есть первые советские издания по сельскому хозяйству, географические карты, атласы, сельскохозяйственный календарь за 1897—1898 годы и другие.

По следам дневника

Леонид
ГОЛУБЕВ

Когда сносили один из старых домов Северского поселка, что в городе Полевском, среди обломков и мусора нашли мятую, пожелтевшую от времени тетрадь. Кто-то из строителей принес ее мне. Я перелистал дневник и остановился на одной из записей, где упоминалось о северских героях времен гражданской войны и о приезде в город Полевской красного комиссара Андрей Андреевича Андреева. Автор дневника перечислил местных большевиков, с которыми встречался А. А. Андреев — Андрей Неуймин, Александр Григорьев, Владимир Удалов, Аркадий Ялунин, Яков Костырев.

О пребывании А. А. Андреева на Северском заводе никогда в печати не упоминалось. Был ли он в Полевском, как уточнить и подтвердить то, что писалось в дневнике?

Вдова Владимира Ивановича Удалова Фелицата Андроновна сказала, что примерно в середине 1918 года в Северский действительно приезжал Андреев, но был ли то Андрей Андреевич или кто-то другой, она не знает.

— Вам бы с Костоусовым поговорить, — посоветовала она. — Он в то время жил в Северском и был в Ялунинском отряде. Помнится, что у него какой-то красный комиссар скрывался...

Небольшой домик с двумя окнами на заводскую улицу. Дверь открыл широкоплечий среднего роста старик с пышной бородой. Он выслушал меня, ухмыльнулся и, пригладив свою удивительную бороду, проговорил:

— Андрей Андреич Андреев, говорите? Как же, знавал, хорошо помню его. Да и как красного комиссара не помнить. Больше десяти дней скрывался он у меня, жил он в этой горенке, а бывало и ночевал в баньке.

Большую и трудную жизнь прожил Константин Александрович Костоусов. Когда на юге Урала вспыхнул белогвардейско-чехословацкий мятеж, рабочие уральских заводов решили дать отпор врагу. 21 мая 1918 года в город Полевской приехал Андрей Андреевич Андре-

ев. Ему поручалось вместе с коммунистами завода организовать добровольческий отряд северских рабочих. На второй же день своего пребывания Андрей Андреевич вместе с председателем Северского Совета рабочих депутатов Андреем Андреевичем Неуйминым провел возле церкви, на горе, собрание заводских рабочих.

За несколько дней на заводе была организована дружина в тысячу штыков. Командиром назначили передового рабочего коммуниста Александра Семеновича Григорьева. Отдельным батальоном стал командовать его друг — Аркадий Алексеевич Ялунин.

Константин Александрович посоветовал еще обратиться к Владимиру Сергеевичу Плотникову. Да, Владимир Сергеевич много рассказывал. И то, как первым ушел из Северска отряд Григорьева, вторым — Ялунина. И то, как наступали колчаковцы. Северские добровольцы горными тропами подошли к Екатеринбург, чтобы остановить врага.

Шли жаркие бои. Колчак бросал подкрепления. Григорьев отошел к Перми, а Ялунин — к Полевскому. А в родном городе в то время хозяйничали белогвардейцы. Они сбились с ног — искали красного комиссара А. А. Андреева.

В июне 1919 года части Красной Армии освободили Полевской.

Когда закончился поиск, я решил — тогда еще был жив А. А. Андреев — написать ему письмо. Через некоторое время пришел ответ:

«Ознакомившись с Вашим письмом, насколько я могу припомнить обстоятельства своего пребывания на заводе Полевского, могу сообщить кратко следующее. Мне довелось по поручению областного комитета партии... выехать на Сысертский и Полевской заводы, кажется, в мае или июне 1918 года. В то время в связи с белогвардейско-чехословацким мятежом между Кыштымом и Челябинском проходил фронт. Во время пребывания на Полевском заводе в мою задачу входило совместно с партийной организацией завода и завкомом подготовить на всякий случай оборону завода, нала-

дять на заводе производство необходимых предметов обороны и провести соответствующие меры по добровольной вербовке рабочих в военные части для фронта.

Мне пришлось провести в это время на заводе несколько дней. Вот все, что могу Вам кратко сообщить по Вашему письму...

С приветом А. А. Андреев»,

Курганские дни Всеволода Иванова

**Виктор
МАРКОВСКИЙ**

Когда Алексей Максимович Горький готовил к изданию первый номер первого советского толстого журнала «Красная новь», то из молодой прозы он взял повесть Всеволода Иванова «Партизаны».

Творческий путь Вс. Иванова связан с городом Курганом — здесь он жил дважды.

До первой мировой войны Всеволод Иванов работал в Кургане... артистом балагана, а также в типографии.

Начитавшись приключенческих романов, он решил отправиться в Индию, чтобы изучить на месте опыт факиров.

Много лет спустя он рассказал о своем путешествии в романе «Мы идем в Индию». О Кургане он сказал так: «Я люблю этот город. Он довольно обширен, есть заводы, мельницы, две типографии, большая общественная библиотека. Главное — я встретил здесь немало умных и ученых людей. Жаль покидать Курган!»

К факирам он не попал. Дошел только до Бухары, откуда снова пошел в Курган. Во время этого путешествия он видел волнения пере-

Вот такую страницу биографии А. А. Андреева — члена КПСС с 1914 года, активного участника Октябрьской революции, видного советского и партийного деятеля — удалось восстановить в результате краеведческого поиска.

селенцев, забастовки: «...была беспощадная глушь, необузданная темень, нелепое и толстомордое самоуправство». Но все-таки от путешествия осталось светлое чувство: «А какие превосходные люди шли со мной! Гордые, ловкие, смелые, терпеливые. Я узнал среди них учительного и героического столько, сколько, пожалуй, не узнал бы и в самой Индии, попади я туда».

И вот вновь Курган. Другим человеком стал Всеволод Иванов. И город стал другим — шла война, и люди изменились. Первым среди новых друзей наборщика Курганской типографии стал поэт Кондратий Худяков, «прозрачайший и красивый человек».

Вс. Иванов продолжал много читать. Но уже не приключения. Он услышал о Горьком. Каждая новая прочитанная книга Горького, по словам Вс. Иванова, окатывала его восторгом перед жизнью и человеком.

Однажды Вс. Иванов рассказал К. Худякову степную легенду. «К. Худяков посоветовал мне то, чего мне хотелось: «Напishi и пошли в газету».

Так впервые в печати появилось имя молодого писателя.

Следующее произведение — рассказ «На Иртыше» он решил послать М. Горькому в Петроград. «Послал и молчаливо стал ждать славы. И удивительней всего, что это ожидание славы — в первый и последний раз — не обмануло меня».

В Курган пришел ответ.

Алексей Максимович похвалил рассказ, обещал напечатать его в сборнике произведений писателей-пролетариев. Он писал, что у автора есть дарование, советовал развивать его, писать больше, посылать рукописи ему.

«Берегите себя!» — писал Горький.

Вс. Иванов восклицал: «Не я берег себя, а меня сберегли эти слова!»

Осенью 1916 года Вс. Иванов пишет: «Одновременно с этим письмом посылаю рассказ «Степная царевна» и книгу стихов Кондратия Худякова. У этой книги есть небольшая история, которую я и расскажу Вам. Автор, мой товарищ и друг, — крестьянин, приехал в город лет 5 тому назад, самоучка из старообрядцев и сам научился писать вывески, теперь вот и живет этим! Познакомился я с ним случайно — прочитал стихи... Если не дороги стихи, то дорого то, что человек хочет искать лучшего».

Много было написано в Кургане и послано А. М. Горькому рассказов. Но целая эпоха должна была пройти, чтобы рассказы были напечатаны. Так, «На Иртыше» увидел свет уже при новой власти в 1918 году.

В Кургане Вс. Иванов встретил свержение царизма.

В Кургане его выдвинули в Совет рабочих и солдатских депутатов.

В Кургане его избрали делегатом конференции работников печатного дела Западной Сибири. Он уехал на конференцию в Омск, там и встретил Октябрь.

Незабываемый след оставил Всеволод Иванов в литературе. В его щедром, многоцветном творчестве отразились и впечатления курганских дней.

Есть такая станция...

Виталий
КУРКОВ

Есть такая станция на железной дороге — Пионер. Почему Пионер? Откуда у станции это имя? Был ли какой-то особенный пионер на Кубани — там расположена станция, — или она получила свое название так же «обыкновенно» в те же годы, когда вставали станции с другими звучными именами — Коммунары, Красное Знамя, Тачанка, Свобода, Рабкор, Совнаркомовская, Домна, Прогресс, Смычка, Тракторострой, Победа?..

30 октября 1837 года состоялось торжественное открытие первой русской железной дороги. Тогда названия станциям не надо было придумывать — вся и дорога тридцать верст. Начало пути Санкт-Петербург, конец — Царское Село. Теперь эти станции называ-

ются по-другому. Царское Село стало городом Пушкином — здесь в лицее будущий великий поэт учился. А станция как была Селом, так Селом и осталась, только теперь уж, конечно, не Царским. Станция в Пушкине называется Детское Село. А в самом Ленинграде теперь столько железнодорожных станций, что многие из них носят двойные и даже тройные имена: Ленинград-Финляндский, Ленинград-Варшавский, Ленинград-Московский-Сортировочный. А та первая станция, откуда пошел первый в России поезд, зовется Ленинград-Витебский.

Следующая линия соединила две столицы — Петербург и Москву. Перед Октябрьской революцией сеть железных дорог в России имела протяженность более 70 тысяч километров. Последняя стройка того периода удивила размахом и инженерной дерзостью весь мир: Великий Сибирский путь открыл дорогу к океану.

Теперь в нашей стране около 150 тысяч километров железных дорог, более 10 тысяч станций. Пассажирский поезд за сутки проходит примерно одну тысячу километров. Будь такой круговой маршрут, то без пересадок и остановок пришлось бы ехать полгода! Великой железнодорожной державой называют нашу страну.

Когда строители прокладывали рельсы по местам обжитым, они давали имена станциям просто — по городам, селам, рекам,

озерам. В иных же случаях приходилось фантазировать. А иной раз и фантазии не хватало. Вот хотя бы тот же Великий Сибирский путь. Переход через Обь построили, станцию назвали Обь. Потом на этом перекрестке вырос город — сперва Ново-Николаевск, затем дали городу другое имя — Новосибирск. Но тогда дорога пошла дальше на восток, надо ставить станцию, а вокруг ни речки, ни избушки — сплошная тайга. Вот тут и не стали фантазировать — тайга так тайга, пусть и станция будет Тайгой.

Есть на железных дорогах станции, имена которых скромны и обыкновенны, как наши с вами. Ивановка, что под Одессой, и всем знакомое Иваново. В Донбассе — Марьевка. В Удмуртии — Кузьма. Анна — близ Воронежа. В Крыму — Владимир. На линии Тихвин — Волховстрой — Валя. На сотом километре от Караганды — Дарья. На Украине, неподалеку от Нежина, есть станция по имени Галка. Можно бы подумать, что это птичье имя, но вспомните, как ласково в том краю называют Галин...

Одна станция носит имя с отчеством — Ерофей Павлович. Это в Забайкалье. Ерофеем Павловичем звали отважного землепроходца Хабарова. Есть и Хабаровск, есть и Ерофей Павлович.

Вообще именных станций у нас превеликое множество: Жанна, Сережа, Любим, Лида, Паша, Владимир, Проня, Станислав и... Станиславчик. И даже — Светик. Не Светлана, не Света, а именно Светик! Где? На Воркутинской линии, седьмая по счету за Сольвычегодском, если ехать на север.

Но страна наша богата не только Иванами да Марьями. Какие леса, горы, реки!..

Какие же есть, к примеру, лесные имена на карте железных дорог? Сосна. Не Сосновка, не Сосновая, а просто Сосна. Есть и Рябина, Вербя, Ива, Черемуха, Березы, Липки и Подлипки, Облепиха, Моршанка... Кажется, уже яго-

ды пошли. Вернемся, однако, в лес. Тем более, что и станция с таким названием есть тоже — Лес. И Лесок есть. И — Перелесок. Темный Лес, Толстый Лес и даже Чаща и Тайга. Поискать по карте, отыщется и Бор. И — два Сосновых Бора: один под Харьковом, другой — около Львова на Брянщине. Ягельный Бор — это, как не трудно догадаться, станция северная. И точно — сто километров не доезжая до Мурманска. Лес да лес, но не все же лесом идут поезда. Верно, не все. И потому есть станции с такими именами, как Степь, Тундра, Горная и просто Горы.

Довелось мне однажды ехать с ребятами, которые придумали игру в станции. Раскрыли схему железных дорог и начали искать цветные станции. Нашли Черную, Белую, Зеленую... Чернавка и Белореченская, Зеленая и Синево. Одних красных выстроилось от Красной до Красноярска и Красного Яра — аж 60 с лишним станций!..

Потом ребята взялись за числительные станции. Тут «раз-два-три!» не получилось. И все-таки нашли такие, например, как Одноуровка, Двуречное, Три Острова, Четырбоки, Пятигорск, Шестикино, Семипалатинск (на восемь не нашлось), Девятино? А как вам Холики? А Стеревская, а Сороковая?

Потом вернулись в лес, к зверям, птицам. Какие животные оказались по душе железнодорожникам? Какие птицы, рыбы? Орел и Соловей, Селезни, Гусь Хрустальный, Медведица, Лосиха, Овечка, Бобр, Песец... И надо же — даже Пони есть. Где же такая по нашим лесам и степям невдале? На Дальнем Востоке, оказывается, за Комсомольском-на-Амуре.

А с рыбами так. Рыбак, Рыбное, Рыбинск, Рыбница. Есть даже в готовом виде — станция Ушица. Но это рыбы вообще. А конкретно: Сельдь, Судак, Чир, Форель...

10 тысяч станций! Тут ни рек, ни зверей не хватит. И есть станции, которые носят имена веселые, ласковые, сказочные, озорные, а то и вовсе загранич-

Глеб Пиньжаков и деревня Пиджакова

Валерий
ЧЕРНОВ

Когда я учился в школе, в наш класс пришел новенький, которого звали Глебом. Нас, его одноклассников, поразило, что, когда учителя, называя его по фамилии, произносили Пиджаков, он подчеркнуто, по слогам поправлял Пинь-жа-ков.

Фамилия Пиньжаков происходит от слова-прозвища Пиньжак, значение которого — выходец из города Пинеги или уроженец его, и образована аналогично фамилиям Каргопольцев — от каргополец, Новгородцев — от новгородец...

Языковедение знает два любопытных явления: гиперкоррекцию и народную (или ложную) этимологию. Гиперкоррекция — сверхправильность, при которой говорящие воспринимает какое-либо слово или форму слова как неправильные и преобразуют их в соответствии со своим представлением о правильности.

Когда космический корабль впервые достиг поверхности Луны, многим показалось, что в таком случае нельзя сказать, что корабль приземлялся — надо говорить прилунился. Однако в данном случае не учтено одно весьма существенное обстоятельство — многозначность слова «земля», которое обозначает не только планету Земля, но и почву, и сушу в противовес воде... Значит, когда говорят «самолет приземлялся», утверждают не то, что он сел на планету Земля, а то, что он совершил посадку на сушу, но не на водную поверхность, — тогда бы он приводнился. Из многозначности слова «земля» следует, что глагол приземлиться имеет значение совершить посадку и его можно употреблять, говоря о посадке на поверхность Луны, и что глагол прилуниться является гиперкорректным образованием.

Суть народной этимологии состоит в том, что какое-нибудь слово, чаще всего иностранное, происхождение которого говорящим не ясно, сближается с хорошо известным корнем родного языка, делая тем самым непонятное слово понятным. Это явление обычно встречается в речи малообразованных, неграмотных людей. Радио превращается у них в орадиво (от орать), мораль в мараль (от мараТЬ), тротуар в плитуар (от плита)...

Когда в деревнях появилось новое, привезенное из города одеяние, называемое непонятным крестьянам словом пиджак, они переделали его в пинжак и даже в спинжак (как бы одежда, надеваемая на спину).

Образованные учителя не слышали редкого и устарелого слова пиньжак, но они знали, что такое народная этимология — вот и исказили фамилию Глеба.

Глеб Пиньжаков отстоял правильное произношение и написание своей фамилии. А вот жителям деревни Пиджаковой (Талицкий район Свердловской области) не повезло. Еще в прошлом веке гордые своей образованностью землемеры и картографы переправили «неграмотное» название деревни Пиньжакова (названной так, конечно же, по фамилии первопоселенца Пиньжакова) в «культурное» Пиджакова. Так она до сих пор и называется.

ные. Вот, к примеру: Сказ, Баян, Свисток, Силач, Соа, Флюс, Милое, Сердце, Невидимка, Налейка, Несухоеже, Киса, Румба, Остолопово, Берендево, Карабас. Ни конца, кажется, не будет удивительных станций, ни края. Кстати, насчет конца. Есть ведь станция и с таким названием — Конец. И Край есть. И — Упор. Дальше, наверное, ехать некуда было. Но раз есть Конец, наверное, должно быть и Начало. Начала нет, а вот Начальное, — пожалуйста. И середина есть — станция Средняя. Как говорится, «от» и «до». Кстати, и такая станция — До — тоже есть. Что обозначает это имя, не знаю, имеет ли оно отношение к началу счета или к музыке, поди теперь догадайся. Но факт есть факт — станция До существует.

А как с заграничными? Где расположен большой город Лейпциг, известно — в ГДР. А вот маленькая станция с тем же именем Лейпциг есть неподалеку от Одессы. И там же есть и Парижская. Есть и София — в Молдавии. А совсем рядом с Нижним Тагилом есть станция Сан-Дonato.

Как получают имена станций? Скажем, Хабаровск и Ерофей Павлович — названы обе в честь великого путешественника, первопроходца-сибиряка. А как быть с Кузьмой — он кто? Или со Станиславчиком? Местные краеведы, пожалуй, в курсе дела. И все же несколько историй о том, как рождаются имена станций, расскажу.

Есть в Кузбассе станция Трудоармейская. Известно, что в первые годы Советской власти были у нас трудовые армии. 20 мая 1921 года В. И. Ленин подписывает постановление ЦК о первоочередных ударных стройках, в число которых была включена железная дорога от Кольчугина до Прокопьевска. Ветку в 130 километров надо было построить быстро. Уголь был в Прокопьевске, а дороги к нему не было. Линию построили в рекордно короткий срок — за одно лето. И уже 25 октября

этого же 1921 года из Прокопьевска на Москву отправился первый эшелон с топливом. Новые станции получили имена в основном по тем селам, где прошла дорога. Но память о строителях трудовой армии решила оставить, и среднюю, на самой высокой точке перевала, станцию назвали Трудоармейской.

Не просто подобрать имя новой станции. Сложно и переименовать неблагозвучное, но привычное. И потому нередко можно встретить город и станцию с разными именами. Как, к примеру, сохраняется станция Детское Село и город Пушкин, город Кропоткин и станция Кавказская, старинный русский город Кимры и станция Савелово. Но уж когда совсем некрасиво звучит название, его, конечно, меняют. Теперь не найдешь в справочниках таких названий, как Гадово, Безобразово, Самодуровка, Разбойщина, а ведь были и такие.

В десятой пятилетке появилось больше ста новых станций — строятся железные дороги! На БАМе, например, станций будет более двухсот. Имена некоторых мы уже знаем — Тында, Беркамит, Бестужево, Лунинская, Горбачевская... Три последних названы в честь декабристов.

У ОКНА

**Сергей
ПОЛЯКОВ**

Осень, начало октября. Пасмурно; то дождик пройдет, то сыплет сверху белая хрупкая крупа и ненадолго покрывает землю. Земля еще теплая, снег пятнами протаивает, и в прогалинах видна бледно-зеленая трава.

Утро темное, светает неохотно. А когда я выглянул в окно, оказалось, что на нашем прудке перед домом появилась пара чирков: селезень и утка. Видно, ночью отдыхла стая и утром улетела дальше. А эти двое ослабевших остались.

Много косяков пролетает над деревней. Иногда в сумерках слышно прямо со двора, как звонко прогогочут, будто переговариваясь, в темной вышине гуси. Прокричат... и летят дальше. В тепло.

Сегодня воскресенье, но, хотя погода что надо, на охоту я не пойду: болею. Сяду в кресло у окна и буду смотреть на пруд и на чирков, как они ныряют.

Если бы сегодня был будний день, то каждую перемену из школы напротив прибежали бы ребяташки. Так уж заведено: как что интересное в деревне — бегут смотреть, на уроки опаздывают.

Нынешней весной на пруд случайно зашел бобер. Вот так же утром увидели: плавает по середине пруда крупное продолговатое существо. Он проплавал там весь день, пугаясь криков с берега, пытался найти приют под мостиком у огородов, но пришла женщина полоскать белье, и он опять уплыл на середину. А ребяташки, чтобы посмотреть, как бобер ныряет, кидали в него камушками.

Ребяташки — половина беды: подавыпившие парни вошли в опасный азарт. Казалось, ни за что не уйдут, пока не попадут камнем в бобра. И точно: один из камней по-

пал в цель. Зверь нырнул, снова показался наверху и неловко, рывками поплыл дальше. Я с парнями тогда поссорился, а бобр ночью ушел. Показал себя, какие они, бобры, бывают: черные, крупные и беззащитные. Показал школьникам и взрослым, как могут держаться под водой, и убрался от беды.

А нынче осенью повадились утки. Поплывают денек, отдохнут и — улетают. Что же будет с этими? Улетят они до вечера или загубит их залетный ястребок? Или, может, я решусь, выйду и подстрелю уток?

Чирки больше держатся середины, берегов боятся. Вот идут взрослые. Торопятся: дела. Поважнее чирков на пруду. Женщины прикидывают, сколько в утках мяса, и разочарованно торопят мужей: пошли! Овчинка выделки не стоит.

Утки, отплывшие от людей к середине, вновь приближаются к берегу, ныряют. Тут, у бережка, можно ухватить немного корма. Бедняги! Они и ныряют по очереди: одна скрывается под водой, другая караулит.

Да, стоит только собрать ружье, подкрасться со стороны огородов — и ветром прибьет птиц к берегу. Дело самое простое. Можно даже обойтись одним выстрелом — выждать момент, пока утки сплывутся.

Ружье — надежное изобретение... Но сегодня мысль моя идет по другому пути. Приятно вот так, по болезни, не уйти на охоту, сидеть у окна и поглядывать на дичь. Да и не особенное это счастье — посадить на мушку двух больных чирков.

Пока я сидел у окна, пока раздумывал, по дорожке к пруду подошел высокий плотный парень в телогрейке. Он не спеша, как бы оценивая ситуацию, походил по бережку, потом остановился в том месте,

де в воду вдавался небольшой клин. Все, что произошло дальше, делалось по-хозяйски, основательно.

Парень вынул из-под одежды двустолку, привычно собрал ее, вставил патроны и, хорошоенько, прицелившись, выстрелил.

Чирок перевернулся на бок, распластав крылышки по воде. Черные лапки, словно защищаясь, он прижал к брюшку. Его уже погнало ветром к берегу, как вынырнул второй, и снова грянул выстрел. Но поздно: чирок уже успел нырнуть.

Парень неторопливо переломил ружье и стал вынимать гильзы. Тут я опомнился и в чем был выскочил на улицу. Оказывается, к берегу спешил еще один человек — мой сосед Виктор.

Парень все же успел выстрелить, но от наших криков, видно, разволновался — промазал, а чирок вместо того, чтобы нырнуть, взлетел и подался к нам. Далеко он лететь уже не мог и потому, приземлившись между мной и Виктором, снова поковылял к пруду. Виктор поймал подранка и, пряча глаза, сунул его мне: лечи. Ругаясь, он побежал к себе, и я тоже возвратился домой.

Утенка я поместил в старую клетку для птиц. Пусть обсохнет, там посмотрим, что у него с крылом.

И снова сел в кресло, взглянул на пруд. Парень все еще стоял на берегу, но ружье было спрятано под телогрейку. По дорожке на выстрелы бежала девочка, видно, сестренка охотника. Он показал ей на прибывшего к берегу чирка и пошел к дому.

Девочка взяла птицу в руки и внимательно рассмотрела ее. Она погладила перья, раскрыла клюв и заглянула утенку в рот. Лицо ее было задумчивым, движения вялыми...

За окном все сыплет и сыплет крупа. И хотя на улице ничего больше интересного нет, я все равно смотрю и смотрю на пустые берега и мутные волны. Думаю. Пруд, наверно, скоро замерзнет.

Изредка за моей спиной шезелится чирок. Я даже не оглядываюсь — мне больно смотреть на его поблескивающие из темноты глазки.

Я хочу, чтобы он выжил.

КАМЕНЬ АГАТ

**Виктор
РОЩАХОВСКИЙ**

Гальки агата бывают величиной и со сливовую косточку и с грецкий орех, но иногда это — целый булыжник. Дело не в размере — только знаток обратит на камень внимание и скажет: агат. Внешне он совсем неказист. Предстанет же агат во всей своей красе только тогда, когда его ровно распилят и затем эту ровную плоскость отшлифуют. Вот тогда можно залюбоваться узором и окраской природного рисунка.

Для камня характерна многослойная структура. Различно окрашенные слои бывают порой и сантиметровые, но чаще — тонкие, как волосок. Например, у одного агата под микроскопом насчитали 2576 слоев на сантиметр.

Камни эти поражают своим разнообразием. По расцветкам их классифицируют так: агатовый оникс — белые и черные слои, карнеолоникс — красные и белые, сардоникс — красно-бурые и белые, собственно агаты — голубовато-серые и белые.

Знали агат в очень древние времена. Шумеры, египтяне и другие народы древности использовали его для украшений и изготовления дорогих сосудов, особенно же красивые — для амулетов. Верили, что агат продлевает жизнь и защищает от врагов. Но агат тогда еще не звался агатом. Это имя пришло к нему позже.

А случилось это так. На юге Сицилии течет река Дирилло, которую в античные времена называли Агатес. На берегах этой реки люди находили похожие на обкатанные булыжники камни, внутри которых скрывались пестрые и броские рисунки. Описал камни впервые греческий философ Теофраст (III век до нашей эры), который и назвал их по имени реки — агатами.

В Древней Греции широко использовались красочные полосатые агаты для изготовления украшений. Из них вырезали геммы. Это были дорогие поделки: с выпуклой резьбой — камеи, с углубленной — интальо. Вначале геммы изготавливали только с религиозными символами и разного рода заклинаниями, позже на них стали вырезать и другие сюжеты.

Римляне переняли у эллинов искусство обработки агатов. Со временем стало традицией у патрицеев носить перстни-печатки с агатовыми камнями, на которых вырезались различные письмена, изображения и кабалистические знаки.

В 85 году до нашей эры в Риме собрали первую коллекцию агатовых гемм. Значительную часть ее составили трофейные перстни, которые Помпей привез после победы над царем Митридатом VI. В 61 году до нашей эры это собрание было выставлено в Риме как жертвоприношение богам за военные победы.

После распада Римской империи традицию обработки агата в виде гемм переняли византийцы. Но с веками искусство это упало, а потом и вовсе забылось.

Вернулись к обработке агатов в эпоху Ренессанса, когда снова стало популярно ремесло изготовления украшений из драгоценных и полудрагоценных камней.

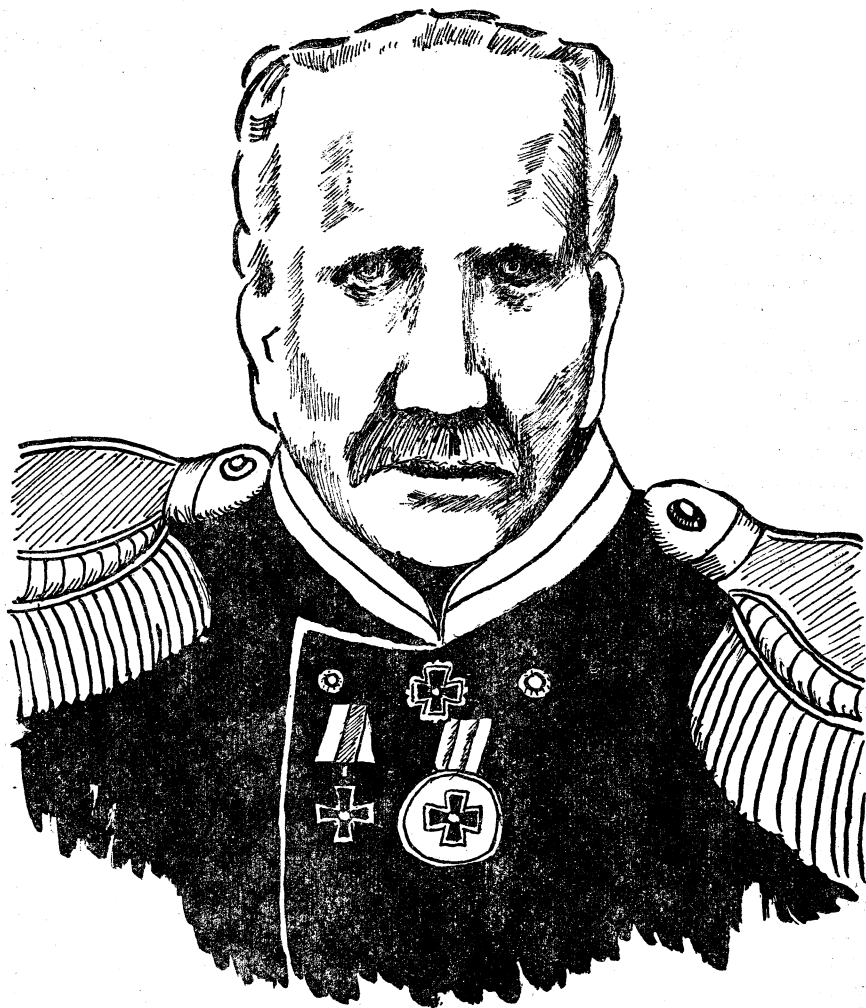
И в наши дни агаты применяются в ювелирной промышленности. Но не каждый найденный камень хорош для поделок. Знатки скажут, что только один из 30, а то и из 50 камней стоит отделки.

Чаще всего агаты находят в Бразилии, Индии, на Аравийском полуострове и в Центральной Европе. В нашей стране лучшие агаты встречаются в Закавказье.

«Привести леса в извест- ность...»

Владимир
ТУРКОВ

Иван Иванович Шульц

В памятном для России 1812 году на Гороблагодатских казенных заводах на скромную должность смотрителя за лесами определенлся молодой уже ученый форштмейстер (так называли в то время лесничих) Иван Иванович Шульц — человек, который затем стал первым главным лесничим уральских горных заводов, первым уральским ученым лесоводом и выдающимся организатором лесного дела.

Жизнь его не богата событиями. В 1803 году он поступил в Царско-сельский лесной институт — первое высшее лесное заведение в России, через три года окончил его и определенлся форштмейстером в Херсонскую губернию. Однако через шесть лет он покидает жаркие степи Хер-

сонщины, чтобы до конца своей долгой жизни обосноваться на Урале. «Формулярный список о службе и достоинствах» методично фиксирует медленное, но неуклонное и в общем благополучное восхождение по служебной лестнице. С 1814 года — форштмейстер, а затем главный лесничий Екатеринбургских казенных заводов, с 1839-го — главный лесничий горных заводов хребта Уральского. Коллежский секретарь, титулярный советник, полковник, генерал корпуса лесничих. В свое время — «Анна» на шею, «Владимир» в петлях. В 1857 году отставка, в 1862-м мирно почил в «собственном каменном доме» и в окружении благочестивой семьи. С единственного известного нам портрета глубоко запавшими глазами

смотрит сухой и суровый старик в генеральском мундире, эдакий старый служака из остзейских немцев, каких было немало в царствование Николая Палкина. «Слабым в отпращивании обязанностей службы замечен не был, беспорядков и неисправностей между подчиненными не допускал...»

Первый уральский лесовод? Много ли примечательного в его творчестве. Около трех десятков заметок с описанием изобретений и усовершенствований, сделанных на потребу тогдашнего лесного хозяйства, например, как улучшить углежжение или как использовать в заводском производстве малоценные породы деревьев, или заметка о том, как работает пила его собственной конструкции.

Стоит ли почти полтора века спустя вспоминать давно забытые дела одного из полузабытых чиновников? Стоит, потому что дела лесоводов прошлого можем по достоинству оценить только мы — потомки. Роясь в лесных архивах, наталкиваешься на документы поистине неутомимой работы первого лесничего по «сбережению лесов и устройению лесной части заводов хребта Уральского по правилам науки и доброго хозяйства». Докладные записки по «устройству лесной части», наставления по «приведению лесов в известность», таблицы опытов над «прибылью лесов», наставления по лесосеянию, описания сконструированных им лесных орудий... Не было ни одной стороны сложного лесного хозяйства горнозаводских дач, на которую бы этот человек в течение почти полувека не оказывал самого благотворного влияния. И вместе с тем, на фоне такой благополучной внешне служебной карьеры начинает вырисовываться иной, драматический облик талантливого ученого, основные труды которого безвестны. Облик безусловно честного и энергичного практика, наталкивающегося на противодействие заводладельцев, заинтересованных лишь в выколачивании чистогана (а там хоть и лес не расти!), и потому все его начинания не могли не быть обреченными на крушение и скорое забвение. Так оно, кажется, и случи-

лось. Уже через четверть века после его смерти один писатель с горечью повествовал: «Случится зайти на заводские фабрики, вы где-нибудь в сарае, в магазине, в числе разного хлама увидите заброшенные сеялки Шульда. Изредка в заводах можно видеть на домах черепичные крыши — это останки изобретения Шульда! Едучи по лесу, и теперь местами можно видеть сохранившиеся посевы, называемые шульдовскими; если не встретите посевов, сведенных впоследствии, то увидите глубокие канавы и высокие земляные валы, когда-то сделанные вокруг посевов».

Ко времени появления Шульда на Урале уже давно миновали те летописные времена, когда здесь везде стояли дремучие леса. Уже два века леса раскорчевывались под сенокосы и пашню, вырубались на «домовое строение», дрова и десятки других предметов крестьянского обихода, незаменимых в их натуральном хозяйстве: сани и дуги, кросна и кади, люльки и долбленые гробы. Но неизмеримо более всего леса истреблялись на угольное жжение. Около полутора сотен горных заводов действовало тогда на Урале, и вокруг них курились тысячи угольных куч, а по дорогам тянулись обозы с древесным углем, поддерживающим жар доменных печей и кузнечных горнов. Каждую зиму и весну крестьянин возвращался на лесосеку прошлого года и начинал рубку «от старого пня», «наголо», «степью» в любую сторону, где только находил деревья. «При вырубке степью, а не делянами, — читаем мы в донесении куренного мастера Сарапульцева, — лес уничтожается напольными пожарами и, по обширности места, оно само собой не обсеменяется». Огонь охотно запускают в лес бортники для лучшего роста медоносов, покосчики для расширения елаев, пахари перед раскорчевкой кулиг (новопахотных земель). Вот передо мной карты XVIII века. Сравнивая их, видишь, как повсюду на горнозаводском Урале растут и ширятся пустыри «дровосеков», зловещими черными кляксами расплываются гари. В 1725 году

впервые задымили трубы Нижнетагильского завода. Почти на полсотни верст вокруг стояли еще «нешевеленые» леса. А на плане, составленном полвека назад, вырубки и гари покрывают уже половину этой обширной территории. И нет ни одной пяди земли, засеянной лесом!

Следовало как-то упорядочить разгул топора и огня по лесным дачам. Но рубки не запретить, а однажды зажженные домны уж не погасить. Надо так рубить, чтобы лес возобновлялся. Золотое правило. «Для удобнейшего естественного восстановления лесов, — настаивает главный лесничий, — порядок рубки признан производиться узкими делянами, сообразно свирепствующим (то есть господствующим) в то время ветров, когда разверзаются шишки и выпадают семена, дабы вырубленные места с удобностью могли обсеменяться». Этот способ рубок, начатый под Екатеринбургом еще в 1818 году, насаждался во всех казенных и частных дачах Урала, пока не стал применяться повсеместно. И сейчас, блуждая по дремучим пихтачам Урала или его вековым, поистине корабельным рощам, которых, кажется, никогда не касалась рука человека, мы не подозреваем, что в сущности это подарок лесоводов прошлого. Лишь на аэрофотоснимках в контурах современных лесов смутно угадываются деляны того далекого времени, вырубленные так, что они быстро и бесследно позаросли.

Возьмем другое, невиданное до тех пор дело, связанное с именем первого уральского лесничего — обследование, учет и составление карты всех лесов Урала. Уже более сотни лет жгли уральские леса на уголь.

Но ни один заводвладелец не представлял, на сколько лет «заводского действия» ему достанет лесу. В 1780 году запасы Серебрянской дачи определялись достаточными на 1012 (I) лет, а в 1804 году — только на 150, для действия Бисертского завода отпускается 65, Каслинского — всего 9 лет!

А время ставит новые задачи. Первая треть XIX века — перелом-

ный этап в жизни горнозаводского Урала. Промышленный переворот. Переход от мануфактуры к фабрике. Теперь уж без точного учета топливной базы заводов, без знания того, где и сколько можно взять леса, чтобы хватило его «на вечные времена», не обойтись. «Описание лесов есть главное дело, которое должно пронавести самым аккуратнейшим образом»,— докладывает Шульц Главному начальнику уральских горных заводов.

Это грандиозное даже по современным масштабам дело по «приведению лесов в известность» началось в 1832 году на Каменской даче и продолжалось целых 20 лет, охватив огромную территорию—свыше 80 тысяч квадратных километров. Десятки межевщиков, горных землемеров с астролябией и мерной цепью прошли тысячи верст по дебрям, топям и каменистым кручам, намечая трассы кварталных просек и производя съемку лесов. Унтер-пахтмейстеры Шелехов, Подкорытов, Шаньгин, отличный мастер своего дела пермский межевщик Петр Кибанов и многие другие успешно провели новое не только для них, но и для всех русских лесоводов дело. Вместе с ними сотни крепостных мужиков топорами расчертили зеленый покров Урала на тысячи и тысячи квадратов. Не хватало опыта. Не хватало знаний. Лишь изредка в числе участников промелькнет имя практиканта или ученого—Николай Савонов, Меленецкий, Перкин... (в дальнейшем мы встречаем эти имена в числе помощников главного лесничего. Это первый отряд дипломированных лесоводов Урала). Но работа тем не менее идет успешно, идет «со всевозможным старанием, верностью и аккуратностью».

Главный лесничий держит в своих руках все нити этого грандиозного предприятия, на ходу обучая исполнителей. Его не удовлетворяет требуемое министерской инструкцией «общее обозрение» (глазомерная оценка) лесов, и он вменяет в обязанность проводить детальную таксацию на пробных десятинах. Это и позволило вычислить «ежегодную при-

быль» (или прирост, как теперь говорят) лесов, то есть ту самую величину, больше которой нельзя брать из зеленой кладовой, если не хотите, чтобы она оскудела.

Ученым коллегам Шульца, главным образом немцам из Петербургского лесного комитета, знакомым, видимо, лишь с прусскими и ганноверскими лесами, эти расчеты казались умышленно заниженными, и они воспротивились утверждению его таблиц ежегодного пользования. Шульц проводит специальное исследование по приросту лесов на разных почвах, сравнивая их с данными знаменитых тогда немецких лесоводов Гартинга и Котта. И снова приходит к утверждению, что «...ежегодный прирост, принятый в 87 куб. футов на десятину (2,16 кубометра на га) определен практически многими опытами», а поэтому верен и что данные по лесам Германии «...для уральских лесов оказываются не соответственными, ибо местные обстоятельства Урала весьма различны от таковых в Германии и посему приличнее бы было руководствоваться на точном основании, на опыте бывших порубок, на климате и большей или меньшей производительности почвы».

К 1852 году на стол главного лесничего легли планы 83 уральских лесных дач, данные таксации почти 35 тысяч пробных десятин. Это, по существу, было первое в России научное описание огромного лесного края. «Теперь,—с удовлетворением пишет главный лесничий,—избыток лесов у заводов по ежегодной их потребности и для продовольствия жителей дозан, на сколько лет каждый завод имеет в наличии лесов известно, а потому нужно, чтобы заводы не употребляли никогда больше той потребности, какая для заводов и жителей в таксации леса была принята, и тогда утвердительно можно сказать, что заводам лесов будет на вечные времена». Благие мечты! Уже скоро из заводских контор посыпались жалобы на нехватку леса, на истощение лесных дач. И в самом деле все близлежащие леса были вырублены или выжжены. Никто не хотел

видеть, что в лесной глубинке тем временем гибли от буревалов и насекомых тысячи десятины нетронутого леса. «Шульцевские расчеты—липа»—пополз слухок. А посему не лучше ли предать их забвению. И сейчас ни в одной лесной книжке вы не встретите упоминания об этом первом для России грандиозном предприятии по обследованию лесов целого края. Это ли не трагедия ученого? Сейчас мы можем определенно сказать, что первое «приведение лесов в известность» было сделано с высокой для того времени точностью, вполне достаточной для научного расчета долгосрочного пользования лесами. Его материалы исключительно интересны, как один из первых документов лесной картографии, отечественного лесоустройства и таксации. Они дают картину тех изменений, которые претерпел уральский лес за последние сто лет. И сейчас, рассматриваясь ли выцветшие лесные планы того времени, идешь ли лесной просекой, бесконечно уходящей вдаль через горные хребты и быстрые реки, поражаешься труду и подвигу тех первопроходцев, которые вели разведку лесных богатств нашего края.

И это еще не все. Была многолетняя каждодневная борьба за сохранение уральских лесов. Борьба против перевода почти четверти древесины в щепу при вырубке ее топорами. Введены пилы собственной конструкции. Был усовершенствован выжиг угля так, что сберегалось почти тридцать тысяч сажень леса ежегодно. Были первые десять тысяч десятин пустыррей, засеянных сосновым лесом. Десятки лесных учеников, разехавшихся по заводам с «приданным» от главного: семенными сушилками и лесными сеялками. Были посевы лиственничных рощ в Екатеринбурге...

Нет, не прав был один писатель, говоря о забвении трудов первого уральского лесничего. Нет, они дошли до нас в могучем шуме лесов, пении птиц, говоре лесных ручьев...

НТР И ПИЩА

Александр
СКОРИЧЕНКО

Рисунки
С. Малышева

Все изобретательнее становятся люди в борьбе за увеличение производства сельскохозяйственной продукции, потому что надо удовлетворить потребности быстро возрастающего населения планеты. В этом безотлагательном деле участвуют люди самых различных специальностей и мыслят они в самых различных, а порой и неожиданных направлениях. Изыскиванию новых способов добывания кормов для животных, выращиванию овощей и зерновых посвящают свои творческие способности многие тысячи людей.

Все очевиднее роль механизации сельского хозяйства. И не только в крупных масштабах. Сейчас специалисты стараются не упустить, казалось бы, даже самые минимальные возможности для увеличения производства продуктов питания. Например, уфимские инженеры создали трактор мощностью всего 6 л. с. Однако он хоть и мал, да работящ: может пахать, косить, перевозить грузы, опрыскивать деревья, пилить дрова. Завоюет ли этот энергичный универсал право на широкое использование, покажет время.

Удивительный трактор создали в прошлом году также и инженеры из Чехословакии. Он может бегать, словно жук, по крутым склонам гор и к тому же косить, сгребать траву, корчевать кустарник, разбрасывать минеральные удобрения. Главное же его достоинство — высокая производительность. Оси колес трактора во время движения машины копируют рельеф местности, а кабина, разумеется, постоянно находится в горизонтальном положении. Окажись трактор на очень уж крутом склоне, он начинает сигнализировать водителю о недопустимости такого риска. Если это не действует, то автоматически выбрасывается специальный якорь, который стопорит трактор намертво. И как только без трактора-жука до сих пор обходились в предгорьях, где люди издревле добывали хлеб насущный?

Как можно меньше потерь, как можно выше производительность! Под таким девизом в Польше создан комбайн для сбора смородины, который очищает в час 0,4 гектара ягодной плантации, а на кустах при этом остается лишь пять

процентов ягод. Трудоемкость сбора смородины ловкий комбайн уменьшил в 10 раз.

Знают цену времени на сельскохозяйственных и наши специалисты. Для того, чтобы не терять его, они придумали, к примеру, плуг, который и пашет и удобряет одновременно.

Много пропадает картофеля при погрузке, перевозке, выгрузке. Низка производительность труда при этих работах. Англичане пытаются разрешить проблему при помощи машины-транспортера с электронным управлением. Автоматический датчик регистрирует степень загрузки ящиков клубнями. Картофель подается транспортером осторожно, плавно, чтобы не повредить клубни.

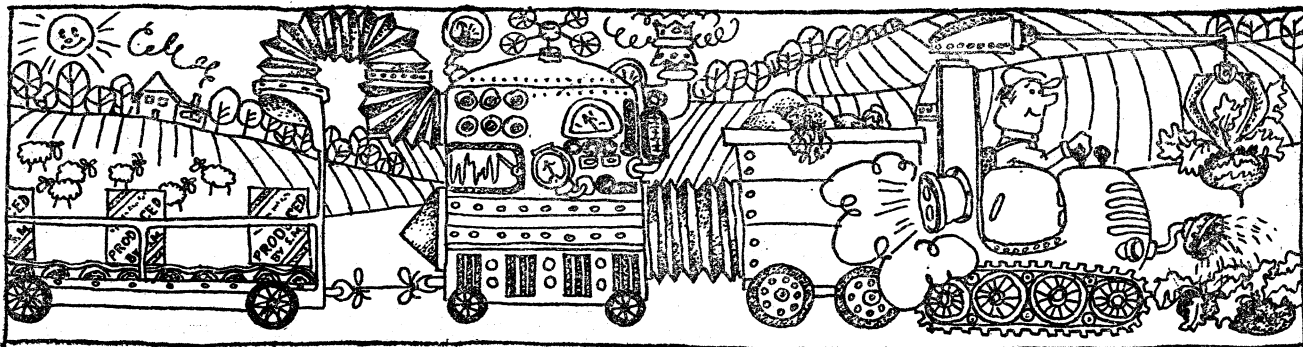
Электроника, кстати, все активнее внедряется в сельскохозяйственное производство. В Болгарии, например, создан микропроцессор для теплиц, который контролирует изменение внешней погоды и регулирует погоду в теплице, управляя системами орошения, отопления, вентиляции. Недремлющий процессор контролирует и подкормку растений.

Японские инженеры решили избавиться от вмешательства человека при сортировке огурцов. Электронное распознающее приспособление неутомимо и успешно сортирует их по величине и степени зрелости. Быстрота и качество этой работы повышаются в 2—3 раза.

Быстродействующий электронный контрольный прибор помогает англичанам мгновенно определять содержание влаги в овощах, находящихся в хранилищах. Без такого контроля трудно поддерживать оптимальные условия хранения овощей.

Не обошлось сельское хозяйство и без радиолокатора. Американские инженеры предназначили его для определения и регулировки скорости движения по полю опрыскивателя, что позволило без перебоев подавать необходимое количество химического растворителя для опрыскивания.

Доказала свои блестящие способности на селе и электронно-вычислительная техника, например, в молочном животноводстве. ЭВМ од-

ного голландского фермера контролирует систему хранения, приготовления и раздачи кормов. В результате внедрения новинки снизилась затрата рабочей силы, качественней стал уход за животными и, представьте, даже увеличилось количество дойных коров, потому что, по мере необходимости, в любой момент можно изменить количество корма и время скармливания животным любого компонента рациона.

О распространении вычислительной техники и, следовательно, о рентабельности ее использования говорит и такой факт. В Чехословакии лет десять назад вычислительная техника применялась в семи процентах сельскохозяйственных и госхозов, а теперь она работает в большинстве этих хозяйств.

Как уже было сказано, изобретательность в области производства сельскохозяйственной продукции порой и неожиданна. К примеру, белорусские изобретатели пришли к выводу, что воздушная прополка лучше механической. Струя воздуха под давлением в десять атмосфер смешивает сорняки с землей и отбрасывает их в междурядья. Американские изобретатели предлагают сушить зерно весьма экстравагантным способом — с помощью микроволновой вакуумной зерносушилки. Эффект? Снижается себестоимость сушки, улучшается прорастаемость семян, сокращается расход горючего, так как в вакууме влага из зерна удаляется при низкой температуре. К тому же уничтожаются и вредители-насекомые. Сушилка прodelывает титаническую работу — в час она готовит 350 кубометров зерна.

В нашей стране многие сельскохозяйственные районы не балуют тружеников села стабильностью климата. А урожай сохранять нужно всегда. И вот есть такая идея. Если разгулялась непогода, то на поле выйдет машина и, осторожно пригибая стебли растений к земле, уложит их в междурядья. Уложенным таким образом растениям не страшен град или дождь. А приду-

мали спасательную машину алтайские изобретатели...

Талантливые болгарские инженеры, работающие на селе. Как не упомянуть машину, которая полностью позволила в Болгарии механизировать уборку семенного лука? Она выкапывает луковицы, очищает их, затаривает. Луковый комбайн повысил производительность труда почти в два раза. А чего стоит такая перспективная вещь, как гидропоника? Болгарские агрономы из Пловдива выращивают овощи в теплицах вышеназванным способом и получают по 50—65 тонн огурцов и 25—30 тонн томатов с 0,1 гектара.

Исследователи из Болгарской Академии наук создают новые виды растений, которые значительно превосходят по всем показателям своих родственников. Например, мутантно-гибридный сорт пшеницы «Алтимор-67» за четыре года полевых испытаний в среднем давал по 75,8 центнера с гектара, а также оказался невосприимчивым ко многим заболеваниям.

Увеличение урожайности сейчас обеспечивается самыми разнообразными путями. Во многих странах, в том числе и в нашей, идет работа над получением безопасного удобрения из сточных вод. Японцы утверждают, что половину сточных вод, поступающих в очистные установки, можно превращать в компост путем обезвоживания и дальнейшей ферментации органики в оставшемся отстое. Такое удобрение особенно повышает урожайность фруктовых и огородных культур.

Аксиома, что в животноводстве успех во многом зависит от качества кормов. Любопытны эксперименты английских животноводов. Они используют отходы производства пива как корм для свиней. Коль доказано, что алкоголя практически в этих отходах нет, а белка содержится много, то, учитывая дешевизну такого корма, нужно и можно его использовать. Американские специалисты по кормам предлагают другое: часть зерна, скармливаемого животным, можно заменить просто-напросто зерновой пылью

(до 25 процентов). Результаты эксперимента — незначительное уменьшение веса животных и явное снижение стоимости кормов.

В поисках более дешевых компонентов для кормов специалисты сельского хозяйства ФРГ решили перья птицы перерабатывать в кормовую муку для скота. Из трех тонн перьев они получили 1,2 тонны питательной муки. Интересно, каков вкус мяса и молока подопытных животных, не отдадут ли они птицефермой?

Эксперименты, опыты, внедрения... И, видимо, в сельском хозяйстве, в сфере производства самого необходимого для человека — продовольствия — наука, изобретательство в дальнейшем будут играть все более значительную, а может быть, и решающую роль.

● Читаю в газете заметку о происшествии... «Автобус с дороги полетел в овраг. Следствие не могло установить причину несчастия. Аварийной ситуации в пути не возникло. Машина была исправна. За рулем сидел опытный шофер. На здоровье он не жаловался, спиртного в рот не брал...» И далее: «Подобные необъяснимые, на первый взгляд, дорожные происшествия становятся не столь таинственными, когда мы обращаемся к теории биоритмов. Вполне возможно, что у водителя, который вел автобус, был тогда кризисный день...»

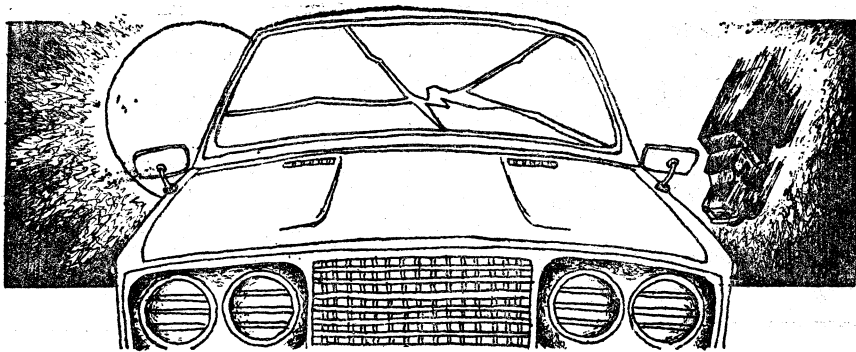
Идея ритмического течения процессов человеческой жизнедеятельности имела приверженцев еще в самый ранний период развития естествознания. Об этом мы можем узнать из трудов величайшего мыслителя древности Аристотеля (384—322 г. до н. э.), отца медицины Гиппократ, жившего за три века до нашей эры, и другого, не менее прославленного ученого-энциклопедиста, таджикского врача Абу Али Ибн-Сина, более известного в Европе под именем Авиценны (980—1037), которые впервые в своих работах обратили внимание на периодические изменения в организме человека.

Более 2300 лет тому назад Гиппократом были сказаны слова: «Тот, кто хочет заслужить признание в искусстве врачевания, должен прежде всего учитывать особенности сезона года не только потому, что они отличаются друг от друга, но и потому, что каждый из них может вызвать самые разные последствия... От атмосферных явлений зависит очень многое, потому что состояние организма меняется в соответствии с чередованием сезонов года».

На периодичность как на основное свойство живых систем и на их взаимосвязь с явлениями живой природы обращали внимание и в средние века. Достаточно назвать имена Роджера Бэкона, Иоганна Кеплера, Лючилио Ваннини и вспомнить, что их исследования были также основаны на знаниях законов ритмичности.

Биоритмология¹ открыла у человека секундные, минутные, часовые, суточные, недельные, месячные, сезонные, годовые, многолетние и другие биоритмы. Одни ученые считают, что в человеческом организме имеются более 150 ритмически изменяющихся физиологических процессов, а другие утверждают, что только за сутки у людей меняется около трехсот функций.

¹ Эту науку называют еще и хронобиологией и биоритмикой. Она родилась весной 1960 года, когда в Америке состоялся первый международный симпозиум по изучению ритмов в живых системах.

НЕ СУДИТЕ СОЛНЦЕ

**Владимир
ИОНОВ**

*Рисунок
С. Мальшева*

Сегодня твердо установлена сама связь между циклической деятельностью Солнца и увеличением числа дорожно-транспортных происшествий. Например, японский ученый Ш. Масamura проанализировал определенное число «дорожных драм», и оказалось, что больше всего их было в день активного Солнца.

Советский ученый В. Девятков подсчитал: в первые же дни после появления пятен на Солнце число автомобильных катастроф возрастает почти в четыре раза. Эти данные также согласуются с наблюдением: в период неспокойного Солнца реакция человека на любой внешний раздражитель значительно замедляется.

Некоторые хирурги в США учитывают эти многодневные циклы, когда определяют сроки операций для своих пациентов. Швейцарская часовая фирма «Цертана», используя усилившийся интерес к этим многодневным биоритмам, выпускает часы, показывающие, кроме часа и дня месяца, еще и биокалендарь циклов своего владельца. Румынский ученый Я. Комэнгану сконструировал биохронометр, который заводится в момент рождения человека и показывает всю жизнь периоды низкой и высокой его производительности, дни хорошего и плохого настроения, психологические взлеты и падения по месяцам, дням и часам. А горьковский десятиклассник Валерий Гмиль разработал для расчета биоритмов настольную микроЭВМ.

Наиболее интересно то, что од-

на японская автобусная фирма уже более десяти лет планирует график работы своих водителей с ориентацией на их «индивидуальный биологический календарь». Ежедневно те или иные водители, приходя на работу, получают карточку с напоминанием быть внимательным и осторожным в пути, так как у данного водителя сегодня нулевой (критический) или, как его называют японцы, «плохой» день.

С лета 1974 года на некоторых автопредприятиях Грузии внедрили подобную систему оповещения о «критических» днях водителей. Вычислительный центр обрабатывает исходные данные, и ведомости с рассчитанными на каждого водителя «критическими» днями рассылаются в автохозяйства. И водителям выдаются справки, согласно которым выезд на линию в «критические» дни может быть отменен и разрешается работать в гараже. Число аварий на автопредприятиях, внедривших эту профилактическую систему, сократилось на четверть.

Предупреждение дорожно-транспортных происшествий основано на гипотезе о существовании многодневных биоритмов. Впервые эта гипотеза была предложена еще в конце 19 века венским психологом Г. Свободой и берлинским врачом В. Флейсом. По мнению этих медиков, каждый человек с момента рождения находится по крайней мере под воздействием двух циклов: так называемого физического, длящегося 23 дня, и эмоционального — продолжительностью 28 дней. Позднее австрийский математик А. Тель-

чер нашел еще 33-дневный цикл интеллектуальной (умственной) активности. В каждом из этих циклов первая фаза — положительная, вторая — отрицательная.

Для физического, эмоционального и интеллектуального циклов, согласно гипотезе многодневных биоритмов, дни перехода из положительной фазы в отрицательную и обратно являются неблагоприятными для человека. Их назвали нулевыми, критическими. В среднем шесть раз в году в один и тот же день два цикла из трех проходят через нули. Такой день называют двойным нулевым днем и полагают, что отрицательный эффект здесь должен усиливаться. Совпадение же перехода всех трех циклов (физического, эмоционального, интеллектуального) в один из дней бывает лишь раз в году. Это так называемый тройной нулевой день. Некоторые ученые считают его самым опасным.

Итак, многодневные ритмы любого человека можно рассчитать, зная его день рождения, и построить график, по которому можно якобы распределять наиболее оптимальную умственную и физическую нагрузку, а также предвидеть неблагоприятные дни для того или иного рода деятельности. Можно также предположить, что решаема и такая проблема криминалистики и судебной медицины, как точное определение возраста человека с указанием даже даты рождения. Заманчиво использовать эту гипотезу для предупреждения несчастных случаев на производстве.

Решая эту задачу, мы исследовали на одном из уральских заводов несчастные случаи за последние пять лет. Совпадение даты несчастных случаев с критическими (нулевыми) днями пострадавших составило двадцать процентов... Результаты нашего анализа следовало бы сравнить с данными, полученными другими исследователями. Однако мы не обнаружили монографий и статей, посвященных анализу многодневных биоритмов.

Из всех графиков многодневных биоритмов, рассчитанных для 315 водителей и пешеходов, совпадение даты происшествия с критическими (нулевыми) днями составило не более двадцати процентов...

Тогда мы рассчитали биоритмы еще для 475 человек. Против гипотезы был 401 случай.

Получение почти одного и того же результата в том и другом случае исследования наводит на мысль, что мы имеем дело не с установлением объективно существующих биоритмов, а с иллюзией, возникающей при расчете этих многодневных биоритмов. Недостаточность гипотезы о критических днях, по нашему мнению, просматривает-

ся и в другом. Вспомним, что гипотеза предусматривает возникновение физического, эмоционального и интеллектуального биоритмов с момента рождения. Не опровергая существования многодневных биоритмов вообще, заметим только, что момент рождения зависит от многих обстоятельств и, значит, точка отсчета неустойчива во времени. Ведь в чреве матери не менее живого организм, чем новорожденное дитя, а поэтому взятую точку отсчета биоритмов нельзя считать абсолютно надежной.

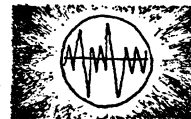
Формирование физиологических процессов, как отмечают ученые-медики, может различаться по времени, а функционирование связано с внешними и внутренними факторами, под воздействием которых указанные процессы могут изменяться и смещаться. В медицинской литературе сообщалось, что известным западногерманским ученым Хелбрюгге было установлено формирование суточного колебания ритма температуры лишь к 6-й неделе жизни детей, в то время как ритм пищеварительного аппарата готов уже к моменту рождения. Уральский ученый доктор медицинских наук, профессор, член Международного общества хронобиологов И. Е. Оранский в одной из своих книг отмечает, что на течение биоритмов влияет, например, алкоголь, при приеме которого биологические ритмы нарушаются и восстанавливаются лишь через 6—8 часов, а в отдельных случаях восстановление затягивается до суток. Рассматриваемая же нами гипотеза физических, эмоциональных и интеллектуальных биоритмов не допускает смещения их во времени и, значит, не согласуется, по нашему мнению, с установленными наукой явлениями.

Сделаем вывод: гипотеза совпадения критического (нулевого) дня с датой происшествия противоречит современным положениям и не подтверждается практикой, которая, как известно, является главным критерием проверки любого научного утверждения. Рассматриваемая гипотеза является несостоятельной и должна быть отнесена к научно не обоснованным¹.

¹ Ионов В. Состоятельна ли теория о биоритмах? — «Свердловский медик», 1977, 26 мая. Несколько позднее опубликованных нами выводов появилось в печати сообщение заведующего лабораторией Института медико-биологических проблем Министерства здравоохранения СССР проф. Б. С. Алякринского о том, что биоритмы, которые возникают точно с момента появления человека на свет, не обнаружены. (Ритм наш насущный. — «Наука и жизнь», 1978, № 4.) А также на основании анализа более пяти тысяч летних происшествий, связанных с ошибками пилотов военной и гражданской авиации США, было показано, что вероятность этих происшествий не имела абсолютно никакой связи с гипотетически многодневными биоритмами (В. Власов. Не надейтесь на биоритмы. — «Химия и жизнь», 1979, № 2).

Думается, что снижение количества автопроисшествий на автопредприятиях Грузии и в японской фирме объясняется не предвидением критических дней, а психологическим воздействием, основанном на гипотезе совпадения нулевого дня с датой происшествия, для повышения внимания шоферов к строгому соблюдению правил дорожного движения и транспортной дисциплины. Известны подобные мероприятия, направленные на сокращение нарушений правил движения и предупреждение происшествий, основанные на знании психологии водителей. Например, в Мехико, Токио на некоторых перекрестках установлены манекены полицейских. Водители знают об этом, однако четко срабатывает психологический ограничитель — робость перед «стражем порядка» оказывается сильнее рассудка. Увидев такую куклу, шофер жмет на тормоз, а не на акселератор. В силу психологического воздействия число происшествий на данных участках автострад значительно уменьшилось.

Одновременно с нами другая группа уральских исследователей также проводила проверку этой гипотезы, используя электронно-вычислительную машину. Они исследовали даты самых разнообразных происшествий и преступлений в соответствии с многодневными биоритмами обвиняемых и пострадавших. Не оставлены были без внимания даже надписи на могильных плитах городских кладбищ, где, как известно, указывается дата рождения и смерти. Было подсчитано на ЭВМ около шестидесяти тысяч различных случаев. Полученные результаты, оказалось, совпали с нашими. Итак: повторяющихся критических дней в жизни человека, очевидно, не существует.

Говорит Красная площадь

— Внимание, говорит и показывает Москва! Микрофоны и камеры Центрального телевидения и Всесоюзного радио установлены на Красной площади столицы!..— Мы уже привыкли к этим торжественным словам, к голосу Красной площади.

Впервые этот голос прозвучал 7 ноября 1925 года. То был первый радиорепортаж с трибуны Мавзолея. В этот день у микрофона были М. И. Калинин, Клара Цеткин, известные писатели.

Аудитория слушателей первого репортажа была немногочисленной. Первый репортаж с главной площади страны принимало всего 24750 радиоприемников и около 20000 радиоточек. В нашей стране работало тогда всего десять радиостанций. Теперь Красную площадь слушает весь мир!

Б. ЕФИМОЗ

Человек из легенды

27 июля 1981 года исполняется 70 лет со дня рождения бесстрашного воина-уральца Героя Советского Союза Николая Ивановича Кузнецова.

Подвиги, совершенные им в годы Великой Отечественной войны, стали яркой страницей в истории борьбы советского народа против немецко-фашистских захватчиков.

Действуя в составе знаменитого партизанского отряда Д. Н. Медведева в тылу врага, Н. И. Кузнецов занимался разведывательной работой в оккупированных фашистами городах Ровно и Львове, добывал ценные сведения о противнике, о планах фашистского командования.

Появившись в Ровно под именем оберлейтенанта Пауля Зиберта, Н. И. Кузнецов быстро освоился в городе, завел нужные знакомства с офицерами, с высокопоставленными гитлеровцами.

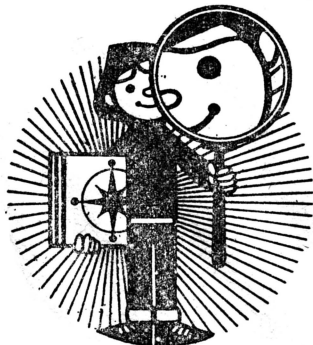
За короткое пребывание в Ровно Н. И. Кузнецов раскрыл местонахождение ставки Гитлера под Винницей, получил сведения о предстоящем крупном наступлении немецких войск в районе Курска, о готовящемся покушении на глав правительства СССР, США, Великобритании, кото-

рые должны были собраться на Тегеранской конференции в ноябре 1943 года.

Он прожил короткую — всего тридцать два года, — но яркую, как звезда, жизнь, навсегда обессмертив свое имя.

И. ТЮФЯКОВ

М И Р

НА ЛАДОНИ

Волна высотой 100 метров

Уже существуют несколько весьма остроумных и многообещающих проектов использования энергии морских волн. Но последний норвежский проект, пожалуй, превзошел все предыдущие. Ученые из Осло предложили нечто принципиально новое. Недалеко от берега в море укладываются бетонные блоки. Их размещают таким образом, чтобы они влияли на ход волн и концентрировали их

на прибрежной полосе длиной в 400 метров. Благодаря этому волны достигают высоты до 30 метров. Затем волны направляются в воронкообразный канал, где высота их возрастает еще более. Таким образом заполняется резервуар, поднятый на высоту 100 метров над уровнем моря. Накопленная в резервуаре вода стекает непрерывным потоком на лопасти обыкновенных гидротурбин...

М. МЯСНИКОВ

Дело о Семлевском озере

В 1832 году в Петербурге на русском языке издали сочинение В. Скотта «Жизнь Наполеона Бонапарта», где говорилось, что Наполеон велел бросить в Семлевское озеро, находящееся в 28 верстах от Вязьмы, московскую добычу, древние доспехи, пушки и большой крест с Ивана Великого.

В 1835 году смоленский губернатор сообщил в столицу Российского государства о том, что строительный отряд путей сообщения обнаружил на дне Семлевского озера груды металлических вещей, которые, вероятно, были брошены туда французами, бежавшими восвояси под ударами войск русских в 1812 году.

В 1836 году из Петербурга в село Семлево отбыл подполковник В. Ф. Четвериков, которому предписывалось «приступить к точнейшему зондированию озера и определению его местности, для узнания, какой выгоды принять способ для добывания вещей».

Опытный инженер Четвериков произвел тщательное зондирование всего озера, но ничего, кроме камней и топляков, не нашел.

Спустя многие десятилетия, в 1980 году, люди снова заинтересовались тайной Семлевского озера. Теперь уже говорили о том, что в озере лежат золото и дорогие вещи, брошенные Наполеоном во время бегства из Москвы. Даже по всесоюзному телевидению показывались... безрезультатные поиски клада специальной экспедицией.

В Ленинграде сотрудниками Центрального государственного исторического архива СССР обнаружено дело Главного управления путей сообщения и публичных зданий, освещающее историю поиска вещей, якобы брошенных французами на дно Семлевского озера. Документы этого дела, датированные 1836—1837 годами, опровергают легенду о московской добыче Наполеона, лежащей в озере и описанной в историческом сочинении В. Скотта.

В. КРИВОШЕИН

Обесцененные Штаты Америки

Перед каждым очередными президентскими выборами в США начинается кампания не столько по агитации за нового президента, сколько за провал возможного президента на жительство в Белом доме. И тут все средства хороши, вплоть до выпуска листовок, по форме и рисунку напоминающих банкноты.

На одной из таких «банкнот» сверху вместо традиционной надписи «Соединенные Штаты Америки» читаем: «Обесцененные Штаты Америки». Внизу номинал: «один замороженный доллар». На самом верху вместо «золотая валюта» — «холодная (в смысле замороженная) валюта».

В центре этого «доллара» портрет претендента на должность президента Ричарда Никсона. Изображен он в традиционной позе принятия присяги: пальцы поднятой правой руки сложены в виде буквы «У» — жест, обозначающий «виктори» — победу, пальцы левой руки сложены крест-накрест, традиционный жест лгунов. В США, если человек говорит неправду

и не хочет при этом быть наказанным, он незаметно (за спиной или в кармане) складывает пальцы крест-накрест и врет далее без зазрения совести. Под портретом надпись: «Папаша Безлезный доллар».

На оборотной стороне другой банкноты, достоинством в «два замороженных доллара» слева пирамида, символизирующая американское государство, сверху видна снежная шапка. Любопытна надпись под пирамидой: «Мы верим в бога, а остальные гоните деньги». В центре вместо традиционного «С нами бог» написано «Боже, помоги нам». Справа герб страны — орел. Вместо геральдического щита на груди у него знак доллара, а молния, которую держит орел в лапах, изображена в виде линии графика инфляции, падающей все ниже и ниже.

Тут, пытаясь опорочить соперника, его противники весьма самокритично живописуют обстановку в стране в 1972 году, когда эти листовки были выпущены.

И. ВАСИЛЬЕВ

Первое прикосновение

См. 2-ю стр. обложки.

Да, ждут в самом высоком понимании этого слова, ибо чистота здесь завораживающая, порядок — образцовый, атмосфера — доброжелательная. В общем уютно и приятно тут школьникам.

Заводы Алапаевска — металлургический, станкостроительный, Стройдормаш, деревообрабатывающий комбинат, автотранспортные предприятия, Управление бытового обслуживания и горно, финансирующие УПК, не скрывают своего намерения — обратить профессиональную озабоченность подростков к нуждам родного города...

Учебному комбинату исполнилось пять лет. Каков же итог? В цифровом отношении таков: более трети старшеклассников связывают судьбу со специальностями, первое прикосновение к которым произошло именно здесь.

А в смысле жизненном?

— Пусть ученые изобретут робота секретаря-машинистку... Но все равно машины заскучают без нас, людей увлеченных...

Катя КУЗНЕЦОВА, 10 класс.

— Одни находят удовольствие в музыке, другие — в технике. Для меня счастье — шить...

Лена ГЛАДКОВА, 10 класс.

— У всякого уважающего себя парня должны быть навыки по слесарному делу.

Евгений СОКОЛОВ, 9 класс.

— Сосредоточенность, старательность — качества, достойные мужчины. Хочу быть конструктором, конструктор без черчения — ничто!

Андрей ПРОСТОЛУПОВ, 10 класс.

— Моя бабушка так красиво готовила. Если я не учусь тому же, значит, шаг назад!

Татьяна ЧАРИНА, 9 класс.

— Всякая женщина должна уметь готовить. Это ее гражданский долг.

Ольга ПОДКИНА, 10 класс.

Вот так: от первого прикосновения через постижение ступенек ремесла — к сознанию гражданского долга быть полезным.

Директор комбината Екатерина Павловна Борисихина намеренно не погружала нас в проблемы организационные, производственные, они есть и будут, а вот о том, что требует постоянных поисков и размышлений, говорили много...

Важно, чтобы труд вошел в мирозерцание школьника как категория возвышающая. Этому способствует многое. Скажем, семейные традиции. Мастер металлообработки Александр Семенович Скляр — опытный педагог, в прошлом рабочий. И лучшие у него — Сергей Красиков, Юрий Глухов — сыновья из рабочих семей. Очень важен подбор наставников. Принцип подбора — обучать должен тот, кто не просто знает профессию, но и любит...

Вера Николаевна Останина (машинистка), Любовь Владимировна Петрова (кулинария), Анатолий Федорович Вараксин (автодело) пришли на комбинат с производства. А потому и пришли, что есть у них за душой такое, чем приятно и необходимо поделиться, что важно передать...

Часто звучит в комбинате имя первого директора, вдохновителя, так сказать, и организатора, Анны Ивановны Лопатиной. Уважают и помнят ее по сей день. Собственно, здесь любят все фиксировать, обобщать скрупулезно (есть даже кабинет такой!).

...В УПК заняты настоящим делом. Все, что ребята обтачивают, шьют, чертят, печатают, есть реальные задания предприятий Алапаевска и есть реальный вклад старшеклассников в производственную жизнь невеликого уральского городка.

Юрий
БОРИСИХИН

Фото
А. Лысякова

В новом году редакция предложит вниманию читателей ряд повестей, обращенных непосредственно к юношеству.

«Уборщица и Гаянэ» — не случайно именно так назвал свое новое произведение известный уральский прозаик Анатолий Власов. В центре повествования две судьбы, две женщины. Одна — мать семейства, которой война не дала получить ни образования, ни специальности. Вторая — дочь обеспеченных родителей, избалованная лаской, купающаяся в ритмах современной музыки. Уборщица, много пожившая и повидавшая, смотрит на мир открытыми глазами, она полна сочувствия к окружающим ее людям, готова принять их ношу на свои плечи. Гаянэ, не успевшая начать жизнь, уже устала от нее. Но, как убедится читатель, познакомившись с повестью, писатель избегает стандартного противостояния двух разных характеров — у него иные, более глубинные творческие задачи.

Повесть Валентина Новикова «До первого снега» посвящена гражданскому становлению юноши-строителя. У героя действительно все впервые: первая встреча со стройкой, коллективом взрослых людей, первая полочка, первая любовь...

В далекой Эвенкии протекает действие повести Алитета Немтушкина «Мне снятся Гэги». Один из основателей эвенкийской литературы поэт А. Немтушкин впервые обратился к прозе. Повесть во многом автобиографична, пронизана национальным колоритом.

Главный герой произведения — маленький Амарча (его двоюродная сестренка появилась на свет несколько раньше, отсюда и Амарча — чуть опоздавший родиться). Жизнь Амарчи — это жизнь стойбища, в более обобщенном образе — жизнь народа, шагнувшего от племенного, кочевого уклада в наше стремительное Сегодня. В повести есть трагические страницы, но в целом она напоена поэтическим чувством автора, влюбленного в родную природу, родную Эвенкию.

В портфеле редакции также приключенческая повесть Сергея Крапивина, рассказы, этюды о природе. Как всегда, в поэтической тетради журнала будут представлены произведения профессиональных и молодых поэтов.

Любители фантастики смогут прочитать новую повесть Семена Слепынина «Мальчик из саванны». Читатели «Уральского следопыта» знакомы с этим автором по его предыдущей работе «Звездный странник». Прошлое и будущее причудливо сталкиваются друг с другом, повинувшись фантазии писателя. Представитель цивилизованного мира попадает в каменный век и, напротив, мальчик, одетый в звериные шкуры, вдруг оказывается в царстве электроники, музыки, живописи. Туго скрученную пружину действия автор заставляет служить своей главной цели — раскрытию психологического состояния героев.

Редакция продолжит в новом году публикации под рубрикой «Мой друг — фантастика», предложит своим читателям новые вопросы традиционной викторины.